

АРТУР ЛИЕЛАЙС

ЗОЛОТО ИНКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИЕСМА»
РИГА 1974

91 (A7)
Л 557

Arturs Lielais
INKU ZELTS
Izdevniecība «Liesma»
Rīga 1970
Serija «Piedzīvojumi, fantastika, ceļojumi»

Перевод с латышского *Виктора Андреева*
Художник *Адольф Лиелайс*

© Перевод на русский язык,
«Лисма», 1974

0-7-6-3-496
М-801(11)-74

ОТ АВТОРА

Эта книга тематически продолжает мои предыдущие работы: «Каравеллы выходят в океан» и «Конкистадоры». В ней рассказывается о завоевательной политике испанцев в Новом Свете после морских путешествий Христофора Колумба и походов Эрнандо Кортеса.

В «Золоте инков», описывая деятельность завоевателей Южной Америки — Писарро, Альмагро и других, рассказывая о новых географических открытиях в этой части света, о завоевании государства инков, походах в Чили, путешествии Орельяны по Амазонке, о борьбе среди самих конкистадоров, вспыхнувшей из-за дележа добычи, я тоже использовал различные источники — хроники, письма, свидетельства современников и исторические исследования. В книге приводятся и некоторые сведения по истории племен, населявших Перу, об их своеобразной культуре, варварски уничтоженной испанцами.

Хотя зачастую свидетельства хронистов темны и противоречивы, о чем-то они умалчивают, что-то пытаются приукрасить, скрыть правду им так и не удалось: завоеватели только прикрывались разговорами о распространении христианства а европейской цивилизации, а на самом деле их каравеллы выходили в океан, чтобы захватывать и грабить далекие заморские страны. Так началась эра колониализма, так родился капитализм, принесший завоеванным народам неисчислимые страдания, нищету и рабство.

Золото было и остается истинным богом завоевателей, грабителей и авантюристов. Золото — это власть, признание, слава, и только ему поклонялись конкистадоры. Ради золота они готовы были на неслыханные преступления, ради него преодолевали невиданные трудности. Во имя Желтого дьявола проливались потоки крови, заставлялись братоубийственные войны.

В наши дни, дни полного крушения колониализма, когда человечество сбрасывает с себя иго золотого тельца, империалисты всячески пытаются замести следы преступлений, совершившихся ими на протяжении столетий.

Я надеюсь, что эта книга, повествующая о событиях давно минувших, поможет сорвать маску с тех, кто и в наше время пытается выдать себя за носителей культуры и всеобщего благоденствия. Прошлое грозно обличает поработителей.

На пороге
Дального

ЗОВ ЗОЛОТОГО МИРАЖА

Откуда взялся солнечный металл? — Возникновение легенд. — На берегах Великого Южного моря. — Эльдorado. — Андагоя плывет на юг

В 1492 году великий мореплаватель Христофор Колумб на испанских каравеллах переплыл через Атлантический океан, посетил Багамский архипелаг и достиг во время этого путешествия Кубы и Эспаньолы (Гаити). Впоследствии он и его сподвижники открыли и завоевали немало других островов в Карибском море, а затем стали продвигаться и вдоль побережья Американского континента (в то время испанцы называли его Тьерра-Фирме — Твердая земля). И повсюду завоеватели прежде всего пытались выведать у индейцев: где искать солнечный металл — золото, из которого сделаны украшения туземцев? Здесь, на островах, или его привозят издалека?

Ответ всегда был один и тот же: индейцы показывали на юг и юго-запад и жестами пытались объяснить: металл этот оттуда.

Там лежат богатые страны, где нет недостатка в золотых сосудах и роскошных украшениях. Золотой песок там можно собирать по ночам на морском берегу при свете факелов или звезд, просеивать его и затем чеканить из золота тяжелые браслеты и подвески. Там можно сетями вытаскивать из рек золотые самородки величиной с куриное яйцо, а жемчугом и драгоценными

камнями усыпаны берега ручьев. Золота в этих краях столько, что рыбаки подвязывают к сетям вместо каменных грузил слитки золота. Там изобилие благовоний и пряностей. А один из островов, по уверениям индейцев, весь из чистого золота.

Неудивительно, что путанные рассказы индейцев привели к появлению легенд, к возникновению золотого миража, что еще сильнее разожгли пылкую фантазию и необузданную алчность испанцев. Завоеватели считали теперь любую добычу, которую им удавалось захватить на Антильских островах, ничтожной; золотой мираж манил и гнал авантюристов все дальше, в неведомые страны. По всему побережью Карибского моря предприимчивые люди основывали новые колонии, пытаясь найти свое счастье.

Васко Нуньес де Бальбоа, один из вождей испанских конкистадоров, обосновавшийся в Золотой Кастилии, колонии, расположенной возле Дарьенского залива, на северном побережье Южной Америки, тоже двинулся в глубь материка и встретил племена, владевшие множеством золотых украшений. Индейцы были очень удивлены, увидев, с какой жадностью испанцы набрасываются на этот металл.

Однажды, когда ссорившиеся между собой завоеватели взвешивали и делили награбленное золото, один из касиков, по словам хрониста Хереса, ударив кулаком по весам так, что блестящий металл рассыпался по полу, возмущенно воскликнул:

«Как можете вы, белые люди, так высоко ценить это презренное золото и переплавлять изысканные украшения в грубые слитки!? Но если уж ваше стремление к этому металлу столь велико и только ради него вы осмеливаетесь пускаться в такие далекие и опасные странствия, ставите, на карту свою жизнь и нарушаете беспричинно мирную жизнь счастливых народов, то я хочу показать вам страну, которая так богата золотом, что наверняка насытит вашу алчность. Там люди едят с золотых блюд и пьют из золотых кубков, и золото там так же дешево, как у нас железо. Но если вы хотите завоевать эту страну, то должны отправиться туда в значительно большем числе, потому что там живут отважные люди, которые будут защищать свое имущество до последней капли крови. Особенно яростно будет сопро-

тивляться вам могущественный Туманама, властелин, золотоносных гор, находящихся в шести днях пути отсюда. Но прежде чем вы туда доберетесь, вам придется пересечь область, где обитают безжалостные карибы, любимым угощением которых служит человеческое мясо. Когда после этого вы одолеете вот те горы, — он пальцем указал на юг, — то дойдете до большого моря и увидите там многочисленные корабли, которые ничуть не меньше ваших и у которых есть руль и паруса».

На Васко Нуньеса де Бальбоа слова молодого касика произвели глубокое впечатление. Далекая, богатая золотом страна и Великое море, которое безуспешно искал Христофор Колумб, с каждым днем все больше манили вождя конкистадоров. В 1513 году он со своими воинами пересек Панамский перешеек и достиг берегов Великого Южного моря — Тихого океана. Объявив бесконечные водные просторы со всеми их островами и землями собственностью испанского короля на вечные времена, Бальбоа начал расспрашивать у индейцев, где можно найти золото и другие сокровища.

Один из индейских касиков рассказал, что берег этот простирается далеко, далеко к югу, и там лежит богатейшая страна. Чтобы доплыть туда, нужны недели. В этой стране несметное количество золота, жемчуга и драгоценных камней, у храмов там — золотые крыши и серебряные двери. Там водятся удивительные выючные животные. Касик даже вылепил из глины изображение одного из них. Испанцы не могли понять: верблюд это или олень. На самом деле то было первое изображение ламы, которое довелось увидеть европейцам, а полученные ими сведения были первым известием о могущественном и богатом государстве инков — Перу.

С тех пор самой пылкой мечтой Бальбоа стала экспедиция в далекую южную страну. Однако ей не суждено было осуществиться. В Центральноамериканскую колонию — Золотую Кастилию — прислали из Испании нового наместника — губернатора ЛТедро Ариаса де Авилу (обычно его называли Педрариасом) с целой армией завоевателей. Боясь соперничества человека, открывшего Великое Южное море, наместник в 1517 году приказал отрубить Бальбоа голову.

Педрариас, безжалостный, коварный деспот, тринадцать лет управлял Золотой Кастилией, опустошив всю

Центральную Америку; он, по свидетельству современников, беспощадно уничтожил на этих землях два миллиона индейцев. В 1519 году конкистадоры основали Панаму — опорный пункт на побережье Тихого океана, построили там форт и гавань и стали совершать походы на север, вдоль берегов Панамы и Коста-Рики. Потом захватили Сальвадор и Никарагуа и добрались до Гватемалы и Гондураса. Тут они столкнулись с испанцами, которые пришли в Центральную Америку с севера.

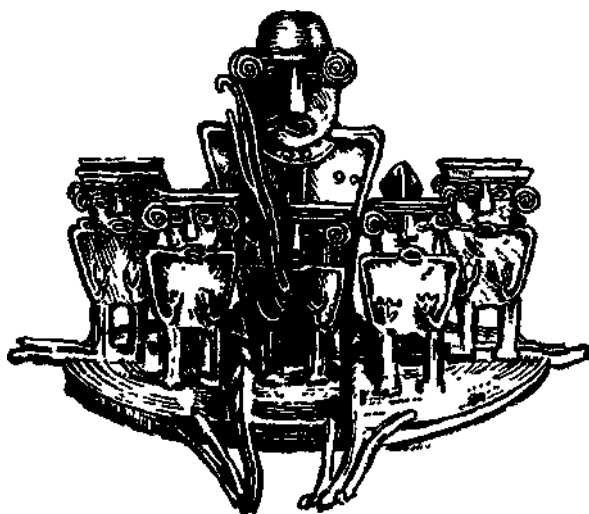
Главный поток испанской экспансии с Антильских островов Карибского моря был направлен на север — в Мексику. Страну эту завоевал Эрнандо Кортес, захватив там огромные богатства.

Однако индейцы по-прежнему утверждали, что настоящая золотая страна находится далеко-далеко на юге. Там, в густых джунглях, за высокими горами живет могущественный правитель Эльдорадо (Золотой король; по-испански «дорадо» означает золотой, позолоченный). Этот великий государь сказочно богат, все тело его покрыто тонким слоем золотой пыли. Каждое утро он смазывает себя липкой ароматной жидкостью или смолой, а затем посыпает мелко истолченным золотом, и так, вызолоченный с головы до ног, разгуливает, словно сверкающая статуя, изваянная рукой великого мастера. Он решил, что нет на свете более прекрасного наряда, и не хочет украшать себя золотым оружием и драгоценностями, как другие правители; литые и кованые украшения, по его мнению, слишком грубы и обыденны. Несравнимо большая радость — каждое утро заново осыпать себя золотым песком, а вечером смывать его и выбрасывать. Правитель так богат, что может себе это позволить — его золотые копи неисчерпаемы.

Миф о таком богатстве и столь необычном способе украшать себя кажется совершенно невероятным, однако он был значительно ближе к истине, нежели многие другие легенды Нового Света.

Народ муисков, или чибча, обитавший на северо-западе Южной Америки, образовал в то время два государства: на юге, возле теперешней Боготы, и на севере, около нынешней Тунхи.

Верховный жрец муисков, бывший одновременно

Легенда об Эльдorado — правитель со своими приближенными отправляется на плоту к месту священных жертвоприношений (изображение работы индейцев из племени мусков)

и правителем страны, после своего избрания на эту высокую должность совершил торжественное моление на плоту посреди священного озера, будучи весь осыпан золотом. После окончания обряда он бросил в воды озера приношение богам — золотые украшения и драгоценности.

Смутные сведения об этой церемонии, очевидно, и породили сказочную легенду об Эльдorado, Золотом короле. Потом так стали называть фантастически богатую страну, скрытую в джунглях Южной Америки, а также город Маноас, в храмах которого полным-полно золотых идолов, сосудов, щитов и лат. Люди там отправляются на войну, увешанные золотым оружием. Во время торжеств император этой страны вместе со своими губернаторами и вассалами пьет из огромных золотых кубков. В подобных случаях соблюдается якобы следующий обычай: все, кто пьет за здоровье

правителя, раздеваются догола и смазывают себя древесной смолой — белым бальзамом. Слуги правителя, размельчив золото в порошок, выдувают его через полый тростник на смазанные тела, пока те не начинают сверкать от головы до пят. Потом покрытые золотом вельможи пируют по шесть-семь дней подряд.

Эльдорадо было и оставалось далеким, недостижимым миражем. Чтобы приблизиться к этому заманчивому призраку, надо было отправиться на юго-запад от Панамского перешейка.

Однако все экспедиции, все походы в этом направлении кончались неудачей: высокие горы, густые леса, непроходимые болота, порожистые реки и воинственные племена преграждали путь немногочисленным отрядам завоевателей.

Один из вождей конкистадоров — Паскуаль де Андагоя тоже пытался пробиться как можно дальше на юг. В 1522 году он отплыл из Панама — путь его лежал вдоль побережья Южной Америки — и достиг дельты реки Сан-Хуан (4° с. ш.). На всей обозримой части побережья (берег теперешней Колумбии) Андагоя не нашел ничего, что могло бы привлечь сюда конкистадоров. Повсюду он видел лишь влажные экваториальные леса да нескончаемые безжизненные болота. Туземцы, встречавшиеся очень редко, своими рассказами вновь околдовали испанцев золотым миражем: высоко в горах, неподалеку от моря, к югу от реки Биру, лежит большая и многолюдная страна, богатая золотом, серебром и жемчугом.

Однако Андагоя был вынужден вернуться в Панаму. Он привез новые сведения о загадочной стране Биру. Панамские колонисты уже знали об удивительной удаче, сопутствовавшей Кортесу в Мексике, они вспоминали рассказы Бальбоа о легендах, услышанных им в джунглях. Недостатка в решительных людях, жаждавших попытать счастья в новом далеком походе в легендарное Эльдорадо, не было. Одним, из таких людей был Франсиско Писарро, закаленный воин, истый искатель приключений и авантюрист.

ТРИУМВИРАТ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Франсиско Писарро — эстремадурский найденыш. — Годы закалки. — «Злобный и испорченный, коварный, непостоянный, лживый и продажный, как никто другой». — Диего Альмагро согласен рискнуть. — Патер Эрнандо де Луке финансирует экспедицию

Франсиско Писарро, которого буржуазные историки превозносили как одного из самых замечательных людей своего времени, родился в Испании, в Эстремадуре, в поселке Трухильо, в той же самой округе, где появился на свет и Эрнандо Кортес. Точный год рождения Писсаро неизвестен; называют период с 1471 по 1478 год. Отец его был помещик, пехотный офицер, а мать — бедная крестьянка из Трухильо, на которой отец Франсиско так и не женился. Незаконнорожденного ребенка она, по словам некоторых хронистов, положила на паперть и скрылась. Испанский историк Гомара утверждал даже, что подброшенный ребенок умер бы, если б его не выкормила свинья — подобно тому, как Ромула и Рема — основателей Рима — выкормила волчица. Таким образом, само божественное провидение позаботилось о Франсиско Писарро и не Дало погибнуть будущему воителю Христову, распространителю католичества в дальних странах и основателю заморской державы.

Однако в действительности все происходило, видимо, иначе — без чудес и легенд. Подкидыша подобрали добрые люди и несколько лет воспитывали его, пока, наконец, отец не сжалился над ним и не забрал мальчика к себе.

О детстве и юности будущего великого конкистадора точных фактов не сохранилось. Воспитанию и обучению мальчика, очевидно, никто не уделял особого внимания. Сыновья других знатных помещиков изучали науки в Саламанке или служили при королевском дворе, а незаконнорожденный Франсиско пас отцовских свиней на холмах Эстремадуры. До конца своей жизни он остался безграмотным, так и не научившись ни читать, ни писать. Отец не усыновил его, поэтому никто не мог официально признать его дворянином — идальго. Только

значительно позже, когда Писарро добился почета и славы, его назначили губернатором, наместником короля на завоеванных землях и дали ему титул маркиза. Но «чудо» это произошло уже не благодаря вмешательству небесных сил, а с соизволения короля.

Эстремадурский свинопас наверняка был свидетелем триумфа великого мореплавателя Христофора Колумба после его первого путешествия за океан, и в сердце нищего юноши вспыхнула жажда приключений, страстное желание выбиться в люди, завоевать славу, почет и богатство. Но ему пришлось набраться терпения и долго ждать возможности отправиться за океан или стать солдатом и попытаться счастья на поле боя.

Есть сведения, что этот brave юноша в умении владеть оружием упражнялся на большой дороге, а потом поступил в наемники. Но сколотить состояние простому солдату было почти невозможно, а офицерами обычно назначались сыновья дворян. И только в заморских странах еще можно было выбиться из нищеты.

В 1509 году Франсиско Писарро отправился за океан, в Эспаньолу, а оттуда вместе с Охедой — в его неудачную экспедицию в Дарьенский залив. Здесь Писарро получил первую закалку в суровых испытаниях, выпавших на долю завоевателей Нового Света.

Потом он присоединился к Бальбоа, разделив с ним славу открытия Великого Южного моря. Здесь же он впервые услышал рассказы индейцев о далеком богатом Перу. Впоследствии по приказу нового губернатора Золотой Кастилии Педрариаса он арестовал Бальбоа и заковал его в цепи.

После трагической смерти Бальбоа Писарро верно служил Педрариасу, участвуя в завоевательных походах на Панамском перешейке. Сам Педрариас избегал трудностей и в рискованные походы посылал Писарро, используя военный талант и организаторские способности этого предводителя конкистадоров, однако на вознаграждение скупился. После нескольких экспедиций, добившись звания капитана, Франсиско Писарро получил, наконец, земельное владение с несколькими сотнями индейцев-крепостных неподалеку от нового центра колонии — Панамы — и начал тихую, спокойную жизнь. Однако плантации приносили капитану весьма незначительности доход, и Писарро приходилось довольство-

Франсиско Писарро (со старинной гравюры).

ваться малым и ждать, когда появится возможность осуществить свою давнюю мечту — организовать экспедицию в золотую страну Эльдорадо, открыть и завоевать новые территории. Здесь, в Панаме, он не нашел золотых гор, как надеялся. Для экспедиции у него не было средств.

В 1522 году, когда Андагоя вернулся из своего неудачного похода, Франсиско Писарро было уже около пятидесяти лет. Это был статный, сильный, очень выносливый мужчина с: седой бородой, с лицом, опаленным тропическим солнцем, иссушенным морскими ветрами и изрезанным глубокими морщинами и шрамами. Он, по утверждениям хрониста, держался просто, не любил украшений, всегда носил длинный черный плащ, белую шляпу и прочные белые сапоги. Движения его были

быстрыми, но осторожными, как у тигра, когда тот подкрадывается к своей жертве. Он выходил в одиночку против ста индейских воинов. Один из его современников, описывая черты характера знаменитого конкистадора, сравнивал его с древнеримским политическим деятелем и известным заговорщиком Катилиной и говорил, что это был человек «сильный духом и телом, но злобный и испорченный, коварный, непостоянный, лживый и продажный, как никто другой». Подобно Катилине, его стихией с молодых лет были гражданские войны, грабежи и убийства; он окружал себя авантюристами и темными личностями.

Франсиско Писарро был вынужден искать компаньонов со средствами. Время для нового похода было весьма подходящим — из Мексики приходили вести, будоражившие самых хладнокровных: Эрнандо Кортес завоевал огромную страну и захватил такую добычу, о которой раньше не осмеливались и мечтать.

Но ведь на юге людей отважных, способных владеть мечом, ждет Эльдorado, страна, где золото можно загребать лопатой! Нужны только деньги, много денег, чтобы нанять корабли, закупить продовольствие и оружие и выплатить жалованье солдатам. И Франсиско Писарро нашел денежных людей там же, в Панаме. Одним из них был Диего Альмагро, старый опытный воин, сумевший приобрести солидное состояние. Он готов был рискнуть и вложить свои деньги в заманчивое предприятие. Никто не мог сказать, откуда взялся этот простолюдин с темным прошлым, из какой области Испании происходит его род, каково его настоящее имя. Сам он утверждал, что родился в 1463 году в городе Альмагро в Испании и поэтому взял себе такую фамилию.

Так же, как и Писарро, Альмагро был подкидышем — его нашли на церковной паперти, он тоже не получил образования, не умел ни читать, ни писать. Уже в ранней молодости он отправился в Новый Свет и благодаря отваге и выносливости завоевал славу мужественного воина. О мужестве и ловкости Альмагро ходили легенды. Он был опытным, неутомимым солдатом, отличным следопытом: в непроходимом лесу мог обнаружить следы индейцев и настичь их, даже если те опережали его на целую милю.

Современники считали Альмагро упрямым, грубым, ограниченным человеком. Он был резок, прямолинеен, часто поддавался гневу, но ярость его быстро проходила. Этот закаленный воин был незаменим в любой рискованной аванюре, он был воздержан в еде и питье и терпеливо перенес бы голод и любые трудности, однако неутолимое честолюбие заставило его гнаться за властью и могуществом.

К двум компаньонам — Писарро и Альмагро — присоединился священник Эрнандо де Луке, умный, хитрый прелат, изворотливый дипломат, к чьим советам благоклонно прислушивался всемогущий правитель Золотой Кастилии Педрариас. Но самое главное — у Луке были деньги.

Альмагро и Луке вложили свое состояние, чтобы нанять корабли и солдат, а Франсиско Писарро, у которого не было ничего, кроме славы отважного воина и неукротимой энергии, принял на себя руководство экспедицией. Альмагро следил за подготовкой кораблей, вербовал матросов и солдат, закупал продовольствие, а патер Луке добывал деньги и вел переговоры с чиновниками Педрариаса.

Вначале компаньонам не везло: не хватало энтузиастов, согласных принять участие в экспедиции. Проект ее стал объектом шуток и насмешек колонистов. Золотая страна за горами, тропическими лесами и болотами казалась бесконечно далекой. Никто не знал, сколь долгим окажется путь и какие трудности ждут завоевателей. Из-за прежних неудач сомневались даже самые решительные и отчаянные. Однако в скором времени неофициальным компаньоном и опекуном экспедиции стал сам наместник. Хотя он и не субсидировал ее, как обещал, но зато обязался не чинить никаких препятствий организаторам, так как за этот дружественный нейтралитет ему обещали четвертую часть всех будущих доходов. Без разрешения Педрариаса никто в Золотой Кастилии не имел права вербовать солдат и отправлять корабли в океан. Поддержка со стороны наместника придала вес готовящейся экспедиции и склонила на ее сторону сомневающихся.

Альмагро очень быстро оснастил две небольшие каравеллы, предназначенные еще Бальбоа для дальнего морского путешествия и после его смерти стоявшие без

такелаж в порту Панамы. Солдат удалось на вербовать с большим трудом, хотя в Панаме и не было недостатка в людях, не имевших никакого занятия и готовых попытать счастье в новой экспедиции, — грабителей, одетых в шелковые и бархатные обноски, кормила их шпага.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ — ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

Франсиско Писарро выходит в море. — На болотистых берегах. — Голодная гавань. — Все дальше к югу. — Битва у мыса Кемадо. — Возвращение в Панаму. — Поездка Диего Альмагро

В ноябре 1524 года Франсиско Писарро отплыл из Панамы на одном корабле, имея в своем распоряжении около ста человек, — отплыл на поиски «империи Перу», как уже окрестили испанцы неизвестную страну. Альмагро на втором — меньшем по размерам — должен был отправиться вслед за Писарро, как только на вербует экипаж.

Время для похода было выбрано неудачно. Начались дожди и бури. Кораблю приходилось бороться со встречным ветром. Через залив Мигеля плыли почти точно на юг, пока не добрались до мест, где уже побывал Андагоя. Здесь Писарро вошел в реку Виру (искаженное название этой реки, очевидно, и послужило названием государства инков Перу) и какое-то расстояние прошел вверх по течению. По обоим берегам реки тянулись топкие болота, кишевшие змеями и аллигаторами. Над трясинной вились тучи москитов.

Писарро велел бросить якорь и со своими солдатами отправился разведывать берег. Он показался ему сплошным болотом, поросшим густой, почти непроходимой чащей. За болотом поднимались холмы, усеянные острыми камнями. Солнце палило безжалостно, и конкистадоры проклинали тяжелые латы и ватные панцири, которые должны были предохранить их от индейских стрел, проклинали все на свете. Измученные и истощенные люди не обнаружили здесь ничего, что привлекло

Конкистадоры готовятся к отплытию (со старинной гравюры)

бы их внимание. Начало экспедиции представлялось им совершенно неудачным.

Но Писарро не терял надежды. Покинув негостеприимные берега реки, испанцы направились дальше на юг вдоль океанского побережья. Мореплавателей преследовали непрекращающиеся ливни, яростные грозы

и бури, лихорадка и невыносимая жара. В трюм просачивалась вода. Бушующие валы поминутно грозили раздавить суденышко. Десять дней океан безжалостно, словно щепку, бросал парусник, и морякам только благодаря отчаянным усилиям удалось спастись от гибели. А потом кончились запасы продовольствия и воды, и каждый участник экспедиции стал получать в день только по два початка кукурузы. Измученные голодом и непогодой, мореплаватели роптали и охотно повернули бы обратно в Панаму либо, по крайней мере, бросили якорь где-нибудь у побережья. Однако болота, поросшие непроходимыми лесами, тянулись все дальше на юг; и Писарро упрямо продолжал плавание.

В конце концов угроза голодной смерти заставила конкистадоров высадиться на берег, где они надеялись пополнить запасы продовольствия, дров и воды. Но и здесь их встретили такие же тропические леса, и здесь не видно было ни зверей, ни птиц, только дождь стучал по листьям. Вокруг огромных стволов вились лианы, пробиться сквозь которые можно было только с помощью Топора. Здесь нельзя было найти ничего съедобного, разве что какие-то ягоды, которые нисколько не утоляли голод.

Конкистадоры сетовали на свою горькую судьбу и роптали на командира, заманившего их в эту проклятую богом страну. Против судьбы не пойдешь, надо спасти свою жизнь и возвращаться в Панаму.

Но Писарро вернуться не мог: в Панаме его осмеяли бы как честолюбивого мечтателя, не способного достичь своей цели. Это было бы крахом всей экспедиция.

Поэтому он отправил корабль под командованием своего офицера Монтенегро за провиантом на Жемчужные острова в Панамском заливе. Расстояние не столь уж велико, поездка должна занять всего несколько дней. Сам Франсиско Писарро примерно с пятьюдесятью солдатами остался на побережье. Начались тяжелые, почти каторжные рекогносцировки в джунглях: вдруг удастся отыскать какие-нибудь тропы и человеческое жилье. Ничтожные запасы еды скоро кончились, и испанцы голодали, питаясь улитками, рыбой, молодыми горькими пальмовыми побегами, ягодами и травой; к тому же пища иногда оказывалась ядовитой, люди распухали, и их мучали страшные боли. Исхудав-

шие солдаты бродили как тени, умирали от голода и приступов лихорадки. Очень скоро более двадцати завоевателей нашли себе могилу на этом побережье.

Однако Писарро был по-прежнему бодр и несгибаем и пытался поддержать отчаявшихся, рассказывая им о золотой стране, находящейся за густыми лесами и высокими горами, делясь с ними своим скудным пайком, ухаживая за больными и помогая строить шалаши из пальмовых листьев, в которых можно было бы укрыться от изнуряющих ливней.

Проходили дни и недели, а о корабле с продовольствием не было ни слуху ни духу. Умиравшие от голода люди напрасно пытались разглядеть на горизонте белый парус или хотя бы какую-нибудь индейскую лодку.

И тут Писарро сообщили, что где-то далеко в лесу замечен огонь. Со своими солдатами он пробился сквозь джунгли и действительно обнаружил поляну и индейское селение. Нагие люди в страхе прикинули свои хижины, и изголодавшиеся вконец испанцы бросились туда, хватая все, что попадалось под руку, главным образом съестное. Пораженные индейцы не оказали пришельцам никакого сопротивления. И только потом, немного придя в себя, они стали спрашивать, почему чужеземцы вместо того, чтобы сидеть дома и обрабатывать свои поля, скитаются по земле и грабят других. На столь прямой и наивный вопрос белым завоевателям трудно было дать вразумительный ответ.

Уши некоторых индейцев были украшены массивными золотыми серьгами. Когда у туземцев пытались узнать, где можно найти золото, они рассказывали, что далеко на юге очень много этого солнечного металла. Надо идти через горы двенадцать дней — и тогда белые люди достигнут страны, в которую недавно вторгся повелитель Детей солнца.

Наконец, спустя более чем шесть недель, вернулся Монтенегро с большими запасами продовольствия. Со страхом глядел он на истощенных людей, которых трудно было узнать, Монтенегро оправдывался тем, что встречный ветер задержал возвращение корабля с Жемчужных островов. Они сами по дороге туда, умирая от голода, сняли с корабельных насосов шланги из дубленых воловьих шкур, сварили их и съели.

Писарро покинул свою неудачную стоянку, которая была названа Голодной гаванью, и снова поплыл на юг. Время от времени мореплаватели высаживались на берег, но не отваживались проникать далеко на материк, равно как и уходить в открытое море. Они как в потемках шарили вдоль побережья — без карт, без каких-либо сведений о море и его берегах, все время опасаясь проплыть мимо плодородной области или поселения.

В некоторых местах, где со стороны моря лес казался более редким, испанцы высаживались на берег и иногда находили индейские поселки. Их жители, увидев белых пришельцев, в ужасе скрывались в лесной чаще. Испанцы грабили покинутые хижины, забирая съестные припасы и множество золотых изделий. Как утверждал историк Эррера, в пище нуждалась их плоть, но основным побуждением было золото — стоило им только взглянуть на этот сверкающий кумир, как вновь пробуждавшаяся алчность заставляла их идти вперед. Однако в одном поселке завоеватели увидели зрелище, которое заставило их содрогнуться, — на огне жарилось человеческое мясо, в спешке брошенное дикарями. Испанцы решили, что наткнулись на племена карибов, которые считались каннибалами и были к тому же отважными воинами. В сражениях они пользовались отравленными стрелами. Поэтому конкистадоры, охваченные страхом, бросились обратно на свой корабль, и, невзирая на непогоду, поплыли дальше на юг, пока не достигли какого-то мыса.

Писарро назвал его мысом Кемадо и велел бросить здесь якорь. Темная стена мангровых зарослей опоясывала берег. На мелководье деревья с их длинными разветвленными корнями создавали почти непреодолимую преграду. Но испанцы заметили, что в зарослях есть проходы, и решили, что поблизости должно быть какое-то поселение. С большей частью своего отряда Писарро высадился на берег и отправился в разведку. Скоро испанцы заметили большой поселок, самый большой из встреченных ими на этом побережье. Он находился на холме и был обнесен высокой изгородью. Индейцы, как всегда, укрылись в лесу, бросив продовольствие и золотые украшения, чем немедленно воспользовались испанцы.

Писарро понравился укрепленный поселок. Здесь, по-

жалуй, он мог бы остановиться со своими солдатами, а корабль отправить в Панаму за подкреплением.

На этот раз испанцы наткнулись на воинственное племя. Укрыв в безопасном месте женщин и детей, индейские воины из засады бросились на грабителей-чужеземцев. Казалось, стрелы, дротики и камни затмили солнце, столь стремительным было нападение. Увидев толпы пестро раскрашенных воинов, испанцы на мгновение растерялись.

Писарро, будучи опытным солдатом, бросился на встречу индейцам. Туземцы напали на вождя чужеземцев с особой яростью и, несмотря на прочные латы, нанесли ему семь ран. Писарро отступал по склону холма, мечом и щитом отбивая ожесточенные наскоки, но внезапно поскользнулся и упал. С победными криками индейцы окружили его, но закаленный конкистадор все-таки отбил, зарубив многих нападающих и внушив остальным ужас своей негибавшей отвагой. На поле боя прибыло подкрепление, и индейцы в панике бежали в горные ущелья. Это первое вооруженное столкновение на новооткрытых землях дорого обошлось испанцам: пять убитых и множество раненых.

Военный совет постановил: оставаться на землях столь воинственного племени слишком опасно. Конкистадоры решили вернуться в Панаму и сообщить о результатах экспедиции наместнику, чтобы выпросить подкрепление для дальнейшего похода.

Писарро, возвратившись в Золотую Кастилию, поселился в небольшом селении Чикама, недалеко от Панамы. Он привез довольно много золота, но не мог похвалиться особыми открытиями, а потому избегал встреч с наместником.

Во время отсутствия Писарро его компаньон Диего Альмагро еще долго занимался снаряжением второго корабля. С помощью Луке ему в конце концов удалось набрать около семидесяти наемников, и на своем маленьком суденышке он попытался догнать Писарро. По дороге испанцы находили оставленные на берегу знаки — зарубки на деревьях, но нигде не встретили ни одной живой души, пока не достигли мыса Кемадо — места последней остановки Писарро.

Индейцы и на этот раз встретили белых враждебно, но не отважились выйти за пределы своих укреплений.

Альмагро немедленно напал на поселок, стремительным штурмом занял, а затем поджег его. Индейцы отступили в лес. Однако во время сражения Альмагро был ранен дротиком в голову и через некоторое время ослеп на один глаз. Невзирая на это, он продолжал плыть к югу, несколько раз высаживался на берег и нападал на индейские деревни, награбив довольно много золота.

Но Альмагро ничего не знал о судьбе Писарро. Уже давно они не встречали на берегу никаких зарубок, и всем казалось, что корабль компаньона либо погиб, либо, незамеченный, повернул обратно. Альмагро, понимая, что один, на своем утлом суденышке, с маленьким экипажем, он не сумеет совершить значительных открытий или завоевать какую-либо область, с солидной добычей поплыл обратно в Панаму.

СОЮЗ МЕЧА, ЗОЛОТА И КРЕСТА

Недальновидный наместник. — Библия и золото — неоспоримые аргументы. — Договор трех о завоевании «империи Перу». — Торжественная клятва. — Вербовка наемников

Оба капитана конкистадоров после этого путешествия уже не сомневались, что на юге лежат богатые страны. Они поклялись, что скорее умрут, чем откажутся от своего замысла завоевать их. Но как набрать солдат и организовать новую экспедицию? Денег не было — все запасы иссякли, наемники разбрелись.

Писарро остался в Чикаме, но Альмагро вернулся в столицу колонии и снова обратился за помощью к Педрариасу. Однако губернатор Золотой Кастилии заявил, что не вложит ни гроша в это сомнительное предприятие, во время которого погибло столько отличных солдат, а добыча оказалась ничтожной. Писарро придется держать ответ — он обманул людей своими фантастическими рассказами о каком-то Эльдорадо. А теперь они снова задумали набирать наемников, чтобы обречь и этих на верную смерть, в то время, как

не хватает солдат для завоевания Никарагуа и других богатых областей.

Пришлось призвать на помощь патера Луке, сумевшего оценить перспективы будущей экспедиции, и пустить в ход неопровержимые аргументы: солидную взятку — тысячу песо де оро (в песо де оро содержалось 4,6—4,7 грамма золота; в тысяче песо — свыше четырех килограммов золота) — и священное писание. Хитрый прелат убедил наместника, что нет такой овцы, с которой нельзя было бы взять хоть шерсти клок, и что лучше договориться с Писарро и Альмагро, чем повесить столь предприимчивых людей и сорвать экспедицию, которая является делом весьма богоугодным, так как способствует распространению христианства. Педрариас принял золото, но отказался от участия во всех дальнейших экспедициях, а также и от своей доли в них. Он не внес свою часть в организацию первой экспедиции — обещанные им пять тысяч песо — и после долгого торга добился погашения этого долга.

Овьедо, испанский историк, заметил, что наместник не обладал даром предвидения — ради ничтожной суммы, он, оказавшийся мелочным и скупым, отказался от неизмеримо большей добычи. Луке удалось заинтересовать новым предприятием нескольких богатых торговцев и чиновников, внесших необходимые средства — около двадцати тысяч песо (более восьмидесяти килограммов золота).

Все три компаньона — Писарро, Альмагро и Луке — во имя святой троицы — бога отца, бога сына и бога духа святого, — а также во имя девы Марии 10 марта 1526 года заключили договор об открытии и завоевании «империи Перу». Вряд ли в мировой истории можно найти что-нибудь подобное этому знаменитому «договору трех конкистадоров». В соответствии с ним Луке обязался финансировать все предприятие. И только позже выяснилось, что действует он по поручению ученого мужа — лиценциата Гаспара де Эспиносы и является его доверенным лицом. Эспиноса тайно вложил средства и в организацию первой экспедиции. Он долгое время пробыл в колониях Гьерра-Фирме и в Панаме, где занимал различные должности, руководил судебной палатой, а также участвовал во многих походах против индейцев. Между прочим, он был председателем суда,

который допрашивал и приговорил к смерти первооткрывателя Великого Южного моря Васко Нуньеса де Бальбоа.

Писарро и Альмагро обязывались завоевать упомянутую в договоре южную «империю». Три человека разделили между собой еще не завоеванную страну, хотя ни у одного из них не было ни малейшего представления о ее местонахождении, размерах и могуществе. Никого не интересовало, какие народы ее населяют, какие правители управляют ею.

В соответствии с этим договором, каждому компаньону причиталась третья часть добычи — треть завоеванных земель и туземцев, которых обычно выделяли колонистам вместе с землей, третья часть добытого золота, серебра и драгоценных камней, треть доходов и даже привилегий, которые всегда раздавались вместе с землями. Договор предусматривал также, что все связанные с ним права и преимущества переходят к наследникам лиц, заключивших этот договор.

Вполне понятно, что кровавый, грабительский договор был заключен во имя божье. В те времена под предлогом крещения язычников совершались самые гнусные вторжения в чужие земли. Над несчастными завоеванными странами конкистадоры всегда воздвигали огненный крест, путь для которого был расчищен окровавленным мечом. Однако некий буржуазный историк лицемерно писал, что крест всегда был символом христианской религии, единственным залогом спасения нынешних и будущих поколений от адского пламени; следовательно, завоеватели совершали благородный подвиг, принося божественную благодать языческим народам.

Золото, меч и крест благодаря этой сделке заключили тесный союз. Уникальный договор смог подписать только патер Луке, в то время как неумеющие писать Писарро и Альмагро поставили под текстом по три креста. Эту своеобразную подпись заверили нотариус Панамы и еще два дворянина.

Компаньоны, положив руку на священное писание, осеняя себя крестным знаменем и призывая в свидетели бога и святых апостолов, торжественно поклялись соблюдать договор, всеми силами способствовать его выполнению и поддерживать братскую дружбу. Патер Луке разломил на три части просфору, и все трое вку-

сили святого причастия, тем самым еще более подчеркнув важность договора. Торжественная церемония до слез растрогала всех присутствующих.

Заклучив этот союз, конкистадоры начали набирать искателей приключений. Но соблазнительные обещания не очень прельщали живших в Панаме солдат. Все еще помнили, какими истощенными и оборванными вернулись домой наемники после первого неудачного путешествия и сколь много их бесславно сложило головы на берегах неведомых земель. Наконец для участия в новой экспедиции записалось около ста шестидесяти человек, надеявшихся выбиться в люди и покончить с жалким прозябанием в Панаме, Явились и многие участники прежнего похода, надеясь, что на сей раз судьба будет к ним благосклонней.

Эта горсточка авантюристов могла рассчитывать только на везение — для завоевания какой-либо страны сил было явно недостаточно. Даже оружия не хватало на всех, хотя на этот раз конкистадоры были вооружены лучше, а некоторые даже сумели взять с собой лошадей. Особенно трудно было с продовольствием. Оружие, лошадей и продукты привозили в Панаму либо из-за океана, из Испании, либо с Антильских островов. Все грузы с Карибского моря к побережью Тихого океана приходилось доставлять через горы. Поэтому в новой колонии не хватало многих товаров, тем более, что оружие и продовольствие для своих завоевательских экспедиций на севере закупал и Педрариас.

И СНОВА КАРАВЕЛЛЫ ВЫХОДЯТ В ОКЕАН

Изрядная добыча. — Штурман Бартоломе Руис пересекает экватор. — Перуанский плот в океане. — Добрые вести. — Невзгоды и беды Писарро. — Побережье страны Кито. — Пират и хитрый политик

Альмагро и Писарро приобрели две большие каравеллы и направились на юг. Кормчим экспедиции был опытный моряк Бартоломе Руис.

Корабли через несколько дней безо всяких приключений, ни разу не причаливая к берегу, достигли устья реки Сан-Хуан. На этот раз время для похода было выбрано удачно — дули попутные ветры.

Конкистадоры направились вверх по реке. Писарро со своими солдатами напал на какой-то поселок, где удалось захватить богатую добычу — оставленные в хижинах золотые украшения, а также нескольких пленных. Неожиданная удача в самом начале экспедиции окрылила завоевателей, но страна оказалась слишком многолюдной, и малыми силами завоевать ее было невозможно.

Поэтому командиры решили, что Альмагро с награбленным золотом вернется в Панаму за подкреплением, а второй корабль под командованием Руиса поплывет на юг с разведывательными целями. Сам Писарро с остальными воинами останется в долине Сан-Хуана в одном из индейских поселков, чтобы лучше ознакомиться с окрестностями.

Руис, пользуясь попутным ветром, плыл вдоль побережья на юг. Впервые он бросил якорь примерно у 2° с. ш., но туземцы с оружием в руках были уже готовы напасть на чужеземцев. Весть об их появлении широко распространилась вдоль всего побережья. Руис, не решившись на вооруженное столкновение, поплыл дальше.

Испанцы видели высокие горы. Окутанные облаками, они поднимались за прибрежной равниной, где все чаще встречались большие поселения и хорошо обработанные и густо населенные земли. Туземцы толпами собирались на берегу, дивясь невиданному кораблю, скользящему по волнам под белыми парусами, и белым пришельцам, которых индейцы принимали за таинственные существа.

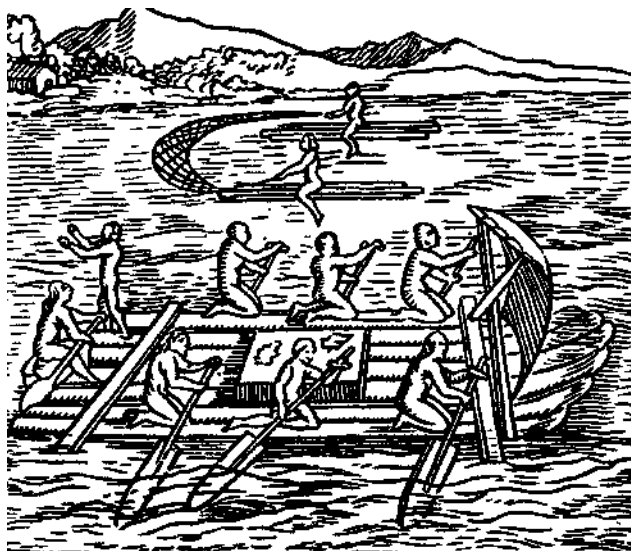
Недалеко от границ Перу Руис встретил в море огромный плот. Старый морской волк не на шутку испугался. Издали плот походил на значительных размеров каравеллу под большими парусами. Ведь другие европейские корабли не заходили в эти места, а ни одно индейское племя как будто не знало парусов.

Это был индейский морской плот, сделанный из прочно связанных пористых стволов бальсового дерева. В передней части плота возвышался покрытый тростни-

ком навес. Две мачты в середине плота несли большой четырехугольный хлопчатобумажный парус. Плот двигался силой ветра и морских течений, и индейцы управляли им при помощи большого весла и широкого деревянного киля, который опускался в воду.

На плоту плыли несколько индейцев, мужчин и женщин, одетых в тонкие, ярко раскрашенные шерстяные одежды. Таких одежд испанцы в Новом Свете еще никогда не видели — здесь не было ни овец, ни коз. Индейцы везли разные товары: шерстяные и хлопчатобумажные ткани, сосуды, зеркала из полированного серебра и золотые изделия тонкой работы — диски, подвески, перстни. На плоту были и весы для взвешивания драгоценных металлов.

Испанцы узнали, что двое из находившихся на плоту плывут из порта Тумбес. Он расположен на юге, в нескольких днях пути. В тех краях есть будто бы необозримые поля и огромные стада животных с длинной очень тонкой шерстью и длинными шеями. Их исполъ

Перуанский бальсовый плот (из хроники Бенсони)

зуют и в качестве выючных животных. Золота, серебра и драгоценных камней в стране, где правят инки, Дети солнца, очень много, и во дворце правителя серебра и золота больше, чем дерева.

Испанцы, затаив дыхание, слушали удивительные рассказы о могущественном государстве инков, о прекрасных дворцах и храмах, об огромных богатствах, о столице этой страны, городе Куско, расположенном высоко в горах, в долине реки Урубамба.

Руис отпустил пловших на плоту индейцев, за исключением некоторых — среди последних были два индейца из Тумбеса. Их оставили в плену, чтобы впоследствии использовать как переводчиков и проводников. Кормчий поплыл дальше на юг и стал первым европейцем, который, плывя с севера, пересек экватор в Тихом океане. Потом повернул обратно, к устью Сан-Хуана.

А в это время — в течение нескольких недель — людям Писарро приходилось нелегко. Конкистадоры высадились на берег в долине, покрытой джунглями, и безуспешно искали равнины, о которых рассказывали им индейцы.

Могучие деревья возносили к небу свои густые, непроницаемые для света кроны, путь преграждали мрачные чащи, обрывистые утесы и топкие ущелья. Горы, как огромные волны, вздымались все выше, сливаясь с грандиозной стеной Анд. Гримасничая, в ветвях деревьев бесчинствовали стада обезьян, проползали огромные удавы, у берегов в тине таились аллигаторы, за испанцами тайно следили индейцы. Время от времени кто-нибудь из завоевателей становился жертвой диких зверей либо без промаха бьющей стрелы. Однажды, когда перевернулась лодка, в реке утонуло четырнадцать конкистадоров. Москиты жалили так яростно, что от этих мелких назойливых насекомых, разносивших тяжелую болезнь, удавалось избавиться только зарывшись в прибрежный песок.

Ко всем этим невзгодам прибавился голод. С огромным трудом завоеватели разыскивали в лесах съедобные корни или плоды. Все, за исключением Писарро и нескольких ближайших его сподвижников, мечтали как можно скорее вернуться в Панаму.

В это трудное время, когда все надежды казались похороненными, к берегам Сан-Хуана вернулся кормчий

Бартоломе Руис с замечательными вестями о своем блестящем открытии. А вскоре приплыл из Панамы и Альмагро, доставив продовольствие и пополнение — восемьдесят человек, которые только что прибыли из Испании в Новый Свет и неудержимо рвались к золоту, готовые ради него на любые авантюры.

Запасы продовольствия, пополнение, весть об открытых на юге богатых странах заставили забыть недавно перенесенные трудности. Окрыленные новыми надеждами, конкистадоры подняли паруса и двинулись на юг по маршруту Руиса.

Однако благоприятное для плавания время уже прошло, и кораблям все чаще приходилось бороться со встречным ветром. Он дул по большей части на север, а недалеко от берега в том же направлении шло сильное морское течение. Начались бури и страшные грозы. Высокие волны безжалостно швыряли корабли завоевателей.

Наконец мореплаватели нашли убежище — невдалеке от побережья, на небольшом острове, называвшемся Петушиным (о. Гальо). Здесь они пробыли несколько недель, отдыхая от пережитых ужасов, приводя в порядок поврежденные ветром каравеллы. Потом они снова поплыли дальше вдоль континента. Наконец испанцы достигли страны Кито (побережье теперешнего Эквадора), совсем недавно перешедшей в руки правителя Перу. Здесь уже встречались большие города с двумя и даже тремя тысячами зданий и множеством жителей. И женщины, и мужчины носили украшения из золота и драгоценных камней. Испанцы были удивлены, увидев как хорошо обработана и богата эта земля и сколь воинственны ее обитатели. Индейские воины на пирогах кружили вокруг каравелл, потрясая похожими на знамена золотыми масками и кричали что-то вызывающее. Иногда на берегу собиралось до десяти тысяч воинов, которые, видимо, ждали только подходящего момента, чтобы напасть на пришельцев.

Писарро, который иногда со своими солдатами высаживался на берег, не мог избежать стычек. Индейцы бесстрашно бросались в бой, пуская в ход стрелы и копья с бронзовыми наконечниками, окованные медью палицы и лассо, которым туземцы владели с удивительной ловкостью. Однажды отряд испанцев избежал

разгрома только благодаря весьма комичному случаю. У Писарро было всего пять всадников, и на поле боя один из них случайно упал с лошади. Индейцы, приняв за одно существо, были так поражены этим чудесным раздвоением, что в ужасе бежали. Правда, американский историк Прескот добавляет, что этот случай столь же правдоподобен, как и появление на поле сражения святого апостола Якова — Сант-Яго, о чем тоже неоднократно упоминается в хрониках того времени.

Скоро Писарро понял, что со своим маленьким отрядом он не сумеет завоевать обширное могучее государство и что, нападая на отдельные поселения, большие богатств не захватишь. Короткие яростные стычки неизменно кончались поражением испанцев, и вождь конкистадоров стал более осторожным.

Путь в богатую страну был разведан, теперь надо было собрать настоящее войско и начать долгий тяжелый поход, оружием, хитростью и ловкой дипломатией сломить сопротивление туземцев.

Отважный, безжалостный пират превратился в хитрого, дальновидного политика, который, разжигая своими обещаниями честолюбие и религиозные чувства конкистадоров и поддерживая благодаря этому дисциплину среди кучки авантюристов, стал избегать столкновений с туземцами, добрым отношением и подарками старался внушить им уважение, убедить в мирных намерениях белых людей. Надолго ли?

Собрался военный совет, чтобы решить, как действовать дальше. Некоторые конкистадоры предлагали на все махнуть рукой и вернуться в Панаму. Маленькой горстке храбрецов никогда не удастся завоевать могучее государство. Но Альмагро протестовал. Вернуться домой, не добившись успеха, — значит обречь себя на позор и бесчестье. Вряд ли среди конкистадоров найдется хоть один человек, которого в Панаме не поджидают кредиторы. Придется либо платить долги, либо отправляться в тюрьму. Лучше свободным странствовать по пустыням и джунглям, чем быть закованным в цепи и задыхаться в долговой тюрьме. Пусть Писарро с частью солдат останется на побережье, а он тем временем отправится в Панаму, расскажет обо всем виден-

ном, и этого будет довольно, чтобы добровольцы толпами стали собираться под знамена Писарро.

Начались яростные споры. Писарро обвинял Альмагро в том, что тот приятно проводит время, плавая в Панаму и обратно, тогда как людям Писарро приходится влачить жалкое существование и умирать от голода в лесных дебрях. Разгоряченные полководцы уже хотели оружием решить свой спор и схватились за мечи, но присутствующим как-то удалось помирить их.

В конце концов военный совет принял план, предложенный Альмагро. Встал вопрос, где найти место, подходящее для лагеря. Повсюду огромными толпами собирались индейцы и угрожали белым пришельцам. В то же время никто не хотел возвращаться во влажные северные леса и болота, где пришлось пережить столько невзгод.

НА ПЕТУШИНОМ ОСТРОВЕ

Разочарование обманутых авантюристов. — Тайные доносы в Панаму. — «Лучше привязать свой меч к ослиному хвосту, чем служить у этого свинопаса!» — Пора бедствий на Петушином острове. — «Мой путь ясен: я пойду на юг!» — Робинзоны острова Горгоны. — В последнюю минуту приходит помощь

Наконец командиры решили выбрать для лагеря небольшой Петушиный остров. Он находился довольно далеко от берега, и на нем было мало туземцев.

Но как только конкистадоры узнали об этом решении, начался яростный ропот. Ждать на этом жалком островке? Во имя чего? Снова умирать голодной смертью? Это предприятие уже с самого начала было сплошным обманом. Ведь они надеялись на легкие победы и огромное богатство, а теперь все золото отправляют в Панаму, чтобы заманить сюда и других легковерных. Что получили они за все перенесенные страдания? Теперь им придется ждать своего конца на этом прокля-

том острове, в этом богом забытом месте, где нет и фуа священной земли, чтобы зарыть их кости.

Конкистадоры поклялись всадить нож в спину Писарро и написали письмо наместнику: этот выскочка, охваченный корыстолюбием, собирается здесь, на краю света, уморить голодом испанских дворян и вынашивает заговор против короля.

Доносы были тайно переданы уезжающим, но бдительный Альмагро хорошо знал своих людей и приказал устроить на корабле основательный обыск. Таким образом, многие жалобы удалось уничтожить. Однако одно письмо, вложенное в кусок хлопчатобумажной ткани, предназначенной для жены наместника, так и не было обнаружено.

Это письмо, которое подписали несколько человек, в мрачных тонах описывало злоключения, которые пришлось пережить солдатам, и обвиняло в предательстве обоих командиров. Писавшие просили наместника послать корабль за несчастными людьми, томящимися в плену у Писарро.

В письме, между прочим, было написано и такое:

«Сеньор губернатор, остерегайтесь пастыря, который направляется к вам! Он идет за овцами для мясника, оставшегося у нас...

...Наши капитаны — это владельцы скотобойни: один загоняет сюда волов, другой убивает их. К вам, сеньор губернатор, едет погонщик волов, а скотобоец остается здесь».

Вскоре после отъезда Альмагро Писарро отослал в Панаму и второй парусник, используя в качестве повода необходимость отремонтировать его. Так ему удалось освободиться от многих недовольных и от лишних ртов — на маленьком острове не хватало продовольствия.

Наместник Золотой Кастилии Педрариас к этому времени уже лишился власти (в течение трех лет он еще управлял Никарагуа), но письмо, спрятанное в куске ткани, попало по назначению — новый наместник во всех подробностях узнал о бедственном исходе экспедиции.

Плачевный вид вернувшихся вызвал в Панаме самые различные толки, и наместник категорически запретил

набирать новых добровольцев для безнадежной затеи и отказался хоть чем-то помочь Альмагро. Благородные идальго горячо поддержали его приказ. Писарро, этот лживый человек низкого происхождения, свинопас с темным прошлым, завлекает высокородных испанцев на верную смерть. «Проклятие нам! — говорили они. — Лучше привязать свой меч к ослиному хвосту, чем служить у этого свинопаса!.. Неужто в Новой Испании и впрямь осталось так мало богатств, что нам следует искать сокровища и титулы на службе у внебрачных детей и прелатов?»

К острову плыли два корабля со строгим приказом — забрать Писарро и его спутников и немедленно доставить их в Панаму. Альмагро и Луке впали в отчаяние. Ведь они вложили в это предприятие столько средств, а теперь наместник перечеркнул все их радужные надежды.

Писарро и его товарищам приходилось трудно. Они голодали на бесплодном острове. Немногие индейцы в страхе покинули этот затерянный уголок земли. Испанцы питались, главным образом, раками и улитками, которых они собирали на берегу моря. Часто лил дождь, и истощенные люди промокали до нитки. Присланным губернатором суда они встретили ликованием. Почти все собирались покинуть остров и как можно скорее вернуться в Панаму. Однако на одном из этих кораблей прибыл и доверенный человек обоих компаньонов, который привез ободряющие письма — пусть Писарро откажется выполнить приказ наместника и продолжает экспедицию, иначе все предприятие может окончиться крахом. Помощь не заставит себя ждать.

Но Писарро напрасно пытался уговорить измученных, изнуренных спутников остаться на острове, напрасно искушал солдат богатой добычей, которая ждет их в будущем. Тогда он, привыкший действовать, а не произносить длинные речи, истощенный, с ввалившимися щеками, с глазами, горящими от лихорадки, вышел к своим людям и мечом провел черту с запада на восток. Потом повернулся к югу и сказал:

«Друзья и соратники! На этой стороне трудности и страдания, голод и смерть, дожди и бури, на другой стороне — жизнь без забот. Здесь Перу с его богатствами, там — Панама с ее нищетой. Пусть каждый выби-

рает то, что больше всего подходит для отважного катильца. Мой путь ясен: я пойду на юг!»

Сказав это, Писарро перешагнул через черту. За ним последовали кормчий Руис и еще двенадцать человек, отказавшихся подчиниться приказу наместника Золотой Кастилии. Остальные покинули неудачливого командира. Хронисты с восторгом описывали эту драматическую сцену, ничего подобного еще не знала история: под угрозой гибели и смерти эти четырнадцать мужей остались верны своему замыслу и тем самым показали прекрасный пример будущим поколениям.

Командир прибывших судов был возмущен мятежными действиями. Он и не думал оставлять бунтарям корабль для продолжения экспедиции или оказывать им какое-нибудь содействие. Лишь после долгих переговоров он отдал Писарро часть своих продовольственных запасов, а сам отправился в Панаму. С разрешения Писарро кормчий Руис вернулся домой, чтобы вместе с Альмагро и Луке организовать срочную помощь изгнанникам Петушиного острова.

Можно только удивляться этой горстке оборванных, плохо вооруженных людей, которые с ничтожными съестными припасами остались на заброшенном острове, но так и не отказались от своей, казалось бы, безумной идеи — завоевать «империю Перу».

Конкистадоры не чувствовали себя в безопасности на Петушином острове. Поэтому они построили плот и отправились на безлюдный остров Горгоны, находившийся примерно в двадцати пяти лигах (лига — 5,9 километра) к северу от Петушиного острова и в пяти лигах от побережья. Климат здесь был здоровее, тут можно было охотиться на фазанов, зайцев и кроликов.

Однако Робинзонов острова Горгоны продолжали изводить москиты и болотная лихорадка, тропические ливни, от которых не могли спасти шалаши из веток. Кое-как они влачили свое существование и боролись с голодом, занимаясь ловлей рыбы, собирая улиток и пытаясь хоть что-то добыть охотой. Семь долгих месяцев ждали они помощи.

Как рассказывает Эррера, в этих плачевных условиях добровольного изгнания Писарро всячески пытался подбодрить своих людей, впадавших в отчаяние. Он йелел совершать по утрам торжественные богослужения, а по

вечерам возносить молитвы деве Марии и отмечать все церковные праздники, внушая своим сподвижникам уверенность, что сами небесные силы заботятся о них в эти трудные дни.

Наместник, получив известие о дерзком поступке Писарро, возмутился и слышать больше не хотел об этих самоубийцах. Он отнюдь не собирался посылать им какую-нибудь помощь. Однако Луке и Альмагро не успокаивались, стали протестовать и другие колонисты: нельзя, мол, бросать на произвол судьбы отважных людей, пытавшихся совершить новые открытия и приумножить славу и могущество Испании. Если они погибнут, наместнику придется ответить за это. В конце концов тот разрешил послать за добровольными изгнанниками корабль, нанятый Луке и Альмагро. Но на судне мог находиться только экипаж, солдатам плыть было запрещено. В течение шести месяцев Писарро обязан был вернуться в Панаму.

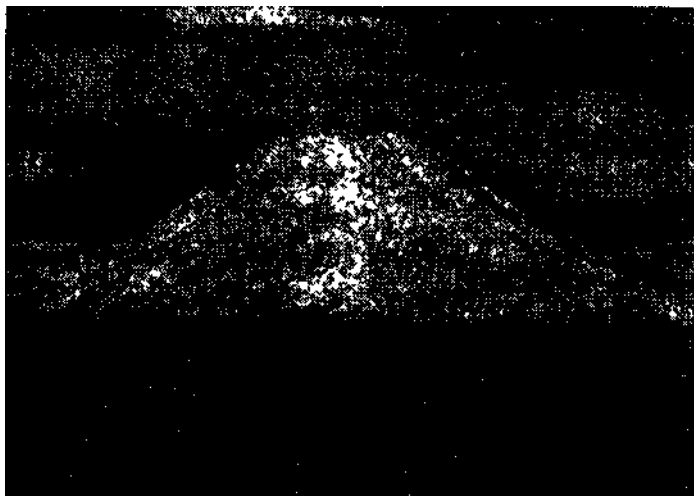
Оба компаньона, раздобыв провизию и оружие, без промедления отправили на юг небольшую каравеллу. Изгнанники острова Горгоны не поверили своим глазам, заметив на горизонте белые паруса.

НА ПОДСТУПАХ К ПЕРУ

Конец изгнания. — Сердечная встреча в Тумбесе. — Храмы с золотыми и серебряными сосудами. — Сыны Солнца с огненными копьями. — Необыкновенный зверь петух и укрощенный ягуар. — Гостеприимство перуанцев. — Обратно в Панаму

Корабль бросил якорь у острова Горгоны, и Писарро тотчас же покинул этот ад, как называли остров изгнанники. Но он не хотел возвращаться в Панаму с пустыми руками. Нигде не причаливая к берегу, Писарро вместе с Бартоломе Руисом плыл к югу вдоль побережья нынешнего Эквадора, преодолевая встречные течения и ветры.

Через двадцать дней испанцы достигли залива Гуаякиль — самого большого на всем тихоокеанском побе-

Вулкан в Андах

режье Южной Америки. За зеленой, густо населенной прибрежной полосой поднимались грандиозные хребты Анд, увенчанные огромными вулканами — Чимборасо, с широкой, округлой вершиной, и Котопахи, с блестящим, серебристо мерцающим ледяным пиком.

У южного берега залива, на 3° ю. ш., находился большой богатый город Тумбес, который вскоре был назван испанцами воротами Перу. Путь туда показывали два индейца, жители этого города, которых Руис в свое время захватили на встреченном в море плоту. Теперь они стали толмачами.

Испанская каравелла приближалась к гавани. Навстречу вышло несколько плотов с воинами, которые собирались напасть на остров Пуна, расположенный в водах залива. Писарро пригласил вождей погостить на корабле. С помощью переводчиков предводитель конкистадоров пытался убедить перуанцев, что он прибыл с мирными намерениями — познакомиться с их страной, и просил снабдить испанский корабль продовольствием.

Перуанцы дивились и кораблю, и невиданным при-

шельцам, но еще больше своим соотечественникам — те рассказали, как попали к белым чужеземцам, как выучили их язык и что им довелось повидать. Потом перуанцы вернулись в порт с необычными вестями и подарками, которые вызвали огромное удивление — особенно железный топор, потому что ни в Перу, ни в Мексике железа еще не знали.

Жители Тумбеса толпились на берегу и в изумлении разглядывали «плавучий дом», бросивший якорь в заливе. Вскоре гостеприимные индейцы привезли на корабль фрукты, сладкий картофель, бобы какао, кукурузу, рыбу, дичь и даже несколько лам. Испанцы, впервые увидевшие таких животных, очень удивлялись маленьким индейским верблюдам, или овцам, как они называли их впоследствии.

В «плавучий дом» бородатых белых чужеземцев приплыл на плоту и один из близких родичей властителя Перу. Этот вельможа внимательно осмотрел корабль и очень интересовался, зачем прибыли белые чужестранцы. Писарро ответил, что он является подданным самого могущественного правителя в мире и приехал для того, чтобы и эту страну объявить его владением. Кроме того, он явился, чтобы распространить христианскую веру среди язычников, живущих во тьме и заблуждениях.

Вельможа, внимательно выслушав все это, ничего не ответил. Он не мог поверить, что в мире есть властелин могущественнее инки, правившего его страной, и бог, более великий, чем бог Солнца. Вельможа остался на корабле обедать и очень хвалил чужеземные блюда и особенно вино. В конце своего визита он пригласил испанцев посетить Тумбес.

На следующий день Писарро отправил на берег одного из конкистадоров — Алонсо де Молину с его слугой-негром и подарками — свиньями, курами и петухом — для правителя города.

И послы чужестранцев, и их подарки вызвали у жителей чрезвычайное изумление. Но закованный в латы длиннородый белый воин казался им все-таки менее удивительным, чем его чернокожий слуга. Такое перуанцы видели впервые и, как повествуют хроники, они пытались даже отмыть черного человека, стереть с него краску. Негр, улыбаясь, выдержал это испытание, и его

белые, сверкающие на черном лице зубы вызывали среди перуанцев великое веселье.

Кукареканье петуха индейцы сочли за язык людей из чужой страны и не раз задавали вопросы, что хочет сказать это странное существо и не разгневалось ли оно.

Женщины, сгорая от любопытства, толпились вокруг невиданных гостей, уговаривая остаться здесь навсегда, обещая, что лучшие красавицы станут их женами.

Молину отвели в роскошное жилище правителя — кураки. Затем ему показали город, в котором было множество каналов с чистой прозрачной водой. Чисты и прямы были улицы, дома из необожженного кирпича были крыты соломенными или тростниковыми крышами; над городом возвышалась крепость с тройным рядом стен и многочисленной стражей. Ремесленники трудились над украшениями и сосудами из меди, серебра и золота. Серебряные и золотые сосуды поразили лазутчика конкистадоров и в огромном помещении храма. Стены, по его словам, были там выложены золотыми и серебряными пластинами. В саду храма на серебряных и золотых деревьях висели плоды из чистого золота и серебра.

Писарро не мог поверить этим удивительным рассказам и решил отправить другого лазутчика. На следующий день в полном боевом вооружении — блестящих доспехах, с тяжелым мечом у пояса и аркебузой — на берег высадился идальго Педро де Кандиа.

Индейцы восторгались блестящим рыцарем еще больше, чем Молиной, потому что солнце играло на его латах. Они уже прослышали о диковинном оружии, которое разило подобно грому, выбрасывая языки огня и клубы дыма, и теперь упрашивали чужеземца, чтобы он «заставил его говорить». Идальго решил показать им искусство стрельбы. Полыхнуло пламя, и прогремел выстрел. Свинцовая пуля ударила в толстую доску так, что только щепки полетели. Некоторые индейцы при звуке выстрела попадали на землю, закрыв руками лицо, другие в страхе бросились бежать. Теперь им стало ясно, что у белых пришельцев есть огненные копья, способные убивать на расстоянии. Но, глядя на улыбающееся лицо испанского рыцаря, перуанцы поняли, что на сей раз опасность им не угрожает.

Хронист Гарсиласо Вега утверждал, что индейцы хотели проверить, действительно ли чужеземец существо сверхъестественное и выпустили из клетки хищного зверя — ягуара. Но дон Кандиа был добрым католиком и положился на волю божью. Он снял с себя крест и возложил его на зверя. Ягуар сразу же забыл о своей кровожадности и начал кротко играть с рыцарем. Индейцы при виде этого чуда перестали сомневаться в божественном происхождении своего гостя и с ликующими криками на руках понесли его в храм.

Кандиа вернулся на корабль с замечательными вестями, и конкистадоры пришли в неописуемый восторг, слушая его рассказы, — осуществились их самые дерзновенные мечты, они добрались до золотой страны Эльдорадо. Однако Писарро, располагая такими ничтожными силами — всего двадцатью солдатами, — не мог и помыслить о ее завоевании.

Собрав в Тумбесе необходимые сведения, Писарро снова поплыл вдоль побережья и добрался до 9° ю. ш. По пути он не раз приставал к берегу и, желая установить добрые отношения с туземцами, одаривал их блестящими побрякушками. Повсюду индейцы спешили взглянуть на чужеземцев, которых они называли детьми Солнца — столь необычными казались им цвет кожи пришельцев, блестящие доспехи и удивительное оружие, — принимали их очень гостеприимно и даже предлагали заложников, чтобы гости не заподозрили их во лжи и коварстве.

Перуанцы приглашали белых чужестранцев в тенистые беседки, вокруг которых вились растения с ароматными цветами, и угощали их невиданными яствами и плодами. После угощения нарядно одетые девушки и юноши услаждали гостей музыкой и танцами.

После каждого приема Писарро приказывал развернуть на берегу флаг короля Кастилии, объявлял этот край испанским владением и призывал перуанцев признать власть испанского короля. Они соглашались, добродушно смеясь; и как добавляет хронист, представление об этой церемонии у туземцев было, видимо, весьма неполным и туманным.

Чем дальше плыли на юг испанцы, тем беднее становилась растительность. Однако и на этом засушливом побережье, где встречались по временам совершенно

бесплодные области и песчаные пустыни, индейцы все-таки занимались земледелием в горных долинах на искусственно орошаемых террасах. На склонах гор паслись ламы — единственные крупные домашние животные Южной Америки. Из золота, серебра и меди здесь изготавливали не только украшения, но и посуду.

Писарро постарался выменять у перуанцев несколько золотых и серебряных сосудов, а также различные ткани и, наконец, повернул обратно, к дому. По пути в Панаму он еще раз зашел в Тумбес. Некоторые его спутники, в том числе рыцарь Алонсо де Молина, решили здесь поселиться. Командир не препятствовал этому, рассчитывая, что в следующий раз найдет здесь людей, знающих обычаи страны и язык населяющих ее племен. С этой же целью он взял на борт корабля двух или трех перуанцев, чтобы обучить их кастильскому языку.

С богатыми трофеями — золотом, серебром, ламами и перуанцами — Писарро мог вернуться не только в Панаму, но и в Испанию. Он открыл страну, где храбрецов ждала богатая добыча. Он повидал достаточно, чтобы понять, какую ценность представляют эти края для Испании. Он знал, что привезенная им добыча соблазнит конкистадоров на новую экспедицию. Но Писарро понимал и другое — без поддержки короля он не завоеует Перу. После восемнадцатимесячного отсутствия главарь конкистадоров вернулся в Панаму.

В ИСПАНИЮ ЗА КОРОЛЕВСКОЙ МИЛОСТЬЮ

Триумф после насмешек и недоверия. — «Я не стану жертвовать человеческими жизнями ради золотых безделушек и индейских овец!» — В испанской долговой тюрьме. — Договор Писарро с королем Карлом V. — Братья Писарро собираются в путь. — В страну, где индейцы стреляют золотыми стрелами

Появление Писарро в Панаме вызвало настоящую сенсацию. Очень немногие верили, что он и его спутники не стали жертвой воинственных туземцев, болезней, го-

лода или океанских волн. И вдруг горсточка мореплавателей возвращается живой и невредимой, да еще с превосходными вестями.

Наивысшее удовлечение испытали компаньоны Писарро, которые окончательно разорились и подвергались все это время постоянным насмешкам. Их называли помешанными мечтателями, которые затеяли бессмысленную, бесплодную авантюру и к тому же вложили в нее солидные средства. Теперь пришел их час — они могли торжествовать.

Однако наместник Золотой Кастилии и слышать не хотел о новых экспедициях. «Я не желаю основывать новое государство за счет своей собственной страны, — упрямо повторял он. — Меня никто не убедит, что ради этого предприятия следует снова жертвовать человеческими жизнями — их и так уже достаточно погибло из-за нескольких золотых побрякушек и индейских овец!»

Компаньоны, оставшись без денег, лишенные возможности где-либо занять их, впали в отчаяние. Бросить задуманное, отказать от этого золотого дна, чтобы им воспользовались другие? И тут патера Луке осенила счастливая мысль — попросить помощи у самого короля Испании, потому что никто не был так заинтересован в открытии и завоевании новых земель, как он.

Но кому поручить столь нелегкую задачу — переплыть океан и явиться ко двору? Самого Луке удерживали в Панаме служебные обязанности, да и Альмагро, недостаточно ловкий, некрасивый, с изувеченным лицом, не годился для этой миссии. Патер уже собрался было послать в Испанию какого-нибудь влиятельного чиновника, но Альмагро стал возражать. Никто не справится с этой задачей лучше, чем тот, кто сам участвует в таком предприятии. Писарро — человек рассудительный, хладнокровный, мудрый и осторожный, он облечен доверием своих компаньонов, к тому же обладает завидной внешностью и одарен талантом оратора. Никто лучше, чем он, не сможет рассказать при дворе о сделанных открытиях, описать все трудности и жертвы, которые пришлось принести, и никто лучше Писарро не знает, какая именно помощь им нужна.

Это поручение казалось Франсиско Писарро менее привлекательным, чем новое путешествие к берегам

новооткрытых земель, да и Луке не доверял ему. По свидетельству хрониста Эрреры, священник воскликнул: «Да поможет вам бог, дети мои, не лишите друг друга божественной благодати!»

Писарро торжественно поклялся честно защищать интересы своих компаньонов, и все трое, положив руки на Библию, еще раз подтвердили, что заключенный ими договор остается по-прежнему в силе, является твердым и нерушимым.

Заняв необходимую для путешествия сумму — тысячу пятьсот дукатов (дукат составлял примерно четыре пятака одного песо де оро), Писарро весной 1528 года отправился в Испанию — испросить аудиенцию у короля, выторговать у него разрешение на завоевание Перу и получить необходимые для этого средства.

В начале лета главарь конкистадоров достиг Севильи и сразу же попал в переделку. В то время там проживал его старый знакомый Энсисо, влиятельный чиновник, участвовавший некогда в колонизации Золотой Кастилии и в осуждении Нуньеса де Бальбоа. Энсисо вспомнил о давнем долге — несколько лет назад Писарро, будучи в Дарьене, одолжил у него деньги.

По требованию Энсисо капитана арестовали и заключили в долговую тюрьму. Однако слухи о его необычайных открытиях уже облетели всю Испанию и достигли королевского двора. В Севилью пришел приказ освободить заключенного и разрешить ему продолжать свой путь. Энсисо за чрезмерное усердие получил выговор.

Через некоторое время Карл V, король Испании и император Священной Римской империи, дал Писарро аудиенцию в Толедо. Повелитель прибыл туда по пути в Нидерланды и Германию. В Испании он задерживался неохотно: его целью был захват власти во всей Западной Европе, и он непрерывно организовывал военные походы, мечтая о создании всемирной империи. Король только что разгромил Францию и захватил в плен ее короля, главного своего соперника. Заморские владения до сих пор приносили Испании весьма скромные доходы, и Карл V не уделял особого внимания колонизации новых земель. Однако недавно Кортес завоевал Мексику, захватил огромную добычу и присоединил к Испании новые богатейшие владения. Блестящие виды на буду-

щее заставили короля изменить свое отношение к колониям.

Карл V любезно принял человека, привезшего не только добрые вести, но и вещественные доказательства того, о чем он поведал королю. Особый интерес у царствующей особы вызвали доставленные из-за океана лама и тончайшие ткани из шерсти заморских животных, а также золотые и серебряные изделия.

Писарро с достоинством истинного кастильца сообщил Карлу V обо всем, что ему довелось увидеть во время экспедиции, зная, что от того впечатления, которое ему удастся произвести, зависит его будущее. Все внимательно слушали серьезный, простой и в то же время захватывающий рассказ о необычайных приключениях на море и на суше. Без продовольствия, в ломотях, с окровавленными ногами, наперекор голоду, болезням и смерти блуждали конкистадоры по берегам чужой земли, продирались сквозь заросли девственных лесов, одолевали наводящие ужас болота — и все для того, чтобы расширить владения Кастилии и придать новый блеск имени ее властелина.

Рассказ о невзгодах на заброшенном острове, где Писарро и его верные спутники были оставлены на волю рока, растрогал короля до слез, хотя вряд ли его можно было счесть человеком мягкосердечным. В это же время, в мае 1528 года, ко двору прибыл и Эрнандо Кортес. Этот предводитель конкистадоров уже был отстранен от поста вице-короля Новой Испании — Мексики и теперь пытался растрогать своего властелина, опровергнуть возведенные на него обвинения, доказать, что он вовсе не стремился к неограниченной власти в Новой Испании, не присваивал себе доходов от новой колонии. Король милостиво принял Кортеса и его богатейшие подарки, оказал ему всяческие почести, но так никогда и не восстановил великого конкистадора в должности вице-короля Новой Испании, как тот ни добивался этого. Звезда Кортеса стала закатываться, и напротив, восхождение Писарро только начиналось. Известный историк Прескотт заметил, что сам небесный владыка избрал этих двух людей, дабы свергнуть могущественнейших индейских вождей и распахнуть ворота, через которые хлынул в Испанию золотой поток.

Перед отъездом из Толедо Карл V поручил Совету по

делам Индий — учреждению, занимавшемуся вопросами колонизации заморских территорий, — в самом доброжелательном духе рассмотреть просьбу Франсиско Писарро.

Однако ни король, ни его двор не торопились с решением этого вопроса. Карл V уехал — его больше занимала война в Европе. Государственная казна была пуста. Как в бездонном мешке в ней исчезали и драгоценные металлы Мексики, и поступления из богатых Нидерландов, и огромный выкуп за захваченного в плен короля Франции. Правитель Испании придерживался старого, испытанного метода — ничего не вкладывать в колонии, брать от них все, что те могут дать, и поэтому не прилагал никаких усилий, чтобы раздобыть средства для новых экспедиций.

В конце концов 26 июля 1529 года после долгих проволочек с Франсиско Писарро и его компаньонами был заключен пространный договор, дававший им право на открытие и завоевание всего Перу. Еще до того, как это совершилось, страна была переименована в Новую Кастилию.

Договор в первую очередь гарантировал права и привилегии Писарро. Среди прочего, в нем говорилось:

«Мы обещаем назначить вас пожизненным губернатором и генерал-капитаном упомянутой провинции Перу с годовым окладом в 725 000 мараведи (450 мараведи соответствовали одному песо де оро)... которые будут выплачиваться из доходов и налогов этой страны...

Мы присваиваем вам титул наместника упомянутой провинции Перу и должность ее главного альгвасила...

Кроме того, мы назначаем вам пожизненное содержание в размере тысячи дукатов в год...»

Писарро за свой счет, используя доходы с завоеванных земель, обязался в течение пяти лет построить четыре крепости для защиты захваченных территорий и подавления сопротивления индейцев. В этих крепостях ему была обещана неограниченная власть. В качестве наместника он должен был пользоваться значительными преимуществами в распределении земель и индейцев среди будущих колонистов, к тому же король возвел его в дворянство. Новый рыцарь был принят в орден Сантьяго, и на гербе Писарро теперь красовался черный орел и две колонны — символы, украшавшие герб самого ко-

роля, а лама, очертания перуанского города и видневшийся вдаль корабль характеризовали поле деятельности конкистадора. Надпись свидетельствовала, что гений Писарро, охраняемый Карлом, открыл эту страну и принес ей мир.

Альмагро, компаньона Писарро, в соответствии с этим договором, назначили комендантом крепости Тумбес, определив жалованье в размере 300 000 мараведи в год, и даровали ему звание и привилегии дворянина. Достоинственного патера Луке назначили епископом Тумбеса, объявили опекуном и заступником всех перуанских индейцев и, кроме того, определили ему годовой оклад в размере тысячи дукатов — опять же из ожидаемых поступлений от вновь завоеванных земель.

Король не забыл и других участников экспедиции: Руис получил звание главного кормчего Южного моря с соответствующим вознаграждением, Кандиа был назначен командующим артиллерией, а остальные одиннадцать соратников Писарро из числа его товарищей по несчастью, переживших все невзгоды на заброшенном острове, были возведены в дворянское достоинство.

Будущим колонистам Перу предоставлялись различные привилегии в части уплаты налогов и сборов — они были обязаны сдавать в королевскую казну только десятую часть добытых в рудниках драгоценных металлов, однако драгоценности, приобретенные путем обмена либо захваченные в бою, облагались налогом в размере одной пятой их стоимости.

Король обязывал Писарро разумно управлять новой страной, опекать индейцев, иметь при себе королевских чиновников и лиц духовного звания, которые могли бы давать ему добрые советы и обращать неверных в христианство. И напротив, юристам и адвокатам было запрещено поселяться в этой стране, потому что их присутствие, по мнению короля, приводит к ссорам и разногласиям.

В течение шести месяцев после заключения договора Писарро должен был на свои деньги завербовать двести пятьдесят хорошо вооруженных наемников и переправить их через океан. Не позже чем через полгода после прибытия в Панаму он должен был погрузиться на корабль и отправиться в Перу. Король обещал оказать ему помощь в приобретении пушек и другого оружия,

а также в покупке коней, но отнюдь не собирався снабжать его деньгами. В договоре говорилось:

«Мы дарим вам двадцать пять кобылиц и других лошадей, находящихся на острове Ямайка...

Мы дарим вам на приобретение артиллерии триста тысяч мараведи, которые должны быть выплачены в Золотой Кастилии...»

Итак, в Испании Писарро не получил и ломаного гроша. Единственно, чего он добился, это разрешения на завоевание новых земель. Звучные титулы и привилегии ничего конкретного не давали. Конкистадоры должны были на свой страх и риск вложить крупные средства в экспедицию и в сражения добыть победу, чтобы овладеть богатой добычей, занять высокие посты и приобрести доходы, соответствующие титулам. Их жалованье зависело от будущих поступлений.

Ловкий и хитрый Писарро во время бесед с королем обеспечил себе высшие должности и львиную долю предполагаемых доходов. Дурные предчувствия Луке оправдались: от честного, братского распределения всех будущих преимуществ, как это предусматривало их соглашение, не осталось и следа; Писарро обманул своих союзников. Но и сам он еще не добился ничего. Договор, заключенный с королем, пока оставался на бумаге.

И все-таки будущему генерал-капитану удалось собрать в Испании средства, необходимые для экспедиции. Писарро помогли богатые ростовщики и, возможно, Эрнандо Кортес, поселившийся в то время в Эстремадуре, в своем родном округе. Хронисты утверждают, что он находился в родстве с семейством Писарро.

Из Толедо Франсиско Писарро направился в край своего детства — в Трухильо в Эстремадуре, где, как он рассчитывал, будет легче набрать наемников для предстоящего похода. Прошло уже немало лет с тех пор, как он покинул родину, которая могла предложить бедному свинопасу только черствый ломоть хлеба. Отец не признавал его; ни друзей, ни сторонников у Франсиско в то время не было. Теперь сюда вернулся благородный рыцарь, собственными руками добывший себе все, в чем отказывала ему судьба, и тут оказалось, что есть у негр здесь и друзья, и сторонники, и родичи, и все они

охотно соглашались участвовать в деле, затеянном этим баловнем судьбы.

Среди родственников он обнаружил четырех братьев, трое из них были внебрачными детьми — Хуан и Гонсало Писарро и Франсиско Мартин Алькантара — брат с материнской стороны. Только его старший брат Эрнандо Писарро был рожден в законном браке и выделялся среди остальных своей беспощадностью, высокомерием, грубостью, корыстолюбием, необычайной энергией и храбростью.

Из черт, присущих всем бедным испанским идальго, у братьев Писарро больше всего было развито корыстолюбие. «Все они были бедны и столь же горды, сколь, бедны, — писал о них испанский историк Овьедо, — их страсть к приобретению столь же велика, как их бедность».

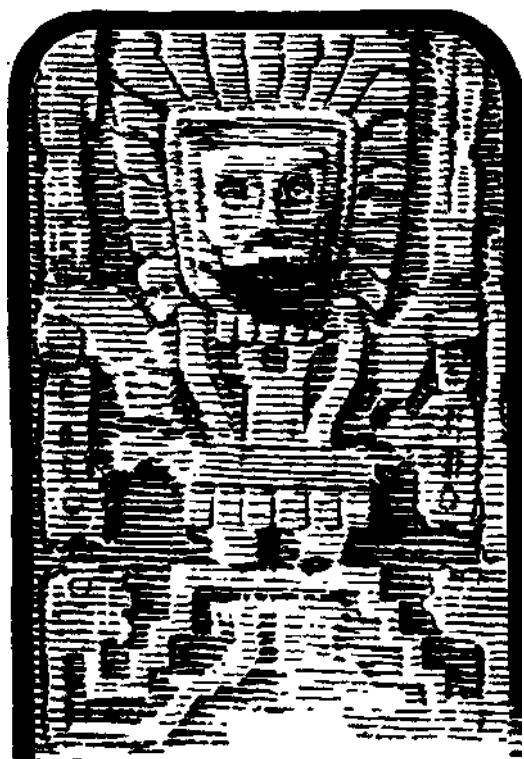
Франсиско Писарро со своими братьями объехал всю округу, вербуя добровольцев. Но не так-то легко было преодолеть недоверие и страх перед грядущими испытаниями в далеких странах. Заманчивые обещания и рассказы о золотых дворцах Тумбеса соблазнили очень немногих земляков Писарро. Прошли предусмотренные договором шесть месяцев, а Писарро все еще не удалось набрать необходимое число наемников. Однако медлить было нельзя — пришло известие, что чиновники из Совета по делам Индий вскоре придут в Севилью, чтобы проверить, все ли необходимое доставлено и погружено на три зафрахтованных корабля и нанято ли войско. Франсиско Писарро боялся, что экспедиция может быть отложена, и поэтому в январе 1530 года он спешно отплыл на одном корабле и направился на остров Гомера в Канарском архипелаге. Его брат Эрнандо, командовавший двумя другими кораблями, должен был приплыть туда позже.

Чиновники Совета проверили оставшиеся в порту суда, но все их придирки разбивались об утверждение, что недостающее имущество находится на борту уже отпльвшего корабля.

Путешествие через океан проходило отлично. Завербованные авантюристы мечтали о золотых горах в неведомой стране. Там, за семью морями, туземцы стреляют золотыми стрелами. Надо только стать посреди поля и поджидать индейцев. Стрелы, ударившись о латы,

падают на землю, остается только подбирать их, и, глядишь, наберешь столько золота, сколько душа желает.

Но, прибыв в Золотую Кастилию, они узнали правду — узнали о диких джунглях и коварных трясинах, над которыми вились тучи насекомых, о ядовитых змеях и аллигаторах, о страшных эпидемиях, узнали о том, что индейцы пускают не золотые, а отравленные стрелы. Кое-кто из наиболее малодушных пытался бежать, пока не поздно. Не было у наемников ни малейшего представления об огромной стране Перу, которую готовилась завоевать горсточка солдат.

Страна гесеу
Солнца

У ИСТОКОВ ПЕРУАНСКОЙ ИСТОРИИ

Удивительное разнообразие природы. — Центры древней культуры и земледелия. — Образование государства инков. — Сын Солнца и дочь Луны — предки инков. — Тауантинсуйу — государство четырех объединенных стран

Что же это была за страна — Перу, в чьи ворота уже стучались закованные в доспехи завоеватели?

Природные условия здесь были необыкновенно разнообразны. Вдоль океана тянулась длинная узкая полоса побережья, где влажные тропические леса сменялись засушливыми пустынными районами. За нею поднимался к облакам грандиозный горный хребет — Анды. В этих горах на высоте от трех до пяти тысяч метров находились прохладные, похожие на степь, плато — высокогорные равнины, над которыми высились покрытые вечными снегами горные вершины и огромные вулканы, долгое время считавшиеся самыми высокими в мире. Высокогорные равнины и склоны гор были изрезаны глубокими ущельями и речными долинами, образующими небольшие изолированные области.

Нельзя, конечно, утверждать, что здесь имелись столь же благоприятные условия для возникновения экономически процветающих и политически централизованных обществ, как это было, например, в древней Месопотамии, в Египте, Индии и Китае, где цивилизация начала развиваться в плодородных долинах больших рек — там люди должны были объединиться, чтобы совместно организовать орошение полей.

В этой части Южноамериканского континента столь благоприятных условий для развития цивилизации не было. Один историк утверждал даже, что все здесь было плохо, за исключением людей.

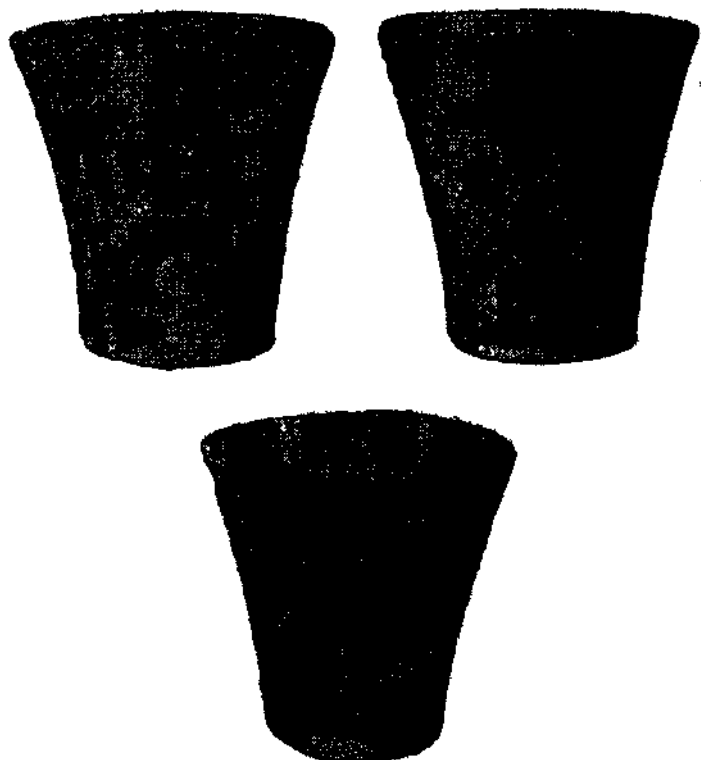
И все же в этих, далеко не лучших условиях в средней области Анд уже в третьем или четвертом тысячелетии до нашей эры появился один из центров древнего орошаемого земледелия. Здесь человек начал приручать животных, научился плавить руду и получать бронзу, создал свои государства. Второй центр древнего земледелия возник в центральных и южных районах Чили, где обитали арауканцы и другие индейские племена, третья культурная область была образована племенами чибча (муиски) на территории теперешней Колумбии. На всех этих необозримых пространствах — на берегах океана и в горных районах — возникали сменявшие друг друга древние культуры. Итак, история государства инков в Перу уходит своими корнями в глубокую древность, и дети Солнца — инки — многое переняли у более ранних, высокоразвитых цивилизаций.

Древние перуанцы были трудолюбивыми земледельцами. Они отвоевывали свои земли у пустынь и каменных гор, прокладывали оросительные каналы среди голых равнин побережья и создавали террасы на горных склонах. Они выращивали кукурузу, картофель, бобы, маниоку, арахис, батат, тыкву, хлопок, приручали собак, лам и альпака, строили города и храмы, изготавливали из бронзы оружие и орудия труда.

В этих областях найдены мумии, относящиеся к X веку до нашей эры, а это свидетельствует о том, что местные племена достигли в ту эпоху более высокого уровня развития, чем народы Северной Европы.

В первые века нашей эры — в эпоху древнего Рима — получила развитие культура тиауанаку, распространившаяся в некоторых районах нынешней Боливии и почти по всему Перу. Классические памятники этой культуры сохранились в окрестностях озера Титикака, где уже тогда обитали племена народности аймара.

Один из прекраснейших памятников тиауанаку — так называемые «Ворота солнца» — гигантский монолитный портал, украшенный фигурами человекоподобных существ — Солнца или Виракочи в обрамлении солнеч-

Керамика культуры тиауанаку

ных лучей, высотой в три и шириною почти в четыре метра. Тут же, невдалеке, сохранились и другие постройки из огромных обтесанных каменных глыб весом в сто и более тонн. Их доставляли за несколько километров. Только хорошо организованные массы людей могли проделать такую работу.

Одной из наиболее замечательных культур была так называемая культура мочки, получившая развитие на севере Перу, у океанского побережья. Там было создано государство Чиму со столицей Чанчан, которую называли потом «Венецией Нового Света» (неподалеку от нынешнего Трухильо). Каналы делили этот город на

правильные четырехугольники, здания были украшены барельефами и фресками, умелые ремесленники изготавливали в своих мастерских медные, золотые и серебряные предметы. Племена мочки создали широкую сеть оросительных каналов и выращивали различные культурные растения. В государстве Чиму были отличные дороги и богато украшенные храмы.

В эпоху, когда государство Чиму переживало свой расцвет, центральная гористая часть Перу, где обитали племена кечуа, являлась далекой дикой окраиной. Однако в XIV столетии именно здесь, в обширной долине, расположенной в горах, на высоте трех с половиной тысяч метров, образовалось могущественное государство инков. Сто лет спустя ему было суждено покорить все расположенные в Андах страны.

Ядром государства была территория племени инков (одно из племен народности кечуа), а центром — город Куско (что на языке кечуа означает пуп), основанный, видимо, в первой половине XIV века.

О происхождении инков, причем о божественном их происхождении, рассказывают многие легенды.

В незапамятные времена на земле Перу обитали дикие племена, непрестанно воевавшие между собой и жившие в нищете и невежестве. Многие столетия продолжались их распри, пока на берегу Титикака не появились однажды прекрасные мужчина и женщина, называвшие себя детьми Солнца. Это были сын Солнца инка Манко Капак и дочь Луны Мама Ойльо, брат и сестра и в то же время — муж и жена, первые правители государства инков.

Бог солнца дал им в дорогу золотой жезл и послал их на север, в страну пастухов. Жезл укажет им место, где они должны поселиться и основать свое государство. В каждой долине инка Манко вонзал свой жезл в землю, и каждый раз под слоем земли оказывалась скала. Долго шел он на север и наконец достиг долины Куско. И только дотронулся он жезлом до земли, как тот сразу же глубоко ушел в плодородную почву. Инка Манко Капак призвал с севера пастушьи племена, Мама Ойльо вызвала другие племена с юга, и оба они объединили враждовавших до сих пор людей, основали столицу Куско и в центре ее возвели храм бога Солнца.

ЕЛОТАВОІНГА ВИРАСОЧАІНГА

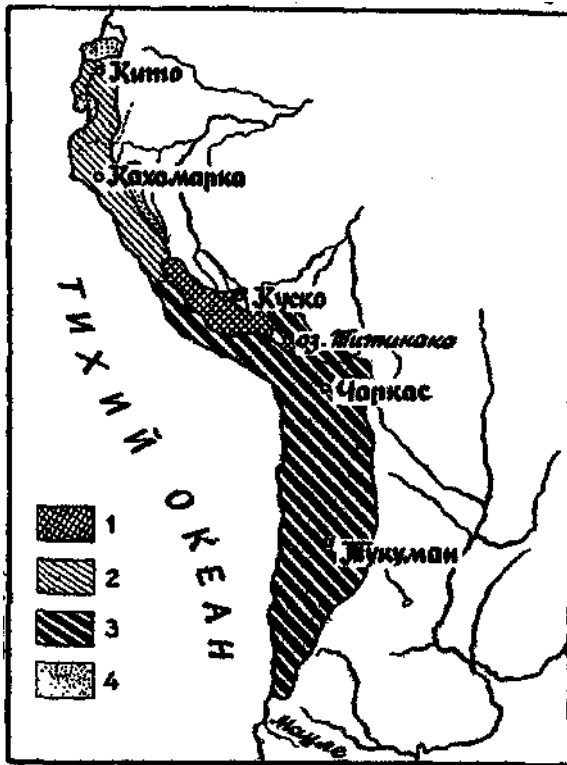
Инка Виракоча (из хроники Пумы де Айялы)

Манко Капак обучил мужчин возделывать и орошать землю, строить адания, обрабатывать металл, обучил их различным ремеслам, Мама Ойльо наудила женщин прясть и ткать. Дети Солнца принесли диким племенам законы и религию и, прежде чем снова вернуться в небесные края к своему отцу, постановили, что править в Перу будут их потомки — инки (инка — правитель, государь, господин), унаследовавшие божественное происхождение. Следующие властители продолжали начатое дело и расширили границы государства на севере, юге и востоке. Инки повсюду запрещали человеческие жертвоприношения и вводили культ Солнца, почитая также и Луну и другие небесные светила. Правители обучали своих подданных самым совершенным методам земледелия и орошения, а наиболее выдающимся людям присваивали имя инка.

Эти легенды следует понимать так: инки — могущественное племя, принадлежавшее к языковой группе кечуа, — подчинили себе другие племена и создали большое государство. Победители образовали господствующий класс, который, заботясь о чистоте своей крови, не смешался с завоеванными племенами, а образовал особую касту, замкнутое сословие. Во главе его находился верховный вождь племени инков, принявший титул *сапа инка* и правивший всеми завоеванными странами и народами.

Инки говорили на языке кечуа и называли его *рунасим* (языком людей). Есть сведения, что в некоторых случаях инки говорили на своем особом, тайном языке, непонятном для других племен. Во всяком случае, племя инков находилось в близких родственных отношениях с другими племенами языковой группы кечуа, потому что именно эти племена занимали привилегированное положение по сравнению с другими. Они также, как и сами инки, не платили налогов и были освобождены от принудительных работ — барщины.

В легендах упоминается более десяти правителей — сапа инков. Мифического Манко Капака сменил Синчи Рока (это имя означает — вождь, избранный для ведения войны). Затем правил Льюке Юпанки («одаренный всеми добродетелями»), потом Маита Капак, Инка Рока и Ягуар Уакак. Больше всего достоверных сведений сохранилось о последних инках, правивших перед испан-

Расширение границ государства инков.
 1 — Пачакути (1438—1468); 2 — Пачакути и
 Тупак Юпанки (1468—1471); 3 — Тупак Юпанки
 (1471—1493); 4 — Уайна Капак (1493—1525)
 (по Б. Шаревской)

ским завоеванием. Виракоча правил в начале XV столетия, после него Пачакути Юпанки (1438—1471), Тупак Юпанки (1471—1493), Уайна Капак (1493—1525), Уаскар (1525—1532) и Атауальпа (1525—1533).

С времен Пачакути Юпанки (что значит «произведший переворот, реформатор») начались многочисленные завоевательные войны — очевидно, племена кечуа и инков заключили между собой союз.

В конце XV и в начале XVI столетий маленькое, рас-

положенное высоко в горах государство уже захватило огромные территории и превратилось в объединение четырех союзных стран. Название «Перу» государству инков дали испанцы. До вторжения белых пришельцев сами перуанцы называли его Тауантинсуйу, что означает — четыре объединенные области.

Эти четыре объединенные страны в начале XVI века занимали территорию, включавшую Анды и побережье Тихого океана от Колумбии на севере и до центральной части Чили на юге (теперешние Эквадор, Боливия, Перу и Чили), их границы на востоке простирались до бассейна реки Амазонки, на юго-востоке — до Аргентинской низменности, приблизительно до нынешнего города Тукуман.

На этих землях проживало более ста племен, принадлежавших к различным языковым группам. Главным из них были кечуа, аймара, мочика и пукина. Племена аймара занимали почти треть территории государства инков и обитали в его южной части, на бескрайних пространствах вокруг озера Титикака. Кечуа жили в сравнительно небольшой области возле долины Куско. В северной части океанского побережья обитали племена мочика, уже ранее создавшие здесь свой племенной союз — государство Чиму. Видимо, в районе озера Титикака жили пукина. Трудно было инкам удержать вместе этот конгломерат различных народностей, хотя и Тупак Юпанки, и Уайна Капак проделали огромную работу по объединению и укреплению государства.

Инкам так и не удалось по-настоящему укрепиться на восточных склонах Анд и подчинить себе племена, обитавшие на равнинах к востоку от этих гор. Последний сапа инка Уайна Капак встретился со значительными трудностями, пытаясь управлять огромными территориями как единым государством. Он завершил завоевание центральной части Чили и проводил немало времени в только что покоренных северных областях, подавляя восстания местных племен. Своей второй столицей он сделал Кито. Незадолго до смерти Уайна Капак разделил государство на северные и южные провинции, управление которыми он поручил двум своим сыновьям — Уаскару и Атауальпе. Перед самым прибытием испанцев в Перу в 1531 году между ними началась братоубийственная война.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ИНКОВ

Распад первобытнообщинного строя. — Сапа инка — воплощение бога Солнца. — Семья — основная ячейка государства. — Иерархия чиновников. — Земельная собственность. — Общество, которое заботится о каждом из своих членов. — Эксплуатация покоренных племен. — Привилегии курака и инков. — Рабовладельческий строй. — Политика завоеваний. — Военная организация и оружие. — Общий язык. — Законы и наказания

Вопрос о государственном устройстве инков является весьма неясным и запутанным. Испанские завоеватели, столкнувшись с общественным строем перуанцев и совершенно не разобравшись в нем, решили, что в стране инков господствует феодализм, как и в Испании. Перуанское государство они назвали «империей», правителя Перу — «императором», вождей — «вассалами», «феодалами», «аристократами», крестьян — «крепостными» и т. п., другими словами, придумали для перуанцев абсолютную монархию с признаками высокоразвитого феодализма.

В действительности основой перуанского общества была патриархальная родовая община, которая называлась *ацлью*.

В давние времена, когда у перуанцев еще не было верховного вождя, руководила всеми общественными начинаниями община. Ей принадлежала земля, которую обрабатывали все члены общины или племени. Самой общиной демократическими методами управлял совет старейшин. Таково было устройство государства инков в первый период его существования.

Со временем центральная власть стала могущественнее, но община продолжала существовать как основа всего государственного строя.

Ко времени испанского вторжения родовой строй уже начал распадаться, из патриархального рода выделилась семья, родовая община превратилась в сельскую. Стала появляться частная собственность на землю; власть и большая часть земли сконцентрировались в руках отдельных семей или родов, а тех, кто трудился на этих землях, подвергали все большей эксплуатации.

В результате этого процесса появились классы — господствующий класс и класс производителей, со всеми присущими им противоречиями.

Во главе государства Тауантинсуйу стоял *сапа инка* («верховный инка, единолично правящий инка»), сын Солнца, которому оказывали почести как живому воплощению Солнца Инти. Правитель опирался на инков — касту своих кровных родичей, небольшую правящую верхушку. Эти дети Солнца, «любимцы богов», занимали все высшие должности и держали в своих руках умело организованный аппарат управления государством. К этой же касте принадлежал и верховный жрец *вильтяк уму*, как правило, брат правителя, его ближайший помощник, и все высшее жречество. В качестве живого бога Солнца сапа инка через посредство верховного жреца руководил всем многочисленным сословием жрецов. Инка командовал войсками и управлял государством, в его руках находился суд и законодательная власть. Некоторые историки утверждают, что сапа инка пользовался большим влиянием и почетом, чем папа римский и любой европейский монарх. Власть инки была неограниченной. Испанские историки писали, что нет на свете другой такой страны, где бы подданные были столь послушны и покорны своему властелину.

Ничего удивительного тут не было — об этом заботилась целая армия управляющих, надсмотрщиков, чиновников и жрецов, а полководцы с их могущественным войском подавляли любую попытку неповиновения или мятежа.

Страх перед инкой был так велик, что по одному мановению его руки любой перуанец мог безропотно броситься в пропасть, повеситься или покончить с собой каким-нибудь другим способом. Даже знатные родственники правителя являлись к нему босые, с небольшой ношей на плечах — так они выражали свою покорность.

Достаточно было властителю дать кому-нибудь в качестве символа его полномочий одну-единственную нитку из своего головного убора, чтобы тот приобрел огромную власть и почет. Такой человек и без войск внушал страх целым областям.

И все же нельзя с полной уверенностью утверждать, что сапа инка был абсолютным, неограниченным властелином, каким его изображают некоторые историки.

ELI O V E I O I N G A P A C H A C U T I N G A

ИРАИОИ

Великий преобразователь — инка Пачакути Юпанки (из хроники Помы де Айялы)

Возможно, что правил он совместно с советом племенных вождей, о полномочиях которого нет достоверных сведений, и, может быть, советовался с ним по всем важнейшим вопросам, а его собственная власть выражалась в большом влиянии на этот совет. Есть сведения, что в каждой из четырех провинций инка образовал по три совета: военный совет, совет по судебным вопросам и совет по охране собственности.

Знатные инки — правящая каста — отличались от простых смертных своей одеждой. Они носили роскошные цветные одеяния из тонкой шерсти, украшенные золотом и драгоценными камнями. У инков была особая прическа и тяжелые золотые серьги, оттягивавшие их уши почти до плеч. За это испанцы их впоследствии прозвали длинноухими. Пестрый головной убор был украшен пучками ярких перьев — символом власти и почета. В одеянии сапа инки были и другие отличительные признаки. Голову правителя украшало складчатое цветное покрывало *льяту* с красной сеткой и двумя черно-белыми перьями птицы корекенке. Эта редкая птица водилась только в пустынных горных районах, и никто не смел ловить или убивать ее. Каждый правитель, вступая на трон, получал для украшения своего покрывала новую пару перьев — одно перо с правого, другое с левого крыла птицы. После этого птицу отпускали на волю. Пара птиц корекенке считалась символом первого инки Манко Капака и его жены. Никто, за исключением сапа инки, не имел права украшать себя перьями этой птицы.

Представителей правящей касты правитель назначал заместителями (они назывались *капак апу*) во все четыре провинции. Провинции делились на округа — *уну*, которые управлялись назначенными правителем чиновниками *тукуйрикуки* («всевидающие»). Более мелкими территориальными единицами управляли *курака* — старейшины завоеванных племен. Сапа инка и высшие должностные лица в Куско строго контролировали низших чиновников.

Инки считали, что самой мелкой единицей в их государстве является семья, а не отдельный человек. Индивид существовал только в качестве члена семьи, а семья — только для того, чтобы служить государству. Главная задача созданной инками военизированной сис-

темы управления заключалась в том, чтобы обеспечить производство необходимого количества продовольствия и распределять излишки.

Чтобы добиться этого и организовать труд, всех подданных систематически делили на примерно равные группы. Группы семей объединяли в общины по десять, пятьдесят, сто, пятьсот, тысяче, десять тысяч и даже более семей в каждой — так же, как современная армия разделена на роты, полки, дивизии. Старались сохранить равную численность людей в группах, перемещая лишние семьи в новые области.

Каждой группой руководил специально назначенный чиновник — начальник, подотчетный своему непосредственному начальнику и правителю — инке. Он отвечал за работу и благосостояние членов общины.

Начальник прежде всего исполнял обязанности опекуна, заботился о своих подчиненных, помогал им в беде — построить дом после пожара или землетрясения, запастись материалом для изготовления одежды и обуви, заготовить зерно для посева; он же следил за состоянием оросительных устройств и обработкой полей. Ему вменялось в обязанность сообщать о провинностях своих подчиненных и наказывать их. Все подданные жили под строгим надзором и без разрешения не имели права покинуть место своего жительства или выбрать себе профессию.

Численность населения государства инков определить чрезвычайно трудно. Некоторые историки думают, что она составляла шесть миллионов человек, по подсчетам У. Фостера — приблизительно десять миллионов, а один историк даже называет цифру от 16 до 32 миллионов, т. е. больше, чем насчитывается на этой территории сейчас. Столь многочисленное население, проживающее на засушливых, гористых, неплодородных землях, могло обеспечить себя продовольствием лишь очень умело организовав труд земледельцев.

Вся земля в Перу считалась собственностью сапа инки, но фактически ею распоряжалась сельская община. Обработанная земля делилась на три части — поля Солнца, поля инки и общинные поля. Землю коллективно обрабатывали все члены общины, хотя каждой семье тоже выделялся земельный участок. Общий для всех сигнал возвещал начало и конец рабочего дня.

прежде всего обрабатывались поля Солнца, потом переходили на поля, инки, а затем уже на общинные пашни. Часть урожая с последних предназначалась на содержание вдов, сирот, людей старых, больных и нетрудоспособных, а также на общинные надобности. Кроме того, каждое село часть земель оставляло под паром, а неплодородную землю отводили под пастбища: в собственности общины находились стада лам и альпака.

В горных районах, где главным занятием жителей было скотоводство, пастбища и стада так же, как пашни, разделялись на три части.

Обрабатываемая общинная земля делилась на небольшие участки *тупу*, которые обеспечивали пропитанием семью — мужа и жену. Когда в семье рождались дети, то мальчику выделяли одну тупу, а девочке половину тупу земли. Время от времени, для сохранения равенства членов общины, происходил передел земли. Кроме тупу, в каждой общине была еще такая единица, как *муйя*, — в нее входили двор, дом, амбар и огород. Муйю сын наследовал от отца, и она считалась уже частной собственностью.

На земле своей муйи член общины мог вырастить урожай овощей и фруктов, излишки которого шли на обмен. В своем хозяйстве можно было дубить кожи, прясть шерсть, ткать полотно, шить обувь, изготавливать бронзовые орудия труда и глиняную посуду и затем эти товары, являвшиеся личной собственностью, обменивать на другие изделия. Жилище со всем, что в нем находилось, и земельный участок, на котором стоял дом и другие постройки, тоже считались собственностью семьи.

Все продукты и урожай, собранный общиной, делили на три части. Одну часть получали жрецы Солнца, вторая шла на содержание сапа инки, его семьи, двора, чиновников, солдат и строителей, а третья оставалась для нужд общины. Часть, предназначенная для инки, обычно превышала его потребности. Излишки хранились на специальных складах. Их могли распределить среди жителей любого района в случае войны, неурожая, землетрясения, наводнения или засухи. Там же постоянно хранились шерстяные и хлопчатобумажные ткани, золотые, серебряные и медные сосуды.

Каждый мужчина, который обрабатывал и засеивал поля, получал свою часть из общинной доли. Если он находился на службе у инки, был занят на государственных работах или участвовал в походе, то свою часть он получал из запасов инки либо от жрецов (если работал на строительстве храма). Перуанцы не знали ни страшной нужды, ни голода и холода на старости лет, ни детского труда, ни других бедствий, которые в наши дни встречаются и в куда более цивилизованных капиталистических странах. Историк Кроу говорил о перуанцах так: «Уровень жизни среднего индейца, несомненно, был очень примитивен. И все же каждый, кто был в силах работать, делал свое дело; ни один больной не оставался без ухода, преступления случались редко, старики и калеки получали все необходимое для жизни, и движущей силой экономики инков было сотрудничество ради общего блага, а не борьба ради наживы».

Нелегко было, конечно, обеспечить пропитанием всех жителей страны, потому что землю обрабатывали весьма примитивными орудиями; население непрерывно увеличивалось, а из-за этого земельный участок, выделяемый членам общины, год от года уменьшался. Все труднее становилось выделять две трети урожая для жрецов и правителя.

Люди в государстве Перу жили под мелочной опекой. Каждый подданный занимал определенное место в жизни: крестьяне были прикованы к земле, ремесленники — к своей профессии. Не было необходимости ни в фантазии, ни в честолюбии, ни в инициативе, нельзя было ни на шаг отступить от заведенного порядка, но в то же время можно было не бояться нищеты и голода.

При издании законов учитывались интересы трудового населения. Законы эти были продуманы так, что даже самая тяжелая, утомительная и неприятная работа, как, например, в рудниках, не наносила вреда здоровью. Людей направляли на работу соответственно их возрасту; юноши в возрасте 16—20 лет собирали и сушили листья кустарника коки и занимались другими легкими работами; самый тяжелый труд приходился на долю взрослых мужчин в возрасте 25—50 лет; людей, достигших пятидесятилетнего возраста, снова направляли на более легкие работы.

Население, плотность которого, возможно, была выше

нынешней, могло использовать все природные ресурсы, земли и воды государства инков. Людей не эксплуатировали ради личной наживы, и из поколения в поколение число жителей страны не уменьшалось, а увеличивалось. Никто не страдал от голода и нищеты там, где в наши дни бедствуют миллионы людей, где простирается одна из обширнейших голодных зон капиталистического мира.

Перуанское общество было организовано в виде конфедерации племен, представители которых образовывали совет для управления государством. Союз племен опирался, главным образом, на две племенные группы — кечуа и аймара, а позднее инки включили в конфедерацию и покоренные племена, правда, ограничив их права.

Однако завоеванные племена, не принадлежавшие к группе аймара и кечуа, подвергались эксплуатации. Общины этих племен облагались податями. Они должны были поставлять продукты земледелия, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, обувь, оружие, сушеные листья кустарника коки, канаты, с помощью которых передвигали каменные глыбы и строили мосты. Мужчины обязаны были отбывать барщину (так называемую *миту*) — следить за состоянием ирригационных систем, строить и ремонтировать дороги и мосты, крепости, дворцы и храмы, добывать руду и выплавлять металл, доставлять ко двору дичь и рыбу. Были свои обязанности и у женщин — они вырабатывали ткани как для своей общины, так и для нужд инки. Специальные чиновники распределяли для этой цели хлопок и шерсть. Самые красивые и расторопные девушек отправляли в гаремы правителя и его приближенных, а также в храмы. Их называли девами Солнца, «белыми избранницами». Они принимали участие в религиозных церемониях, пряли, ткали и готовили для жрецов опьяняющий напиток чичу, пекли особый хлеб для праздничных угощений. Жили они в строго охранявшихся монастырях — домах дев Солнца, так как давали обет целомудрия.

Своя родовая аристократия уже давно образовалась и у покоренных племен. Инки сохранили за нею некоторые привилегии и доверили управление племенами, присвоив этим людям титул *курака*. Курака надзирали за

работой и сбором податей в своих общинах. Члены общины обрабатывали их поля, и курака, не участвуя в общем труде, получали свою долю от общинного урожая и общинных стад. Им принадлежали и собственные стада лам и альпака, были у них и свои земли, и свои хозяйства, где рабыни изготовляли для них шерстяные и хлопчатобумажные ткани. Однако и курака, как представители покоренных племен, были подчинены касте инков.

Члены правящей касты не работали, не платили никаких налогов и занимали все высшие военные и административные должности, получая и передавая по наследству все свои привилегии. Правитель наделял их землей, которую обрабатывали общинники, и отдавал в их распоряжение специальных рабочих из числа завоеванных племен — *янакуна*.

Привилегированное положение занимали и жрецы — они получали урожай, выращенный на полях Солнца, и подчинялись не местным властям, а верховным жрецам в Куско.

Янакуна, видимо, являлись рабами. Они были ремесленниками, земледельцами, чернорабочими, рудокопами и слугами. Женщин янакуна — прядильщиц, ткачих, вышивальщиц, служанок — уже с детских лет разлучали с семьей и заставляли работать на знатных инков. Дети рабов тоже становились рабами.

Итак, в государстве Перу уже существовал в своей ранней стадии рабовладельческий строй, хотя и со значительными пережитками родового строя.

Некоторые историки называют государственный строй Перу гуманным, патриархальным деспотизмом, а иные пытались представить его даже как «образец всестороннейшего государственного социализма» (американский историк Фиске), называли «социалистическим» и «коммунистическим». В качестве доказательства они упоминали о выдаче продовольственных продуктов вдовам и детям погибших воинов, а в случае голода и всем гражданам государства, о раздаче тканей населению, о «плановом» ведении хозяйства. На самом деле эти факты говорят лишь о пережитках родового строя (коллективная забота о каждом члене общества) либо о деспотии (централизованное управление, организованная в масштабах всего государства ирригация, пути сообщения,

почтовая связь). В стране инков не было и следов социализма — там господствовала эксплуатация, неравенство классов.

Одной из главных своих задач инки считали покорение новых племен и расширение границ государства. Некоторые историки считали, что эта политика завоеваний носила религиозный характер — военные походы, утверждали они, совершались для того, чтобы распространить культ Солнца. Завоевательная политика инков была весьма успешной, поэтому перуанцев за их военные успехи нередко называли «римлянами Нового Света», точно так же, как индейцев майя иногда называли «греками Нового Света», подчеркивая тем самым их выдающиеся научные достижения.

Инки создали мощную, хорошо организованную армию, которая, по некоторым сведениям, насчитывала в своих рядах несколько сот тысяч человек. Авангард перуанской армии состоял из пращников, метавших камни величиной с куриное яйцо. Были у них на вооружении и деревянные щиты, легкие, но очень прочные, и панцири из стеганого хлопка, предохранявшие воинов от стрел и камней, — все это имело сходство с вооружением ацтеков и майя в Мексике.

Следом за авангардом шли воины, вооруженные боевыми дубинками и бронзовыми топорами *чампи*. Боевая дубинка, или палица, длиной в девять футов, имела медный, величиною с кулак, наконечник с пятью или шестью острыми шипами. Боевые топоры были такой же длины, как и палица, с лезвием шириной с ладонь. Некоторые вожди были вооружены золотыми или серебряными топорами и палицами.

Далее следовал отряд, вооруженный дротиками. В арьергарде шли воины с тридцатифутовыми пиками. На левой руке у них была шерстяная повязка, о которую опиралась пика. Наконечники копий, пик и стрел перуанцы делали из меди.

На головах у воинов были большие, подбитые хлопком деревянные шлемы, закрывавшие голову почти до самых глаз, но большинство просто повязывало голову куском ткани. Люди знатные украшали свой шлем золотом, серебром, драгоценными камнями и пучками ярких перьев.

Войско было разделено на отряды, каждый из которых имел свое знамя, части шли в бой в строгом порядке. Не-

Перуанские воины (рисунок на глиняном сосуде)

редко сам правитель вел войска на битву. Воины, сильные, стройные юноши, неоднократно участвовали в длительных походах и были очень выносливы физически, хорошо обучены и дисциплинированы. На своей территории им запрещалось обижать или грабить местных жителей. Провиант они получали со складов инки.

Покорив какое-либо племя, инки прежде всего размещали на захваченной территории мощные гарнизоны, чтобы предотвратить любую попытку восстания, создавали централизованное управление, назначали своих чиновников, строили военные дороги, склады оружия и продовольствия. Затем вводили свои праздники и устанавливали культ Солнца, а изображения племенных богов, как менее значительных, перевозили в Куско и помещали в одном из храмов в качестве заложников.

Прежние законы и обычаи оставались в силе, и старейшины покоренных племен сохраняли свою власть. Но они вместе со своими семьями должны были некоторое время жить в Куско, научиться языку кечуа, познакомиться с жизнью инков и в качестве заложника остаться при дворе старшего сына. Только после этого касик завоеванного племени мог вернуться обратно и управлять своей потерявшей независимость страной, но уже в должности кураки, назначаемого никой. Языку кечуа должны были постепенно научиться все жители покоренной области. С этой целью правитель направлял туда специальных учителей, чтобы в делах государственного

управления можно было обойтись без огромной армии переводчиков.

Если казалось, что дух сопротивления не сломлен, то по распоряжению сапа инки значительная часть покоренного племени переселялась в отдаленные районы страны, а на завоеванных землях селились другие племена. Каждый член подчиненного племени должен был носить одежду своих родных мест, чтобы чиновники уже по внешнему виду могли определить, откуда родом тот или иной подданный их государства.

Иногда те, кого переселяли в другие области, пытались бежать. Беглецов посылали на тяжелые работы в высокогорные рудники, на строительство каналов в пустынной приморской полосе.

Правители издавали строгие законы, главной целью которых было сохранение господства инков и подавление всякого сопротивления покоренных племен. Самым тяжелым преступлением считалось восстание. Восставший город обычно разрушался до основания, всю область опустошали, а жителей уничтожали или выслали в отдаленные районы.

За воровство, супружескую неверность, за оскорбление правителя и святотатство по отношению к Солнцу, за проникновение в храмы к девам Солнца, за разрушение мостов, поджог зданий, перенесение межевых камней, незаконный отвод воды с полей, за браконьерство грозило жестокое наказание, главным образом, смертная казнь, не сопровождавшаяся какими-либо мучениями, — виновного вешали или сбрасывали в пропасть. За менее тяжкие преступления приговаривали к более легкому наказанию — подвергали порке кнутом, заставляли носить на спине тяжелый камень, выносили публичное порицание, но никого не наказывали конфискацией имущества. Лень тоже считалась преступлением, а пьяниц отправляли на работу в рудники.

Судьи строго следили, чтобы каждый преступник был призван к ответу. Если судья отнесся к своим обязанностям халатно, то отдавали под суд самого стража и приговаривали его к такому же наказанию, которому должен был быть подвергнут настоящий преступник. Поэтому судьи очень тщательно исполняли свои обязанности. Когда судья выносил приговор, то уже не мог больше ни отменить его, ни смягчить.

Вопреки злобной клевете испанских завоевателей, у перуанцев было высоко развито чувство чести и справедливости как в отношениях между собой, так и по отношению к людям других племен, поэтому преступления совершались редко.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И РЕМЕСЛА

Основные сельскохозяйственные культуры. — Террасы и ирригация. — Приручение домашних животных. — Развитие ремесел. — Меновая торговля и связи с другими народами. — Обработка металлов. — Перуанские ткани. — Грандиозные дворцы, храмы и крепости. — Великолепные дороги инков

Земледелие в стране инков достигло высокого уровня развития — во всяком случае, не уступало Европе того времени. Перуанцы знали около сорока сельскохозяйственных культур. Главными из них были кукуруза и картофель — в отличие от пшеницы, ячменя и риса древних цивилизаций Азии и Африки.

Кукурузу перуанцы выращивали с давних пор и вывели великолепные сорта, хотя в диком виде это растение в Перу не встречается — так же, как хлопок, который они сеяли в долинах с теплым климатом.

Дикий картофель перуанцы за долгие столетия превратили в важную сельскохозяйственную культуру. Картофель был разных сортов: красный, белый, желтый, черный — и имел крупные клубни.

Разводили они и другие культуры — различные сорта перца, бобов, помидоров, маниоки, арахиса, сладкого картофеля-батата, тыквы, агавы, корнеплодов и фруктов.

В высокогорных районах большое значение имело разведение киноа — перуанского риса, неприхотливого, похожего на лебеду однолетнего растения, из семян которого мололи муку. Из муки киноа, добавляя перец, варили похлебку. Из картофеля приготавливали так называемую *чунью* — картофельную муку, которая еще и в

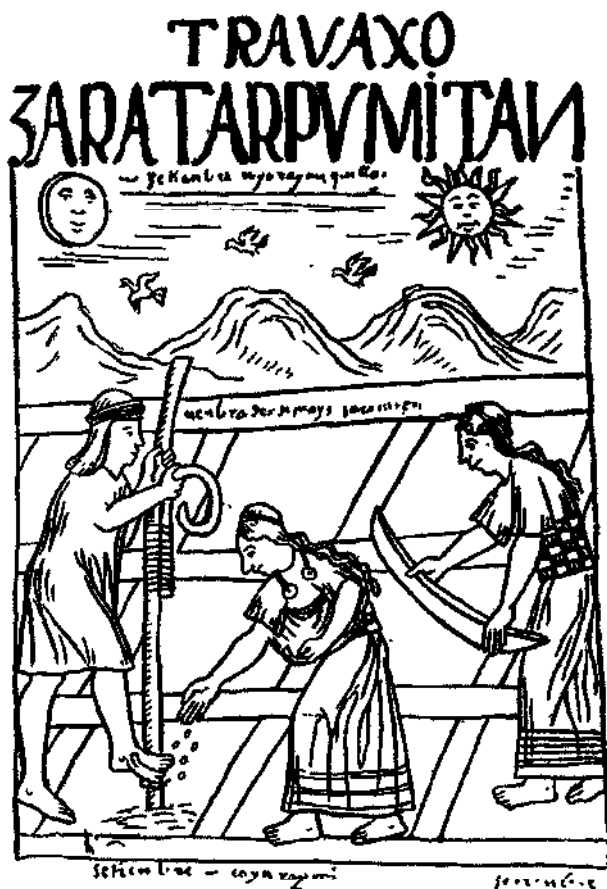
наши дни является одним из основных продуктов питания у индейцев Андских гор.

Густые леса давали разнообразный строительный материал. Тут же росли лекарственные травы и растения, из которых получали красящие вещества.

Земледелие развивалось в узких глубоких долинах, куда в период дождей низвергались с гор потоки воды, размывая почву, тогда как в засушливый период там всегда не хватало влаги. Чтобы оградить плодородную почву от вымывания и иметь возможность подвести туда воду из рек и ручьев, перуанцы были вынуждены разбивать на склонах гор террасы. В некоторых Местах террасы вырубались прямо в скалах и на голые камни насыпался тонкий слой плодородной почвы, которую доставляли из долины. С этой титанической работой перуанские земледельцы, не имея железных орудий, справлялись лишь благодаря неимоверному терпению. Грандиозные оросительные системы — плотины, дамбы, выложенные каменными плитами каналы, иногда длиной в несколько сот километров, равно как и террасы, вырубленные в горных склонах, — следует причислить к величайшим достижениям человека. Руины этих сооружений, сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют об упорстве, настойчивости и мастерстве древнего народа. За всеми этими постройками наблюдали должностные лица, заведовавшие также распределением воды. Ее расход регулировался строжайшими законами, за нарушение которых грозила смертная казнь. В очень сложных и тяжелых условиях умелые земледельцы выращивали отличные урожаи.

Особенно важное значение орошение имело в засушливой зоне вдоль океанского побережья, где дождей практически не было и речной воды не хватало. Земля здесь была весьма плодородной, и поэтому перуанцы подводили сюда воду из очень отдаленных районов, используя живительную влагу горных источников, озер и ручьев. Местами канал приходилось вести по огромным плитам песчаника, местами по насыпям он пересекал болота, а кое-где проходил сквозь скалы через особые туннели.

Землю в государстве инков обрабатывали вручную — у перуанцев не было тягловых животных. Главным орудием труда была *такля* — деревянный кол длиной

Вскапывание земли таклей и сев кукурузы (из хроники Помы де Айялы)

около двух метров, с прочным бронзовым наконечником и изогнутой бронзовой рукояткой в его верхней части. К нему был прикреплен брусок-подножка — в нее упирались ногой и разрыхляли землю. Такля была мужским орудием труда. Ею возделывали землю, рыли ямки для семян, копали картофель.

По некоторым сведениям, таклю тащили на веревке

шесть—восемь сильных мужчин, шагая в одном ритме под общую песню, в то время как пахарь старался вогнать поглубже в землю наконечник этого примитивного орудия труда. Сходство таклы с сохой было очень отдаленным, хотя с ее помощью можно было неплохо обрабатывать землю.

Женщины разрыхляли комья толстыми палками, к концу которых был прикреплен каменный диск, либо мотыгами с широким, похожим на зубило, бронзовым лезвием на короткой рукоятке. Мотыгу применяли также для прополки и окучивания. В полевых работах использовались и бронзовые серпы, хлеб обмолачивали цепами.

Землю на океанском побережье удобряли птичьим пометом — *гуано*, а в горных областях — навозом лам и альпака. Гуано добывали на близлежащих островках, где обитали огромные стаи морских птиц. Чиновники выделяли эти островки отдельным прибрежным районам либо делили их на участки со строго определенными границами. В период выведения птенцов никто не смел отправляться на острова за удобрением. За нарушение этого правила, а также за охоту на птиц грозила смертная казнь.

Занятие сельским хозяйством пользовалось в стране почетом и уважением, и сам сапа инка в сопровождении знатных вельмож появлялся на пашнях в окрестностях Куско, чтобы начать полевые работы. Золотой таклей правитель прокладывал первую борозду, и придворные следовали его примеру. Так сапа инка показывал, что земледелие — занятие, достойное детей Солнца.

Индейцы, жившие на землях инков, не знали ни домашней птицы, ни крупного рогатого скота, ни овец, ни свиней, ни кошек; собак держали для развлечения и лишь в редких случаях использовали их на охоте. Однако перуанские индейцы, единственные из коренных обитателей Нового Света, сумели приручить двух животных родственной породы — ламу и альпака. Это следует считать весьма важным достижением.

На орошаемых пастбищах паслись огромные стада лам, дававшие мясо и шерсть. Из грубой шерсти изготавливали мешки и веревки, из кожи — попоны и плащи, из костей — предметы домашнего обихода, а высушенный навоз служил топливом. Молока у лам хватало

TRAVAXA HAILLICHACRAIPVIC

Инка (первый слева) открывает полевые работы (из хроники Помы де Айялы)

только для телят, поэтому как молочный скот ламы не использовались.

Альпака были мельче лам, и выращивали их, главным образом, ради тонкой и мягкой шерсти, которая шла на изготовление тканей.

Согласно закону, стада лам и альпака принадлежали

правителю и богам, и никто не имел права убивать этих животных без специального разрешения.

Лама использовалась, как, впрочем, и сейчас используется, в качестве вьючного животного в горах Перу и Боливии, хотя груз переносит значительно меньший, чем мул. Зато лама — животное весьма неприхотливое, она находит корм на голых склонах гор, может долгое время обходиться без воды, ночевать под открытым небом и уверенно проходить по гладкому льду. Ламу не надо подковывать.

Перуанцы столь долгое время разводили лам, что те превратились в таких же домашних животных, как корова или овца, да и альпака уже не могли обходиться без присмотра людей. Однако лама не была приучена тащить плуг. После завоевания Перу индейцы немало дивились тому, что испанцы запрягают в плуг волов, и говорили, что белые люди чрезвычайно ленивы и поэтому заставляют работать вместо себя этих огромных животных.

На горных пастбищах паслись дикие викунии и гуанако — животные, родственные ламе и альпака. От них, видимо, и произошел домашний скот.

Время от времени перуанцы охотились на этих животных, но в каждой области не чаще, чем раз в четыре года, чтобы не истребить всего поголовья. В установленный срок всю область охоты окружали загонщики, вооруженные длинными палками и копьями, иногда их число доходило до пятидесяти тысяч человек, то есть собирались почти все жители области. Крупных хищников, попавших в облаву, охотники безжалостно убивали, а оленей, косуль, викуний и гуанако загоняли в специальные ограждения в долинах. Там у викуний и гуанако стригли шерсть, и часть этих животных, а также часть оленей — в первую очередь самок — отпускали на волю, остальных забивали на мясо.

Мясо нарезали тонкими ломтями и высушивали. Простой народ получал только сушеное мясо — *чарки*; употреблять в пищу свежее мясо разрешалось лишь людям благородного происхождения. На мясо специально выращивали также морских свинок и местные разновидности уток.

Охота строго регулировалась особыми чиновниками,

и даже диких животных никто не имел права убивать без разрешения.

Из шерсти викуний и гуанако ткали особо тонкие ткани, носить которые имели право только знатные люди; из этой же шерсти делали покрывала для дворца инки и занавесы для храмов.

Простому народу иногда разрешали попробовать алкогольный напиток чичу. Он несколько напоминал пиво — готовили его из кукурузы и сока агавы. Кроме того, перуанцы имели обыкновение жевать смешанные с толченой глиной листья кустарника коки. Возбуждающее наркотическое вещество кокаин, содержащийся в листьях, притупляло чувство голода и снимало усталость. Табак перуанцы считали лекарственным растением и нюхали его, а не журили, как в Мексике и на островах Карибского моря. В редких случаях инки, курака и жрецы пили крепкий опьяняющий напиток — *сору*, который для престога народа считался запретным.

Разделение труда в государстве инков было развито еще очень слабо. Все население общины умело прясть, ткать, шить, тачать обувь для себя и своей семьи, изготавливать орудия труда и оружие, обрабатывать землю и строить дома. Все необходимые материалы — шерсть, хлопок, металл, инструменты — они получали из государственных складов.

Однако ремесла постепенно отделились от земледелия и скотоводства. В некоторых районах ремесленники добились особых успехов. Чиновники отбирали лучших из них и отправляли в столицу страны город Куско. Там эти люди жили в отдельном квартале и поставляли свои изделия правителю и его двору, получая за это питание. Если мастер мог изготовить изделий больше, чем от него требовали, то все излишки он имел право обменять на рынке на другие товары. Оторванные от общин кустари попадали в полную зависимость от двора. В подобном же положении находились строители, скульпторы и рудокопы, работавшие под надзором чиновников.

Девушки из покоренных племен в течение четырех лет обучались прядению, ткачеству, рукоделию, а затем до тридцати трех лет изготавливали ткани для инки и его воинов. На вдов также налагалась обязанность соткать определенное количество ткани.

Ко времени испанского вторжения в стране образовалась замкнутая каста ремесленников — профессию родителей наследовали дети.

Товарообмен и торговля в Перу развиты были очень слабо, а металлических денег не было вовсе. Уплатив подати и выделив определенную часть на общественные нужды, члены общины могли обменивать продукты и изделия. Три дня каждого месяца считались базарными днями. Никаких строго определенных цен не было, товары обменивались по личному соглашению. Наиболее оживленный товарообмен велся между жителями побережья и гор. Встречались они в определенных местах, обычно после сбора урожая. С гор приносили для обмена шерсть, мясо, кожи, золотые и серебряные изделия, с побережья — кукурузу, овощи, фрукты, хлопок и гуано. Вместо денег в различных районах использовались соль, перец, кожи, шерсть, руда и металлические изделия.

Торговля и товарообмен с другими странами, видимо, только начинали налаживаться. По некоторым сведениям, инка Тупак Юпанки однажды созвал своих воинов и отправился на плотях в далекое морское путешествие. Через несколько месяцев правитель вернулся и привез много золота. Он рассказывал об отдаленных островах, которых ему удалось достичь. Возможно, что перуанцы посетили Галапагосские острова, но не исключено также, что они добрались до Мексики или даже до островов Океании.

Некоторые факты свидетельствуют, что уже в давние времена существовала какая-то связь между Южной Америкой и Океанией, а также с Юго-Восточной Азией. Батат называется в Полинезии так же, как и на языке кечуа, — кумара, из чего можно заключить, что эта сельскохозяйственная культура была завезена туда с Анд. Духовое ружье для стрел и своеобразное узелковое письмо *кипу*, о чем еще будет речь впереди, известны как в Южной Америке, так и в Океании и в Юго-Восточной Азии. Есть много общего между архитектурными памятниками (главным образом, это относится к культовым скульптурным изображениям) острова Пасхи и тихоокеанского побережья Анд. Многие исследователи считают, что путешествия — в основном, случайные — как из Полинезии к берегам Перу, так и в обратном на-

правлении имели место еще до испанского завоевания Южной Америки.

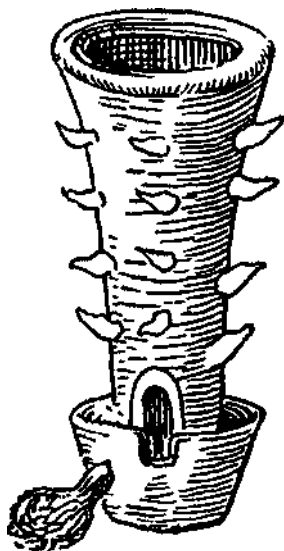
Возможно, что перуанцы по суше поддерживали связь с ацтеками, жителями Мексиканского плоскогорья, потому что на территории, разделявшей эти два больших индейских народа (районы Венесуэлы и Колумбии), обитали высокоразвитые индейские племена.

Перуанские индейцы были хорошими мастерами по обработке золота, серебра, меди, свинца и других металлов, но они, так же, как и ацтеки, не знали железа.

Руду добывали в шахтах, где работа велась только в теплые летние месяцы. Особенно важное значение имела добыча меди и олова, — сплавляя эти металлы, перуанцы получали бронзу. Они, очевидно, умели закалять бронзу до твердости стали, но секрет этого процесса не разгадан до наших дней.

Орудия труда делали из меди, бронзы или камня. Литейным способом изготовлялись топоры, серпы, ножи, ломы, наконечники боевых палиц, шары для болы (бола — вид лассо), щипцы, иголки, застежки, колокольчики. При литье меди и бронзы ремесленники пользовались глиняными формами, которые внутри покрывались слоем воска, а на воск наносился еще один слой глины. Через отверстие в верхней части формы в нее заливали расплавленный металл. Воск растапливался и вытекал через нижнее отверстие формы. Когда металл остывал, глиняную форму разбивали, а отливку подвергали специальной обработке. Лезвия ножей, топоров и серпов ковали и закаливали, чтобы они были тверже и прочнее.

Золото и серебро перуанцы считали священными металлами — даром богов Солнца и Луны или слезами Солнца — и высоко ценили их за то, что они были очень

Тигель для плавки металла

красивы, ярко блестели, не ржавели, легко плавилась и легко поддавались обработке.

Золото в большом количестве добывалось в долинах некоторых рек простой промывкой песка. Серебро выплавляли из руды в кузнечных печах. Из тонких золотых и серебряных пластин делали украшения, скульптуры, драгоценные сосуды и различные предметы религиозного культа для храмов. Высшим достижением ювелирного искусства был большой золотой диск в храме Солнца в Куско — вычеканенное из металла человеческое лицо в обрамлении солнечных лучей.

Золотом и серебром украшали не только храмы, но и дворцы инки. Испанский историк Франсиско Лопес так описывает роскошное убранство дворца правителя Уайна Капака:

«В его доме вся посуда — столовая и кухонная — была из золота и серебра, а самая простая — из сплава серебра и меди, ради прочности. В переднем помещении стояли полые золотые статуи, казавшиеся огромными, и все звери, птицы, деревья и травы, какие только существуют на свете, и все рыбы, которые обитают в море или в водах его королевства, сделанные из золота в натуральную величину. Были у него и канаты, сумки, сундуки и лохани из золота и серебра, груды золотых слитков... Наконец, у него были золотые изображения всех вещей, какие только можно встретить в его стране».

Историк добавляет, что инки повелели разбить на острове посреди озера Титикака невиданно роскошный сад, где все деревья, фрукты и цветы были отлиты из чистого золота и серебра. Кроме того, в Куско хранилось огромное количество необработанных драгоценных металлов.

Перу и в самом деле было страной золота, которую так долго искали конкистадоры, и Анды, что значит «медные горы», по праву можно было бы назвать золотыми. Завоевателям казалось, что золото и серебро здесь такие же обычные металлы, как железо и свинец в Европе, и к их удивлению в жизни перуанцев эти драгоценные металлы не играли особой роли: золото не было здесь платежным средством, никто не получал вознаграждения в золоте, золото никого не манило и не тревожило, в Перу оно не обладало дьявольской властью.

К величайшим мировым достижениям в области ткацкого искусства следует отнести изготовление тканей из хлопка и шерсти альпака. Перуайцы знали самые различные ткани — и удивительно тонкие, прозрачные; и гладкие, блестящие как шелк; и тяжелые, похожие на бархат; ткали они и ковры, подобные европейским гобеленам. Ткани были великолепных расцветок, их украшали вышивкой или яркими перьями тропических птиц.

Мужчины носили короткие одежды, женщины — широкое, длинное, похожее на рубашку платье определенного цвета, со знаками племенной принадлежности. Горцы носили теплые шерстяные плащи, хорошо защищавшие от мороза и ветра. Обувью у перуанцев служили грубые сандалии на толстой подошве.

Хотя индейцы и не знали гончарного круга, но умели делать отличную глиняную посуду, украшая ее цветным орнаментом. Часто сосуды делались в виде фигур человека или животных.

Страна инков не испытывала недостатка и в талантливых резчиках по дереву, скульпторах и художниках.

Перуанцы были искусными строителями. Великолепный храм Солнца в Куско считался самым замечательным строением Нового Света и в смысле отделки мог соперничать с самыми выдающимися архитектурными памятниками Европы. Столь же грандиозными и роскошными были дворцы правителей, возведенные в разных частях страны. Их внешний вид был весьма заурядным — прочные стены из плотно пригнанных каменных глыб, тростниковые или деревянные крыши. Зато внутренние помещения были отделаны чрезвычайно богато — золото, серебро, изображения животных и растений, драгоценные сосуды, покрывала и занавесы украшали стены; полы были покрыты звериными шкурами.

Во дворцах хранилось множество тканей, потому что каждую из своих одежд правитель надевал только один раз, после чего дарил ее одному из родственников. После смерти инки, когда он, как верили перуанцы, возвращался в обитель своего отца Солнца, его дворцы, со всеми их богатствами, уже не использовались, и каждый правитель строил для себя новые, заново украшая и отделывая их.

Больше всего правитель любил жить в Юкайской долине, неподалеку от Куско, в роскошном дворце возле

лечебных источников, среди тенистых садов. Здесь инка купался в золотом бассейне, в который по серебряным трубам поступала из источников горячая и холодная вода. Здесь тоже был сад с золотыми и серебряными плодами, цветами и животными.

По всей стране инков были возведены мощные крепости и сторожевые башни. Одной из самых грандиозных была Саксауаманская крепость под Куско. По тайному подземному водопроводу, из горного источника, о котором знал только военный совет инков, в крепость поступала прекрасная питьевая вода. В три ряда возвышались одна за другой на горном склоне стены, каждая высотой восемнадцать метров и длиной более полукилометра. Стены, разделенные пространством шириной в тридцать футов, имели три башни с многочисленными помещениями для солдат, оружейными и продовольственными складами. Башни соединялись между собой подземными ходами, образовавшими целый лабиринт со множеством помещений. Стены крепости были сложены из каменных блоков размером $8 \times 4,2 \times 3,6$ м, каждая такая глыба весила около 200 тонн.

Саксауаманскую крепость, которую двадцать тысяч человек строили в течение пятидесяти лет, историки с полным основанием сравнивали с такими величайшими памятниками древних цивилизаций, как египетские пирамиды и римский Колизей, а кое-кто из невежественных испанских миссионеров считал, что человеку вообще не под силу возводить такие строения и что тут приложил руку сам дьявол.

Действительно, может показаться невероятным, что столь грандиозные сооружения были построены людьми, не знавшими ни железа, ни стали, ни механизмов, ни взрывчатых веществ, людьми, у которых не было даже повозок и тягловых животных. И все же перуанцы вырубали в скалах известняковые, базальтовые, андезитовые и диоритовые глыбы и по горным тропам доставляли их за много километров к месту строительства.

Об одном огромном монолите, который называют «установленным камнем» (он не был доставлен в указанное место), известно, что его тащили с помощью толстых канатов более двадцати тысяч индейцев. За долгий путь

камень, как рассказывает легенда, так устал, что плакал кровавыми слезами, предчувствуя, что не удастся лечь ему в крепостную стену. На отвесном склоне часть рабочих поддерживала камень сзади. Те, кто тянул его, не сумели удержать огромную тяжесть, и камень скатился с горы, до половины зарывшись в землю, придавив при этом три или четыре тысячи индейцев.

Громадные каменные блоки обрабатывались с такой тщательностью и так плотно пригонялись один к другому, что, по свидетельству историков, между ними нельзя было просунуть даже лезвие ножа. А ведь строители не пользовались никакими связующими растворами.

Жилища простых людей строились по-разному, в зависимости от климатических условий: на засушливом побережье — из высушенных на солнце кирпичей; стены домов обмазывались глиной; в горных областях — из грубых, неотесанных камней, скрепленных глиняным раствором. Все здания имели легкие соломенные или тростниковые крыши. На побережье их делали плоскими, в горах, где часто шли дожди, — отвесными, двускатными. Печей в домах не было, и дым из очага выходил через отверстие в крыше. Окон тоже не было, а дверной проем занавешивался рогожей. Несколько домов, с одним помещением в каждом, строились вокруг общего двора.

Вокруг больших поселений и городов возводили несколько рядов стен с запирающимися воротами.

Однако самым величайшим достижением перуанцев в строительном деле были великолепные дороги, более совершенные, чем в те времена в Европе. Дороги страны инков можно сравнить только со знаменитыми магистралями древней Римской империи. Через все государство Перу с севера на юг — на расстоянии от 2400 до 3200 километров — были проложены две грандиозные дороги: одна — вдоль океанского побережья, другая — через высокие и труднопроходимые горные хребты Анд. От главных магистралей ответвлялось множество меньших дорог и троп, связывавших столицу с самыми отдаленными областями страны. Через Анды были проложены дороги на запад — к океану, и на восток — до Тукумана в теперешней Аргентине, а оттуда — в Чили.

Из Куско в Кито вела выложенная четырехугольными плитами дорога шириной до четырех с половиной метров, частично обсаженная фруктовыми деревьями. Во многих местах строителям пришлось засыпать пропасти, стесывать скалы, пробивать туннели. В болотах дорога шла по высокой насыпи, среди песков пустыни ее проезжую часть обозначали два ряда каменных столбов. На крутых склонах перуанцы высекали ступени. Так как повозок в Перу не было и грузы либо перевозили на выючных животных — ламах, либо их доставляли носильщики, то ступени не создавали никаких неудобств, а для испанских всадников они оказывались серьезным препятствием.

Завоеватели, вторгшись в страну детей Солнца, волею неволей должны были признать, что в строительном искусстве инки достигли высокого мастерства. Так, например, испанский историк Сиеса де Леон рассказывает:

«Я думаю, что с начала писаной истории человечества еще не приходилось слышать о столь великолепной дороге, какой была эта, проходившая по низким равнинам и высоким горам, через снежные вершины и водопады, по утесам и берегам стремительных рек. Всюду в подобных местах эта дорога была гладкой и мошеной: в горах устроены ровные террасы; скалы прорублены; откосы вдоль речных берегов укреплены стенами; на снежных вершинах сделаны ступени и площадки; дорога везде чисто подметена и очищена от камней; всюду построены станции и склады, и храмы бога Солнца... Дороги, построенные в Испании римлянами, не идут ни в какое сравнение с этой дорогой».

Даже всемогущий король Испании Карл V не мог построить ничего подобного. Великолепными дорогами инков восхищались как конкистадоры, утверждая, что таких нет во всем христианском мире, так и путешественники и географы, побывавшие там впоследствии. Выдающийся немецкий географ Александр Гумбольдт писал: «Прекрасные римские дороги, виденные мною в Италии, Южной Франции и Испании, производили не большее впечатление, чем эта работа древних перуанцев».

Однако перуанцы не умели возводить арки, поэтому они не могли перекинуть через реки каменные мосты,

37
NO
GOVERNADOR DE LOS PVENTES DE ESTER.
CHACAS VIOICACOSTINGA
GVAMBOCHLACA

Подвесной мост. На переднем плане — смотритель моста (из хроники Помы де Айялы)

не строили они и деревянных мостов, подобных европейским, так как не умели выделывать гвозди. Через узкие речки и пропасти перебрасывали они стволы деревьев и покрывали их настилом. Над более широкими реками и

ущельями строили подвесные мосты. На каждом берегу в качестве мостовых опор устанавливали по два каменных столба. К этим столбам прикрепляли пять толстых канатов диаметром около сорока сантиметров, сплетенных из гибких прутьев или лиан. Три каната служили непосредственно самим мостом, а два верхних — перилами. Нижние канаты скреплялись гибкими прутьями и покрывались настилом из досок. С настилом были соединены и верхние канаты. К нижней части моста на веревках подвешивались большие камни, чтобы удерживать в равновесии все это шаткое сооружение. И все же мост прогибался и сильно раскачивался, когда по нему проходили люди и вели за собой увешанных выюками животных.

Через реки переправлялись также и на плотах, сделанных из стволов легких древесных пород; либо из больших, связанных между собой охапок тростника устраивали нечто вроде лодки, и перевозчик, сидя на корме, управлял ею с помощью рук и ног. В некоторых местах людей переправляли через реку в больших камышовых корзинах, которые подвешивались к канату, и так по воздуху они попадали с одного берега на другой.

Перуанцы не знали кораблей, но ходили в море — на больших плотах, названных испанцами бальсовыми. Строили их из очень легких деревьев, росших на севере Перу, связывая вместе пять, семь или девять бревен. Носовая часть плота была заостренной, так как в середину укладывалось самое длинное бревно, по обе стороны от него укладывались бревна одно короче другого, на корме же все бревна были одинаковой длины. Плот укрепляли двумя поперечными брусами. Бревна связывали между собой лианами или веревками из волокон агавы. В носовой части плота ставили мачту с парусом из хлопчатобумажной ткани или из тех же волокон агавы. На корме укреплялось рулевое весло, а двигался плот силой ветра и течений либо с помощью весел. Поднимал такой плот до пятидесяти человек, и на нем можно было перевозить большие грузы.

Там, где не было лесов, как, например, на озере Тикикака, плоты и лодки делались из тростника и также оснащались парусом.

Дороги и мосты ежегодно заботливо ремонтировались, за их состоянием следили специальные чиновники, а охраняли сторожевые посты. Вдоль всех основных дорог на расстоянии нескольких километров одна от другой были устроены почтовые станции, где находились особые курьеры — скороходы — *часки*, уже с детства тренировавшиеся для этой службы. Они доставляли от станции к станции срочные донесения и приказы, которые им нужно было дословно запомнить и передать следующему курьеру. Переносили они и небольшие грузы — свежие фрукты, рыбу, черепах и другие дели-
---есы к столу инки и его приближенных.

Через каждые 20—25 километров на дорогах были расположены гостиницы — *тамбо*, дававшие приют путешественникам.

Великолепная сеть дорог и система связи давали возможность своевременно доставлять приказы инки, быстро перебрасывать войска на большие расстояния и развивать меновую торговлю. По некоторым сведениям, перуанцы пользовались и дымовой сигнализацией, передавая сообщения на расстояние в три тысячи километров за четыре часа.

Согласно древнему обычаю, правитель время от времени объезжал всю страну, чтобы показаться народу. В этом путешествии, обставленном с большой роскошью, его сопровождала огромная свита. Знатных людей на украшенных золотом и смарагдами носилках несли двадцать пять специально подобранных носильщиков. Идти они должны были весьма осторожно — стоило им споткнуться или, хуже того, уронить носилки с сапа инкой, как тут же следовало тяжкое наказание, по некоторым сведениям, вплоть до смертной казни.

Всю эту многочисленную свиту нужно было обеспечивать жильем и припасами даже высоко в горах, где не было ни жителей, ни обработанных полей, где не паслись даже ламы. Поэтому и здесь строились пристанища и устраивались склады, куда из плодородных долин свозилось хорошо высушенное зерно. Нередко там же воздвигались крепости, гарнизон которых эти склады охранял. Здесь могли отдохнуть и войска, отправлявшиеся в далекий поход.

РЕЛИГИЯ И НАУКА

Пережитки тотемизма. — Культ мертвых. — Боги солнца и земли. — Мифы. — Богатые храмы. — Кориканча — «золотая обитель». — Жрецы и монахи. — Праздники. — Жертвоприношения. — Монастыри дев Солнца. — Брак и семья. — Воспитание знатных. — Кипу — узелковое письмо. — Астрономия. — Лечение болезней. — Мудрецы и поэты — хранители истории

Религия играла важную роль в стране инков. Каждое племя придерживалось своих верований. Многие племена поклонялись различным священным животным (тотемам) — пуме, кондору, соколу, обезьяне, а также растениям, имевшим особое значение в жизни перуанцев, — к ним прежде всего относились картофель и кукуруза. Эти пережитки тотемизма получили отражение и в керамике (сосуды делались в виде корнеплодов и кукурузных початков или в форме существ с человеческим телом и звериной головой), и в фольклоре, и в ритуальных танцах.

К древним верованиям принадлежал и культ *уака* (уака — то, от чего произошел человек), тесно связанный с культом предков. Пещеры, горы, скалы, реки, озера, родники, каменные осыпи, скульптуры считались уака, священными местами, о которых складывались легенды.

С культом предков был связан и обычай мумифицировать мертвых. Тела умерших превращались в мумии под воздействием прохладного, чрезвычайно сухого и разреженного горного воздуха, хотя некоторые историки упоминают и о различных смолах, употреблявшихся при бальзамировании. Мумии в богатых одеждах, с украшениями, предметами домашнего обихода, орудиями труда и запасом продуктов замуровывали в гробницы, которые часто высекались в скалах.

В культе мертвых особенно ярко проявлялись классовые различия. Мумии умерших правителей сохранялись с особой заботой; одетыми в золотые одежды, их сажали на золотой трон в храме Солнца в Куско. Жрецы несли мумии на торжественных процессиях во время больших праздников, а также брали их в военные походы, так как

Инка поклоняется уаке (из хроники Пумы де Айялы)

считалось, что умершие правители наделены сверхъестественной силой.

Согласно верованиям перуанцев, умершие и после смерти продолжали заниматься своим делом, поэтому вместе с телом инки в гробницу клали и драгоценности. В могилу за ним следовали его многочисленные жены и слуги, чтобы присоединиться к своему правителю в загробном мире и служить ему там.

Похороны инки обставлялись очень торжественно. В течение первого месяца вся страна скорбела об усопшем

и оплакивала его ежедневно, потом его память отмечалась через каждые четырнадцать дней, когда сменялись фазы луны, и, наконец, последняя траурная церемония происходила через год, когда особые плакальщики и певцы под громкие стенания еще раз прославляли дела и добродетели умершего владыки.

Все племена Перу поклонялись силам природы, но самым важным был культ Солнца. В период расцвета государства инков это небесное светило почиталось в качестве могучего бога — Инти, считавшегося предком и защитником правящей династии. Солнце управляло судьбами людей, давало свет, тепло и жизнь всему, что обитало, росло и зеленело в этом мире. В храмах Солнца, имевшихся в каждом городе и почти в каждом селении, этому божеству приносили в жертву плоды и животных. Властитель страны считался земным воплощением бога Солнца и поэтому обладал неограниченной властью. Само Солнце обитало на земле, а не на небесах.

С развитием земледелия и скотоводства появился культ Матери земли — Пачамамы (на языке кечуа пача — земля, мама — мать). Ей поклонялись как богине природы, от которой зависят благосостояние народа, урожай на полях и стада лам в горах. Столь же важным предметом поклонения была кукуруза — Сарамама и картофель — Азомама, а также Луна — Кильямама, сестра и жена Солнца, звезды, планета Венера, спутница Солнца, сопровождавшая светило на закате и восходе, которую перуанцы называли Чаской (что значит: кудрявый, курчавый) и представляли себе в виде юноши с длинными курчавыми волосами. Поклонялись они и Матери моря — Кочамаме, воздвигали храмы радуге, этому чудесному отблеску Солнца, а также грому и молнии.

Молния и гром считались не богами, а грозными служителями Солнца. Они внушали перуанцам ужас. Если молния ударяла в дом, никто уже не решался входить туда, и дверь замуровывали; поле, в которое попала молния, обносили забором, чтобы никто уже не прикасался к этой земле. К низшим божествам перуанцы причисляли также дождь, ветер, воздух, большие реки и горы, различным образом воздействовавшие на человеческую жизнь.

Подобно многим другим индейским племенам, перуанцы верили и в некое высшее существо, творца и владыку Вселенной, которому они поклонялись и называли его Пачакамака («творец мира, тот, кто дает жизнь всему миру и поддерживает ее»), либо Виракоча, либо Кон Тикси Виракоча. В честь этого божества не строили никаких святилищ. Существовал один-единственный храм Пачакамака в долине реки Лурин, построенный задолго до прихода инков в эту область. Сюда стекались паломники со всех сторон огромного государства. Ско-

Похороны инки (из хроники Помы де Айялы)

рее всего, инки, завоевав этой край, включили Пачакамаку в число своих богов, и чужеземный бог получил новое имя — уже на языке кечуа (пача — земля, камак — править, охранять).

Мифы повествуют, что бог Виракоча сотворил мир, словно искры высек из камня людей — это было возле озера Титикака, — вдохнул в них жизнь и отправился за море, оставив в этой стране своего сына Пачакамаку. Во многих мифах говорилось, что у Виракочи была белая кожа и длинная, черная борода. В священных гимнах жрецов говорилось, что Виракоча сотворил не только землю, но и Солнце и Луну. Они вышли из вод озера Титикака и с того времени кружат в небе. По воле Виракочи, Солнце, подобно вычному животному, идет своим неизменным путем.

Впоследствии Виракоча наказал людей всемирным потопом, но погибли не все люди — одна пара спаслась в ковчеге. В другой легенде говорилось, что после потопа Виракоча создал новых людей — из глины.

Все эти мифы имели определенную цель — доказать, что правящая в Перу династия инков ведет свое происхождение от богов. Легендарные предки инков Манко Капак и Мама Ойльо происходят либо от Виракочи, либо от Солнца и Луны, и они дали жизнь брату Инке (правителю, государю) и его сестре Койе (правительнице, государыне). Государственной религией Перу стал инкский культ — поклонение детям Солнца.

Инки проявляли особую заботу о храмах Солнца и не жалели на это средств. Древнейший из храмов Солнца находился на острове посреди озера Титикака. Инки особо почитали это священное место, где якобы впервые появились их предки. Даже кукурузное поле неподалеку от храма считалось священным, и по одному початку с его урожая отправляли на зерновые склады страны, веря, что это всем принесет счастье и благодать.

Самый знаменитый храм Перу, настоящее чудо и гордость столицы, находился в Куско. Этот пышно украшенный храм Солнца назывался Кориканча — «золотая обитель». Он состоял из главного здания, нескольких приделов и ряда небольших святилищ и был окружен высокой стеной. Стена имела золотой карниз в локоть шириной. Храм Солнца был так великолепен, что некий испанец утверждал: в Кастилии существуют только два

дворца — в Кордове и Толедо, построенные столь же умело.

В большом «золотом» зале храма, стены которого были выложены золотыми пластинами, находились изображения трех богов — Виракоча в центре, Солнце и Луна справа и слева от него. Изображение бога Солнца — золотой диск с вычеканенным на нем мужским лицом в обрамлении лучей — помещалось на западной стене. Каждое утро восходящее солнце через большие, украшенные золотом восточные ворота храма бросало свои лучи на это изображение. Они отражались в многочисленных золотых предметах и драгоценных камнях, украшавших стены и потолок, от золотых пластин и колонн. Весь храм был залит таинственным блеском — так много там было золота, «слез Солнца», как называли этот благородный металл перуанцы.

Изображение Луны представляло собой большую овальную золотую пластину, на которой тоже было выгравировано человеческое лицо. Виракоча, по сведениям некоторых историков, представлял собою золотую статую человека ростом с десятилетнего ребенка.

К главному залу примыкало еще несколько помещений, где находились изображения сестер Солнца — звезд, а также изображения грома, молнии, радуги и других божеств.

В главном зале в золотых креслах сидели мумии умерших властителей, и там же стоял великолепный золотой трон, на котором во время религиозных церемоний восседал живой сапа инка.

В храме Солнца били пять фонтанов. По золотым трубам вода поступала в каменные, золотые и серебряные бассейны, где обмывали жертвенных животных и плоды.

Все многочисленные сосуды и другие предметы, используемые во время религиозных церемоний, делались из золота и серебра. В помещении, предварявшем главный зал, по данным некоторых историков, стояло двенадцать огромных серебряных сосудов, наполненных зерном кукурузы. Каждый сосуд был высотой с копые, и его с трудом могли обхватить два человека.

К храму примыкал «золотой сад», посвященный богу Солнца, где находились отлитые или выкованные из

золота деревья, кусты, цветы, а также ламы, птицы, пресмыкающиеся и статуи людей.

Возможно, что в этих оставленных историками описаниях есть много преувеличений, но не подлежит сомнению и тот факт, что в храмы стекались огромные богатства, что в их строительстве и украшении принимало участие большое число архитекторов, ювелиров, скульпторов и других мастеров.

В каждый праздник богу Солнца жертвовали очень много золота и серебра, и золотых дел мастера работали круглый год, украшая храм новыми изделиями и изготавливая различные сосуды, вазы и жаровни.

Все эти прекрасные произведения искусства были впоследствии разграблены и уничтожены — Их разбили или переплавили ненасытные конкистадоры. Часть сокровищ была спрятана самими перуанцами, которые зарывали их либо бросали в озера и реки, чтобы они не попали в руки грабителей. Завоеватели разрушили и опустошили и сами храмы, используя камень для строительства христианских церквей.

В столице Перу и ее окрестностях находилось и много других — примерно триста или даже четыреста — меньших по размерам храмов и мест поклонения, потому что Куско был не только местопребыванием инки, но и священным городом, куда отовсюду стекались паломники. Перуанцы считали, что этот город полюбило Солнце, и великому светилу здесь поклонялись с особым благоговением, каждый родник, каждая улица и даже каждая стена почитались здесь как священные.

И во всей стране было множество храмов — часто столь богатых, что они могли соперничать со святилищем Куско. В храмах жила огромная армия жрецов, высших и низших, которые никаким производительным трудом не занимались. Всей этой иерархией руководил верховный жрец *вильяк уму*, который по оказываемым ему почестям считался вторым, после инки, лицом в государстве. Верховным жрецом, обычно пожизненно, становился брат или другой ближайший родственник инки. Вильяк уму, в свою очередь, назначал высших жрецов в провинциях — тоже из числа знати. Были в стране и монахи — отшельники, иногда объединявшиеся в братства.

Жрецы не занимались науками, не были проповедни-

нами и пастырями своей паствы, не носили особых одежд и не имели никаких отличительных примет. Жили они очень просто и часто постились. Жрецы должны были обслуживать храмы, руководить религиозными церемониями и жертвоприношениями, выслушивать исповеди и предсказывать будущее по внутренностям жертвенных животных и по полету птиц. В Куско в большом храме Кориканчи было четыре тысячи жрецов.

Жрецы ведали постами, праздниками и разными сложными ритуалами. В каждом месяце был один или несколько особых праздничных дней. Самые пышные торжества — праздник Райми — происходили во время летнего солнцестояния. На них в Куско приезжала знать со всей страны. В течение трех дней накануне праздника люди постились и не зажигали огня в своем очаге. Утром в день праздника сапа инка, знатные люди и простой народ собирались на большой площади столицы. Громким ликованием, песнями и музыкой они приветствовали восходящее светило. Инка приносил в жертву великому божеству чичу, сам выпивал глоток этого пьянящего напитка и оделял им вельмож. Затем все собравшиеся, одетые в яркие нарядные одежды, направлялись в храм Кориканчи, где совершалось торжественное жертвоприношение. В Перу в жертву богам обычно приносили животных, преимущественно лам, кроликов и морских свинок, а также чичу, зерно, листья коки, ароматические смолы и ткани. Все это сжигалось на алтаре под пение гимнов в честь бога Солнца.

Многие испанские историки, как это часто бывает, оправдывая зверства конкистадоров, пытались изобразить завоеванные народы, в том числе и перуанцев, как невежественных, кровожадных дикарей, людоедов. Так, например, историк Херес писал, что перуанские жертвоприношения мерзки и отвратительны: «Эти люди каждый месяц приносят в жертву своих близких и детей, мажут их кровью лица идолов и двери капищ и окропляют ею могилы усопших. Обреченные на жертву добровольно расстаются с жизнью, смеются, танцуют и поют и даже требуют после того, как сильно напьются, чтобы им отрубили голову. Кроме того, в жертву приносят овец».

Однако в стране инков человеческие жертвоприношения совершались только при чрезвычайных обстоятель-

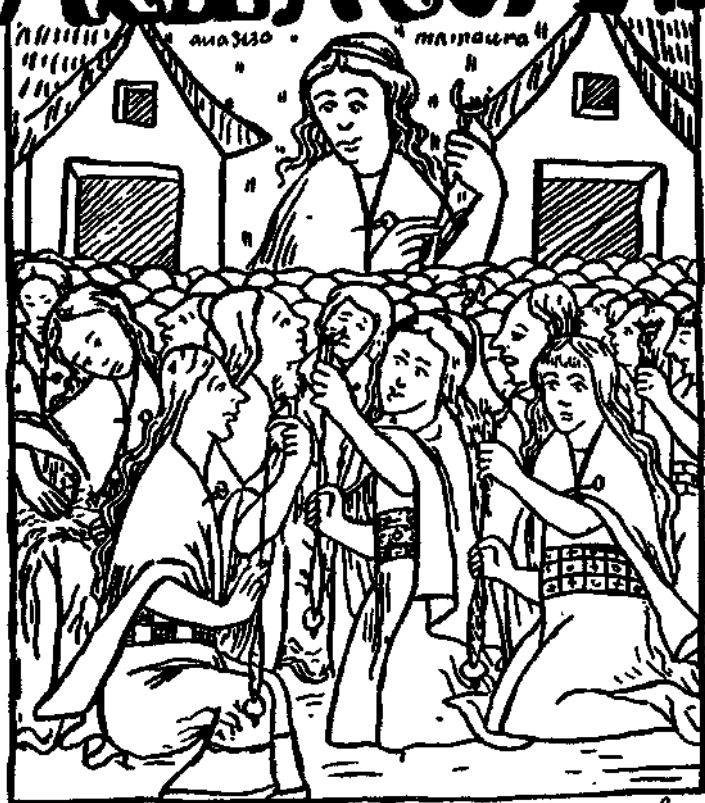
ствах — на празднике в честь коронавания нового инки, в случае стихийных бедствий — землетрясения, засухи, наводнения, эпидемии — и во время войны, когда сам инка отправлялся на поле сражения. В этих случаях на алтаре бога Солнца убивали пленников или детей, которых брали из покоренных племен. Человеческими жертвоприношениями инки, очевидно, старались внушить ужас своим подданным и укрепить свою деспотическую власть.

На празднике Солнца — Райми — зажигался священный огонь. С помощью вогнутого металлического зеркала пучок солнечных лучей воспламенял сухой хлопок. Если было пасмурно и сверкающий лик бога Солнца, предвещающий несчастье, скрывался за тучами, огонь добывали трением. Поддерживали священный огонь, так же как в древнем Риме, девы Солнца, они заботливо хранили его в течение всего года, чтобы он случайно не погас — подобное несчастье считалось недобрый предзнаменованием, предвещавшим беду для всей страны.

После церемонии зажигания огня на алтаре сжигали жертвенную ламу. Кроме того, убивали очень много животных из стада, предназначенного Солнцу; и в этот день свежим мясом угощались не только правитель и знать, но и простой народ. Празднества продолжались несколько дней и сопровождалась угощениями, песнями, танцами и музыкой. Подобные торжества позволяли народным массам хотя бы на короткое время забыть о своей тяжелой жизни.

Испанцы, наблюдая, как во время праздников перуанцы пьют опьяняющий напиток и едят особым образом испеченный хлеб, исповедуются жрецам и получают отпущение грехов, как жрецы совершают над детьми обряд крещения, окропляя им голову святой водой, как поклоняясь богам, перуанцы опускаются на колени и осеняют себя чем-то вроде крестного знамения, решили, что эти обряды очень похожи на христианские — крещение, исповедь и причастие. Сам дьявол, прикрываясь священнейшими установлениями христианской религии, обманывает этих язычников и губит их души. Другие, наоборот, считали, что сюда в незапамятные времена, еще до Колумба, приплыли проповедники христианской веры, возможно даже, один из апостолов, и посеяли семена благого учения.

PRIMER CAPITULO DE LAS MOJAS ACILLA COLIAS

Девы Солнца, работающие под присмотром мамаконьы
(из хроники Помы де Айялы)

Весьма похожими на католические были и те монастыри, в которых жили девы Солнца, уже в раннем детстве покинувшие семью и давшие обет целомудрия. За ними надзирали пожилые женщины *мамаконы*, успешные поседеть за монастырскими стенами. Девы Солнца хранили священный огонь, зажженный на празднике Райми, а также пряли, ткали и занимались вышиванием. После ухода в монастырь девушки были полностью отрезаны от внешнего мира и не встречались уже ни с родственниками, ни с друзьями. Никто, за исключением сапа инки и правительницы койи, не смел входить в священные покои и взирать на дев Солнца.

Если же какая-нибудь из них, несмотря на бдительный надзор и высокую монастырскую ограду, все-таки встречалась с мужчиной, виновную живой зарывали в землю, ее возлюбленного приговаривали к повешению, а селение, в котором он жил, разрушали до основания. Правда, Гарсиласо пишет, что не было случая, когда приходилось бы прибегать к столь ужасному наказанию, другие же, напротив, утверждали, что девы Солнца не так уж строго соблюдали обет целомудрия.

Помещения монастырей были очень удобными и столь же роскошными, как храмы и дворцы инки. В большой обители дев Солнца в Куско жило более полутора тысяч девушек, взятых исключительно из знатных семей, родичей инки. В провинциях дев Солнца выбирали из среды курака и менее знатных семей, а иногда и из простонародья, если девушка была очень красивой.

К этому следует добавить, что все обитательницы монастырей считались невестами правителя. Инка выбирал себе в жены самых красивых девушек, причем они исчислялись не только сотнями, но и тысячами. Эти избранные жили во дворцах инки, разбросанных по всей стране. От дев Солнца у правителя рождались сотни детей, в жилах которых текла кровь инки; все они были законными детьми и причислялись к знати. Однако трон мог наследовать только старший сын, родившийся от единственной законной жены, которая должна была быть сестрой инки, то есть дочерью его отца или матери, так как в государстве Перу очень заботились о чистоте происхождения своих властителей.

Если инке надоедала какая-нибудь из его жен, то ее

LA PRIMERA HISTORIA DE LAS REINAS MAMAVACOLA

Коя, жена и сестра инки (из хроники Пумы де Айялы)

отправляли не обратно в монастырь, а к родителям, где она жила в большом почете и уважении.

Знати также разрешалось многоженство, но простым людям закон разрешал иметь только одну жену. В определенный день года всю молодежь, достигшую брачного возраста (юношей двадцати четырех, девушек восемнадцати или двадцати лет), собирали на главной площади селения или города. На брачной церемонии своих ближайших родственников присутствовал сам инка, соединяя руки новобрачных и объявляя их мужем и женой. Такой же обряд совершали по всей стране начальники поселков и городов. Никто не смел выбрать жену вне общины. Браки не заключались без согласия родителей, но желание жениха или невесты редко принималось во внимание. Правда, по некоторым сведениям, молодой человек, преподнесший чиновнику богатый подарок, мог взять в жены именно ту девушку, которая ему нравилась.

Таким образом, государство регулировало заключение браков и оставляло своим подданным только ограниченную свободу выбора. Община выделяла молодоженам жилище и земельный участок. Вслед за весьма несложной брачной церемонией по всей стране начинался общий свадебный пир, продолжавшийся несколько дней.

Особые надсмотрщики проверяли, содержат ли муж и жена в порядке свой дом, учат ли детей, следят ли за чистотой своего жилища, одежды и посуды.

Инка Тупак Юпанки, один из самых прославленных властителей Перу, неоднократно говорил, что знания не предназначены для народа, а лишь для знати, для инков. Представители низших слоев, овладев науками, станут заносчивыми и высокомерными. Они не смеют также вмешиваться в государственные дела и занимать высокие посты, чтобы не причинить зла стране.

Напротив, люди благородного происхождения создавали школы для своих сыновей, где те в течение четырех лет учились под руководством *амаут* («мудрых мужей»). Амауты — хранители легенд и знаний — представляли особую, обособленную от жрецов группу. Сам сапа инка и другие вельможи помогали учителям, обучая собственных детей и детей своих родственников. В первый год мальчики учили язык кечуа, потому что и

вожди покоренных племен, курака, посылали в школу своих детей.

Ученики из знатных семей вместе с престолонаследником — будущим властелином — изучали законы и искусство управления, так как многие из них занимали впоследствии высокие должности. Знакомились ученики и с религиозными обрядами. Амауты рассказывали им о прошлом, о героических деяниях предков и учили подражать им. Учащиеся упражнялись также в ораторском искусстве, а на третьем или четвертом году обучения овладевали секретом *кипу* («узелкового письма»).

Ученики, достигшие пятнадцати-шестнадцатилетнего возраста, должны были пройти строгое испытание — показать ловкость и выносливость, необходимые воину, умение драться на кулаках и применять оружие, бегать на большие расстояния, спать на голой земле, обходиться минимумом пищи и одежды.

В период испытания юноши должны были поститься в течение шести дней. В это время они получали только юрсть кукурузных зерен и кружку воды в день. Тем самым они должны были доказать, что могут выдержать голод и жажду.

Хотя в учебных боях применялось тупое оружие, все же случалось, что кое-кто бывал серьезно ранен, а иногда и убит, так яростно сражались юные воины. Лишь после того, как молодые люди выдерживали эту трудную проверку, продолжавшуюся целый месяц, их считали мужчинами и прокалывали им в ушах отверстия, чтобы можно было потом носить большие золотые серьги в форме дисков, оттягивающих мочки ушей до самых плеч. Это был отличительный знак людей благородного происхождения.

Нелегко было овладеть тайнами узелкового письма — кипу (что значит узел). На шнуре длиной в два фута, сплетенном из разноцветных шерстяных или хлопчатобумажных нитей, висели более тонкие, цветные нити. На этих нитях завязывали узелки, означавшие различные числа и понятия. Одна связка шнуров весила до пятидесяти килограммов. Цвет нитей, длина и толщина их, сочетание цветов, расположение узелков — все имело свое условное значение. Цвет обозначал различные конкретные предметы, например, белый — серебро, желтый — золото, зеленый — кукурузу, коричневый — кар-

CŌTADOR·MAIOR·TEZORERO
CAVANTI·SVIO·QVTPOC
CYRACA·COM·DOR·CHAVA

com h.30v y.40v

com h.30v

Купу камайок. В левом нижнем углу — счетная табличка
(из хроники Помы де Айялы)

тофель, красный — количество воинов. Иногда эти же цвета означали и более абстрактные понятия: белый — мир, красный — войну, черный — время (число прошедших ночей).

Однако кипу использовали, главным образом, для подсчетов и записи цифр. Цифры воспроизводились узлами, которые можно было завязывать так, чтобы изобразить любое число.

Испанцы удивлялись, как быстро могут перуанцы произвести сложные подсчеты с помощью кипу и как много явлений можно обозначать посредством этого письма. И все-таки эти шнуры, даже по сравнению с очень примитивными иероглифами, были весьма несовершенным средством записи и годились лишь для того, чтобы дополнять устные сообщения.

Во всех округах и городах жили особые чиновники — *кипу камайоки* («хранители кипу», «счетоводы»), в задачу которых входило вязать узлы на шнурах и объяснять их значение. С помощью кипу чиновники составляли различные отчеты, например, учитывали доходы, сырье, выданное рабочим, запасы, хранившиеся на складах инки, взимаемые налоги. Таким же образом записывали количество новорожденных, умерших, число заключенных браков, число молодых людей, способных носить оружие, и так далее.

Итак, кипу использовали, главным образом, для учета различных статистических данных и календарных дат, а иногда и для того, чтобы зафиксировать какое-нибудь значительное событие. Однако кипу нельзя было расшифровать без устных пояснений, дававшихся теми, кто доставлял это письмо, это было вспомогательное средство связи и у него не было ничего общего с письменностью.

Древние перуанцы не оставили никаких письменных памятников, поэтому до сих пор считалось, что народы Анд своей письменности не имели. Однако есть некоторые данные, позволяющие считать, что у инков было тайное пиктографическое письмо и они записывали на полотне свои предания и сообщения об исторических событиях. Доступ к этим полотнам, вставленным в золотые рамы, имел только сам правитель и некоторые историки, хранители этих хроник. Полотна эти были унич-

тожены испанцами после того, как они сорвали с «картин» золотые рамы.

Для счета перуанцы пользовались также дощечками (абака), разделенными на квадраты и отделения, в которые клали единицы счета — круглые камушки. В счете пользовались десятичной системой.

Время в стране инков определяли по солнцу, а в быту использовали такую единицу отсчета, продолжительность которой равнялась времени, необходимому, чтобы сварить картофель (примерно один час).

Перуанская астрономия была связана с религией. Существовал календарь, созданный на основе наблюдений за небесными светилами. Перуанцы имели представление о солнечном (длина года — 365 дней и 6 часов) и лунном годах (354 дня). Год они делили на двенадцать месяцев. Он имел собственное название и особый праздничный день. Месяцы перуанцы делили на недели, но неизвестно, состояли они из семи, девяти или десяти дней.

Так как лунный год отставал от истинного времени, перуанцы исправляли календарь в соответствии с наблюдениями за Солнцем. Для этого на холмах, расположенных к востоку и западу от Куско, были установлены четыре высокие колонны, чтобы по отбрасываемой ими тени определять солнцестояние. Кроме того, наблюдения велись и в самом Куско. В большом храме Солнца был сделан круг, в центре которого находился столб. Круг был пересечен линией с востока на запад. По этим солнечным часам определяли как солнцестояние, так и весенние и осенние равноденствия. В соответствии с положением солнца перуанцы справляли религиозные церемонии и устанавливали сроки сельскохозяйственных работ. Во время летнего солнцестояния, когда вблизи от экватора солнечные лучи падали совсем отвесно и не было никакой тени, устраивалось большое празднество. Перуанцы говорили, что в это время бог Солнца во всем своем блеске восседает на колонне храма в Куско. На колонны Солнца, воздвигнутые на холмах, возлагали венки из цветов и в жертву великому божеству приносили цветы и плоды. Зимнее солнцестояние праздновалось как начало нового года.

Перуанцам были известны некоторые созвездия, и они проводили наблюдения за Венерой, однако их познания

в астрономии были значительно слабее, чем у ацтеков и майя. Об этом свидетельствует поведение перуанцев во время солнечных и лунных затмений. Не зная причины подобных явлений, они считали, будто затмение происходит от того, что люди провинились в чем-то и великое светило разгневалось на них. Теперь следует ожидать всяческих бед. Так же относились они и к лунному затмению, думая, что луна тяжело заболела; готовится к смерти и скоро упадет с неба, а в результате погибнет весь мир. Когда начиналось затмение, люди горестно причитали, били в барабаны, дети рыдали и громким голосом зывали к Луне, чтобы она не умирала. В это время секли собак, надеясь, что своим воем те вернут к жизни потерявшую сознание луну, так как считалось, что это светило очень любит собак.

Появление кометы, по народным поверьям, предвещало смерть правителя либо гибель государства. Когда по вечерам заходящее солнце опускалось в море, то перуанцы говорили, что великое светило хочет освежиться, чтобы потом, как хороший пловец, нырнуть в глубины земли и утром появиться на востоке бодрым и отдохнувшим.

Перуанцы умели лечить различные болезни, среди них были очень опытные хирурги, чьи знания в области анатомии человека, а также в зубоврачебном искусстве были значительно выше, чем у европейских врачей того времени. Перуанские лекари делали даже трепанацию черепа, использовали обезболивающие и слабительные средства, умели выгонять кишечных паразитов и пускать кровь. Простонародью медицинскую помощь оказывали, главным образом, знахари — старики, уже не способные к другой работе. При лечении пользовались различными растениями, в том числе табаком.

Мудрецы — амауты — заботились о том, чтобы в народной памяти сохранились предания и легенды о подвигах прошлых лет. Исторические события изображали в своих произведениях и поэты — *аравеси*. Их песни исполнялись во время больших народных празднеств и на пирах у сапа инки. Спустя много лет после испанского вторжения бережно хранились фрагменты гимнов, сложенных в честь богов, мифические предания и исторические поэмы, повествовавшие о войнах с другими племенами и подвигах героев. Испанские историки записали

лирические песни и романсы инков, они же упоминают о комедиях и драмах.

Горсточка конкистадоров — безжалостных, жадных завоевателей, приплывших к берегам огромной, могучей державы детей Солнца — ничего не знала об этом. Легендарная, таинственная страна — Перу или Пиру, Эльдорадо — сулила завоевателям несметные богатства. Они и не собирались знакомиться с культурой, обычаями, религией этой страны. Они пришли, чтобы захватить ее богатства, отнять у народа его золото и серебро, землю и свободу.

С мечом и
кресом в Ангах

ХИЩНИК ПОДКРАДЫВАЕТСЯ К ДОБЫЧЕ

Обманутый Альмагро. — Гибель и смерть надвигаются на Перу. — Первая крупная добыча. — Тяжелый поход вдоль океанского побережья. — Конкистадоры на острове Пуна

Когда Франсиско Писарро после своей поездки в Испанию появился в Панаме, компаньоны сразу же приступили к расспросам, стараясь поскорее узнать, какие новости привез тот из-за океана. К сожалению, далеко не все их обрадовало. Особенно обойденным чувствовал себя Альмагро, узнав, какое вознаграждение обещал ему король. «Так вот как ты обманываешь друга, который приложил столько же усилий, как и ты сам, чтобы преодолеть все препятствия, который смотрел в глаза опасностям и покрывал расходы экспедиции! — в гневе кричал он. — И это все вопреки твоим торжественным клятвам позаботиться о моих привилегиях как о своих собственных! Как мог ты столь ничтожным вознаграждением опозорить меня в глазах всего мира и так презреть мои заслуги?»

Альмагро смекнул, что Франсиско Писарро, собрав своих братьев, захватит львиную долю добычи, что он уже сейчас обеспечил себе все высшие должности в завоеванных странах. Что даст ему, Альмагро, жалкий пост коменданта крепости Тумбес, обещанный королем? Перу еще не было завоевано, крепость еще не была построена.

Патер Луке, которому досталась высокая, очень прибыльная должность епископа Тумбесского, не очень-то

огорчался и вместе с лицензиатом Эспиносой пытался примирить своих не на шутку рассорившихся компаньонов. Альмагро больше и слышать не хотел о совместной экспедиции и собирался отправиться в путь один со своими сторонниками.

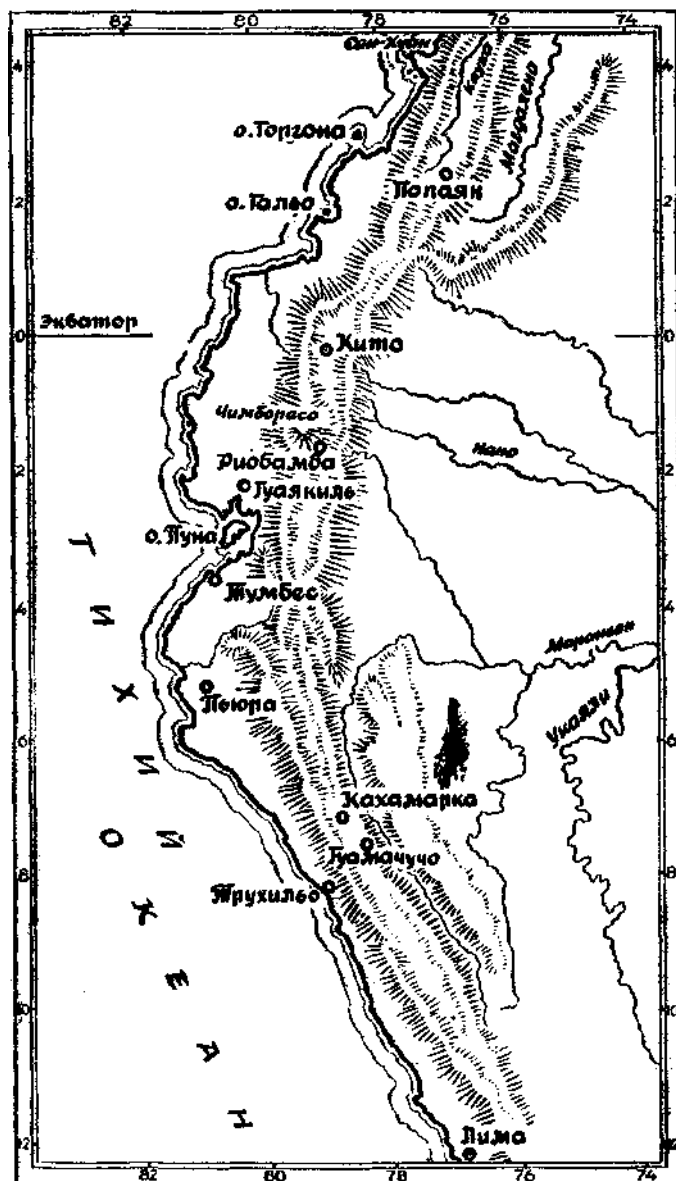
Франсиско Писарро оправдывался, как умел. У него, мол, не было иного выбора — либо принять все, дарованное королем, либо все отвергнуть. Он успокаивал Альмагро тем, что мир всегда будет достаточно велик для них всех, что его состояние всегда будет в распоряжении Альмагро.

В конце концов союз конкистадоров удалось кое-как восстановить. Снова клялись они в верности друг другу, однако ненависть, тщательно скрываемая обоими соперниками, только ждала удобного случая, чтобы вырваться наружу.

Началась деятельная подготовка к дальнейшему походу. Однако колонисты Панама неохотно шли на службу к Писарро. Они хорошо знали, какие трудности ждут их в дальних странах и помнили о прежних неудачах. Не хватало оружия и лошадей, на которых Писарро так же, как Кортес в Мексике, возлагал весьма большие надежды. Наконец был создан отряд из ста восьмидесяти или ста девяноста человек при двадцати семи лошадях (надо сказать, что историки, как обычно, называли разное число тех и других).

По сравнению с экспедицией Кортеса, войско Писарро было значительно слабее и хуже вооружено, тогда как страна инков по своим размерам и могуществу намного превосходила государство ацтеков и к тому же отстояла от Панама дальше, чем Мексика от опорных пунктов испанцев на Антильских островах. Вооружение горсточки авантюристов совершенно не соответствовало их цели — завоевать огромное государство. Но Писарро не очень горевал об этом. В Панаме еще оставался Альмагро, чтобы вербовать подкрепления.

После торжественного освящения флага, богослужения и причастия в начале января 1531 года Франсиско Писарро со своими братьями и с набернованным отрядом на трех каравеллах вышел из порта Панама, направляясь на юг. С божьего благословения начался крестовый поход против неверных. Целью флотилии был

*Побережье Перу, открытое Франсиско Писарро
(со старинной карты)*

Тумбес. Однако ветер и встречные течения затрудняли продвижение кораблей; наконец после тринадцати дней пути маленькая эскадра бросила якорь примерно на 1° с. ш. — недалеко от экватора.

По решению военного совета, солдаты под командованием Франсиско Писарро высадились на берег и двинулись вдоль океанского побережья на юг, а корабли направились следом за ними, держась на некотором расстоянии от берега.

Поход был очень тяжелым. Путь часто преграждали разлившиеся реки. Наконец испанцы добрались до густонаселенных районов. Индейцы встречали их дружелюбно. И тут завоеватели, сбросив маску простосердечия, внезапно обрушивались на какой-нибудь город, убивали жителей, не успевших скрыться в горах, и грабили брошенные дома. Они искали драгоценности и продовольствие. «Мы нападаем на них с мечом в руке потому, что никогда не смогли бы захватить такого количества золота и драгоценных камней, если бы заранее предупредили индейцев о своем прибытии», — откровенно признавался один из конкистадоров — хронист Педро Писарро.

При разделе добычи испанцы ссорились и мошенничали. Эррера рассказывает, что они как-то нашли изумруды, часть которых была величиной с голубиное яйцо, но один хитрый священник сумел убедить грабителей, что это просто кусочки стекла. А если они ему не верят, пусть возьмут молоток и ударят — стекло разобьется, а драгоценный камень останется цел. Воины так и сделали, и, действительно, — после первого же удара камни рассыпались на сотни осколков. Тогда священник по смехотворной цене скупил у них эти «стекляшки», а потом, продав их в Испании, нажил целое состояние.

Награбленные драгоценности сваливали в кучу, отделили пятую часть королю, а остальные делили между офицерами и солдатами. Разношерстную толпу конкистадоров связывали общие интересы, и никому не разрешалось грабить для себя одного. За это грозила смертная казнь, и у виновного не было никаких надежд избежать ее, потому что казни требовало все войско.

Писарро, по своему обыкновению, часть добычи, стоимостью, по крайней мере, в двадцать тысяч песо де оро (некоторые хронисты оценивали всю добычу в двести тысяч песо), отправил на кораблях в Панаму. Он надеялся, что золото, захваченное за такое короткое время, привлечет новые отряды авантюристов: «Всевышнему понравилось, что мы заняли город Коаке, дабы люди верили в богатства этой земли и стекались туда потоком».

Писарро со своими солдатами продолжал двигаться на юг вдоль побережья. Местами путь преграждали зоны пустынь с песчаными дюнами, образовавшимися под действием ветра; раскаленный песок слепил глаза. Солнечные лучи так нагревали стальные латы и шлемы, что люди почти теряли сознание. Они тяжело страдали и от какой-то заразной болезни. На теле появлялись гнойные нарывы величиной с куриное яйцо, причинявшие такую нестерпимую боль, что многие от нее умирали, а у выживших оставались на теле чудовищные рубцы. Эта страшная эпидемия распространялась внезапно: человек ложился спать здоровым, а на следующее утро уже не мог пошевелить рукой. Вскоре болезнь охватила всю страну, не щадя ни индейцев, ни белых.

После вооруженных столкновений ни один индеец уже не выходил встречать белых пришельцев, никто больше не называл их добрыми посланцами небес. Верхом на диких зверях примчались сюда злые духи, которые неслись быстрее ветра и сеяли смерть и уничтожение. Весть об их прибытии распространилась по всему побережью, и туземцы в ужасе бежали в горы.

Конкистадоры же проклинали тот час, когда они решили последовать за Писарро — эти места казались им бедными и пустынными. Один из хронистов сообщает, что наемники, завербованные в Никарагуа, вспоминая о тамошней благодатной природе и беспечной жизни, мечтали вернуться в свой магометанский рай, где все было к их услугам и каждый мог иметь столько жен, сколько ему хотелось.

Наконец прибыли два корабля с продовольствием и подкреплением — примерно тридцать человек, под командованием Себастьяна Беналькаса (или Белаль-

касара), которому предстояло сыграть весьма значительную роль в завоевании Перу.

Вождь конкистадоров решил не устраивать на побережье опорных пунктов, пока не удастся овладеть Тумбесом, который считался воротами Перу. Войско продолжало продвигаться все дальше, пока не дошло до берегов Гуаякильского залива, где оно расположилось лагерем напротив острова Пуна, неподалеку от Тумбеса. Островитяне, трудолюбивое земледельческое племя, пригласили чужеземцев погостить на острове, пообещав переправить их туда на плотках. Конкистадоры приняли приглашение и перебрались на остров, надеясь переждать там сезон дождей и дожждаться новых подкреплений из Панамы.

Жители побережья называли воинственных островитян предателями, потому что эти отважные люди с оружием в руках сопротивлялись войскам инки и, даже будучи покорены, продолжали враждовать с Тумбесом. Между островом и побережьем часто происходили ожесточенные столкновения.

Тумбесские вожди, узнав о прибытии белых людей, стали посещать испанский лагерь, чтобы возобновить дружественные отношения, установленные во время первого путешествия Писарро. Островитяне, естественно, смотрели на это с большим неудовольствием, однако продолжали дружелюбно относиться к пришельцам. Но толмачи, прибывшие из Тумбеса, сеяли недоверие к островитянам и доносили Писарро, что вожди Пуны замышляют измену и готовят восстание. Они якобы собирались утопить испанцев, когда те еще находились на плотках. Командир все с большим подозрением стал относиться к местным жителям и, узнав, что некоторые вожди собрались на тайное совещание, приказал окружить место, где оно происходило, и захватить его участников, в том числе касика Пуны, трех его сыновей и других старейшин племени. Затем конкистадоры напали на индейцев, многих перебили, ограбили жилище касика и другие дома.

Жители Пуны, узнав об этом страшном злодеянии, схватились за оружие, и тысячи воинов бросились на испанский лагерь. Кастильцы встретили туземцев в сомкнутом строю, отражая нападение длинными пиками, мечами и огнем пушек. Эрнандо Писарро повел в бой кон-

ницу, и индейцы, уstraшенные лошадами и огнестрельным оружием, бросились искать спасения в непроходимых лесах. Конкистадоры преследовали и убивали бегущих, пока кони их не стали падать от усталости.

Испанцы благодарили за победу архангела Сан-Мигеля — святого Михаила, который со своим небесным воинством носился над полем боя и воодушевлял христиан в сражении со слугами дьявола. Чей-то ужасный голос провозглашал с небес, что этот божественный воин обеспечит победу кастильцам. Так и случилось — святой Михаил обратил в бегство дьявола и его войско. Это чудесное явление, по утверждению хрониста Монтесиноса, видели не только испанцы, воины Христовы, но и невежественные язычники индейцы, над головами которых летал князь тьмы Вельзевул.

В бою погибло не более трех испанцев, но многие были ранены, в том числе и Эрнандо Писарро. Стычки не прекращались. Островитяне часто нападали по ночам, уничтожали сторожевые посты и не давали покоя завоевателям. Поэтому вождь конкистадоров был чрезвычайно обрадован, когда на остров прибыли еще два корабля с сотней добровольцев и лошадами. Этим пополнением командовал Эрнандо де Сото, закаленный, безжалостный конкистадор, участвовавший во многих сражениях в Перу, а впоследствии открывший великую реку Миссисипи в Северной Америке.

Наконец сопротивление индейцев Пуны было сломлено, и Писарро велел подвергнуть пытке захваченных в плен вождей. По свидетельству некоторых хронистов, они признались в подготовке заговора. Писарро приговорил их к смерти — одних приказал сжечь на костре, другим отрубить голову.

После прибытия подкрепления руководитель конкистадоров почувствовал себя достаточно сильным, чтобы переправиться на материк и приступить к завоеваниям. Индейцы из Тумбеса рассказали ему, что в государстве Перу началась война между сыновьями умершего государя. Это было известие чрезвычайной важности. Ведь и Кортес использовал распри и войны между племенами, чтобы овладеть Мексикой.

ЗАВОЕВАТЕЛИ ИСПОЛЬЗУЮТ МЕЖДОУСОБНУЮ ВОЙНУ В ПЕРУ

Уайна Капак — завоеватель Кито. — Тревожные вести о появлении чужеземных захватчиков. — Раздел государства инков. — Война между Уаскаром и Атауальпой. — Поражение Уаскара. — Железный кулак в бархатной перчатке. — Строительство крепости Сан-Мигель

В конце пятнадцатого столетия — в 1493 году — умер инка Тупак Юпанки, один из самых прославленных детей Солнца, завоевавший многие страны — от знойных пустынь Атакамы до далекого Чили, расширивший границы своего государства и в противоположном направлении — в округе Кито. Здесь военными действиями руководил Уайна Капак, сын правителя, который в 1493 году унаследовал трон своего отца.

Уайна Капак покорил всю область Кито, непрестанно пытался подчинить другие племена и закрепить завоеванное, повсюду насаждая перуанский государственный порядок. Правитель строил прекрасные дороги из Кито в столицу Куско, совершенствовал связь, старался обучить покоренные племена языку кечуа, лучше организовать сельскохозяйственные работы и развить ремесла.

Примерно за десять лет до смерти инки Васко Нуньес де Бальбоа пересек Панамский перешеек, однако вряд ли индейский правитель имел достоверные известия об этом походе. Но инка определенно знал о первой экспедиции Писарро и Альмагро.

Почти у самых границ государства появились воинственные бледнолицые и бородатые люди, облаченные в блестящие доспехи намного прочнее бронзовых. Чужеземцы прибыли с севера на огромных плотах, разбили отряды местных племен, разграбили побережье, а затем вновь исчезли. Это были тревожные вести. Возможно, что и раньше до инки доходили туманные слухи о каких-то необыкновенных пришельцах, но до сих пор еще никто всерьез не угрожал его государству.

На этот раз, как повествует предание, правитель созвал военный совет, и верховный жрец напомнил присутствующим о древнем пророчестве, которое было возведено сто лет назад тогдашним правителем Перу: через не-

сколько поколений явятся в эту страну чужеземцы и сокрушат государство инков и всех богов его.

Люди в Перу были объаты страхом, они видели злоешие предзнаменования: с неба падали звезды и появились кометы, земля вздрагивала от подземных толчков, вокруг Луны светились огненные кольца. Молния ударила в один из дворцов правителя и сожгла его дотла. Орел, преследуемый несколькими соколами, долго кружил над главной площадью Куско с жалобными криками, пока, наконец, растерзанный своими преследователями, не упал к ногам знатных людей — знак, предвещавший их скорую гибель. Что может человек противопоставить судьбе, обрекшей на разрушение страну Солнца? И правитель посоветовал вельможам не противиться велению небес и повиноваться посланцам богов — белым чужеземцам.

Это, видимо, легенда, но весть о вторжении вооруженных пришельцев в пределы государства действительно могла вызвать беспокойство и страх в стране детей Солнца.

У Уайна Канаки было много жен и детей, но трон должен был наследовать его сын от законной жены — Уаскар. На языке кечуа это слово означало — канат, толстая веревка. На торжестве по случаю рождения престолонаследника инка велел вельможам держать в руках во время танца огромную золотую цепь длиной в семьсот футов. Звенья этой цепи были толщиной с мужское запястье. Отсюда наследник престола и получил свое имя. Однако правитель больше любил своего сына Атауальпу, чьей матерью была дочь последнего правителя Кито. Здесь, в завоеванном округе Кито, провел Уайна Капак последние годы своей жизни. Атауальпа вырос на глазах властелина, участвовал вместе с отцом в военных походах, спал с ним в одной палатке, ел из одного котла. Старый правитель так полюбил живого и отважного мальчика, что в нарушение древних обычаев и законов решил разделить государство между Уаскаром и Атауальпой. Уже находясь на смертном одре, Уайна Капак собрал знатных вельмож государства и объявил им, что округ Кито он отдает Атауальпе, а остальную часть страны — Уаскару и желает им жить в мире и дружбе.

Уайна Капак умер в конце 1525 года, менее чем за семь лет до прибытия Писарро в Перу. Вся страна опла-

кивала усопшего, бесстрашного воина и решительного, дальновидного правителя. Его сердце было захоронено в Кито, а набальзамированное тело траурная процессия доставила в Куско, чтобы похоронить в большом храме Солнца, рядом с останками его предков — украшенными золотом мумиями.

В течение пяти лет после смерти Уайна Капаки оба брата мирно правили каждый в своей части страны. Но потом начались интриги вельмож, разжигавших вражду и соперничество между юными правителями. Воинственный, честолюбивый, отчаянный Атауальпа, надеясь расширить границы своих владений, предпринял ряд военных походов и в первую очередь завоевал земли, примыкавшие к Гуаякильскому заливу. Это обострило разногласия между братьями, и, наконец, они окончательно рассорились из-за одного округа. Началась междоусобная война.

Атауальпа, по некоторым сведениям, был разбит в первом же сражении и попал в плен, но сумел бежать, вернуться в Кито и собрать новое войско из старых испытанных воинов. Возглавив его, он двинулся на юг. Встретившись с отрядами, посланными против него Уаскарром, Атауальпа в ожесточенном, кровавом сражении у подножия Чимборасо одержал победу. Затем он обрушился на город Тумебамбу, находившийся еще южнее, разрушил его до основания, а жителей перебил. Города, один за другим, сдавались правителю Кито. Его войска дошли до Кахамарки (примерно на 7° ю. ш.). Здесь он остановился, разбил лагерь и послал своих военачальников Кискиса и Чалкучима на Куско, не рискуя сам так далеко вторгаться в земли брата. Полководцы быстро двинулись на юг, переправились через реку Апу-римака и дошли до столицы государства инков — Куско.

Уаскар, узнав о поражении, собрал новое войско и поджидал врага. Он лично повел в бой своих воинов. Обе стороны сражались с отчаянной храбростью с раннего утра до заката солнца — ведь на карту была поставлена судьба всего государства, но победа постепенно стала склоняться на сторону Атауальпы. Уаскар пытался уйти с тысячью воинов, но их окружили и почти всех перебили. Сам Уаскар был взят в плен. Поле сражения было усеяно убитыми и умирающими и еще долго, уже после испанского вторжения, по всей равнине белели человеческие

кости. Полководцы Атауальпы вступили в Куско и объявили город владением победителя.

Все это произошло весной 1532 года, за несколько месяцев до прибытия испанцев. Уаскар был заключен в крепость. Атауальпа стал носить красную головную повязку, украшенную перьями птицы корекенке, — символ правителя государства инков.

Затем Атауальна, как сообщает хронист Гарсиласо де Вога, пригласил в Куско инкскую знать, чтобы обсудить вопрос о том, как лучше всего разделить страну между ним и его братом. Но здесь войска окружили собравшихся и безжалостно перебили их, чтобы окончательно искоренить всех представителей правящей династии. Атауальпа якобы повелел убить всех многочисленных детей покойного Уайна Капака, чтобы ни один из них не вознамерился претендовать на трон. Однако этот рассказ хрониста о зверствах Атауальпы вряд ли соответствует действительности. Еще семьдесят лет спустя были живы около шестисот вельмож, в жилах которых текла кровь инков. И почему была сохранена жизнь самому опасному сопернику — Уаскару и младшему брату Манко Капаку — наиболее серьезным претендентам на трон? Попытки изобразить Атауальпу кровожадным дикарем и убийцей были нужны кастильским хронистам, чтобы хоть как-то оправдать злодеяния самих испанцев в завоеванных ими странах.

Победа Атауальпы была полной. Брат оказался разбитым на собственной территории, его столица захвачена, а сам он взят в плен. Но судьба решила так, что победа Атауальпы обернулась его поражением.

Междоусобную войну в Перу немедленно использовали белые захватчики. Они покинули остров Пуну и высадились на континенте. Но здесь на испанцев неожиданно напали индейцы, пытавшиеся перебить чужеземцев и захватить богатую добычу. Это нападение не поддавалось никакому объяснению — Тумбес уже со времени первого путешествия Писарро поддерживал дружественные отношения с испанцами. Еще большим было удивление конкистадоров, когда они вступили в город. Он был не только покинут жителями, но и полностью разрушен, за исключением четырех или пяти разграбленных домов, большого храма и крепости.

Инка Атауальпа

Конкистадоры со страхом глядели на представшее перед Ними зрелище. Ведь все они были наслышаны о необыкновенных сокровищах Тумбеса, которые можно было, как им казалось, захватить безо всякого труда. А теперь здесь не осталось никаких богатств. Золото инков походило на мираж, который таял, как только к нему приближались.

Индейцы, которых удалось захватить в плен, отрицали, свое участие в нападении на испанцев и в разрушении города. Тумбес разрушили якобы дикие племена Пуны, а инка, занятый братоубийственной войной, не имел возможности защищать его. Писарро пытался узнать также, какая судьба постигла испанцев, оставшихся в Тумбесе после первой экспедиции. Индейцы давали неопределен-

ные, противоречивые ответы: одни говорили, что белые люди заболели какой-то заразной болезнью и умерли, другие утверждали, что они погибли в бою с напавшими на город островитянами, а некоторые сообщали, что те были лишены жизни за то, что бесстыдно приставали к женщинам. Не было сомнений в одном — испанцы нашли здесь свою могилу.

Это печальное известие произвело тяжелое впечатление на солдат, к тому же они очень страдали от болезней — тропической лихорадки, малярии, дизентерии. Они уже ничего не хотели слышать о богатствах Перу. Внезапно Писарро объявил воинам, что он отобрал у одного индейца бумажный свиток. Это послание будто бы передал туземцу один из оставшихся в Тумбесе испанцев. В нем говорилось: «Кто бы ты ни был, приведенный сюда благосклонной судьбой, знай, что здесь больше золота и серебра, чем железа в Бискайе».

Воины высмеяли предводителя — командир, мол, пытаются обмануть их и снова вселить в них несбыточные надежды. Ропот все усиливался.

Опасаясь бунта наемников, Франсиско Писарро в начале мая 1532 года покинул Тумбес и двинулся в глубь страны. В городе остались только больные и небольшой гарнизон. Командующий приказал избегать насилия — это поможет завоевать симпатии индейцев и выдать себя за их друзей. Прежние столкновения якобы были вызваны недоразумениями. За грабеж и насилие он угрожал своим людям жестоким наказанием.

Пряча железный кулак в бархатной перчатке, Писарро продвигался на юг по густонаселенным районам, расположенным между Андами и океаном. В каждом поселке на испанском языке оглашалось сообщение о том, что он пришел сюда во имя бога и короля Испании и требует от местных жителей послушания и покорности. Перуанцы должны перейти в истинную веру и подчиниться испанцам. В противном случае конкистадоры угрожали применить силу:

«Мы будем вести против вас войну всеми способами и средствами, какими только располагаем; мы подчиним вас церкви и слугам ее и заставим вас слушаться; мы захватим вас, ваших жен, детей и обратим вас в рабов!»

Ни один индеец не мог понять этого обращения,

поэтому никто и не возражал. Нотариус тщательно записывал и заверял выражения покорности со стороны местных жителей. Так туземцы, сами того не сознавая, становились подданными короля Кастилии.

Через четыре или пять недель Писарро выбрал место для строительства крепости возле реки Пьюры, примерно в тридцати лигах к югу от Тумбеса (на территории нынешнего Перу). Испанцы рубили деревья в ближайших лесах и заготовливали камень. Скоро с помощью индейцев на берегу реки построили крепость, церковь, склады и жилые дома. Так понемногу стал вырастать город. Окрестные земли были разделены между колонистами. Каждому выделили определенное число туземцев, обязанных помогать своим хозяевам во всех работах. Хронист отметил: «Так как было доказано, что колонисты не могли бы просуществовать без услуг индейцев, то священники и руководитель экспедиции — все единогласно решили, что репартименто туземцев (выделение их вместе с землей) могло бы послужить христианской религии и весьма способствовать их духовному благоденствию, так как они тем самым обрели бы возможность приобщиться к истинной вере».

Итак, по мнению испанцев, обращение туземцев в слуг и рабов происходило в интересах туземцев — благодаря этому индейцы спасали свои души от геены огненной.

Писарро назвал новый город Сан-Мигель — в честь архангела Михаила, который так чудесно помог поборникам христианской веры в битве с индейцами Пуны. Потом он велел расплавить золотые и серебряные украшения, захваченные во время последнего похода. Все сокровища, за исключением пятой части, причитавшейся королю, Писарро отослал в Панаму, чтобы заплатить владельцам судов и тем, кто снабжал экспедицию.

В рекогносцировках и строительстве крепости прошло около пяти месяцев. Писарро за это время собрал более точные сведения о стране детей Солнца и понял, что океанское побережье лишь отдаленная окраина огромного государства инков, что богатые области лежат за горными хребтами Анд. Вождь конкистадоров узнал также, что междоусобная война в Перу закончилась. Атауальпа со своим победоносным войском расположился лагерем на расстоянии десяти или двенадцати дней пути от Сан-

Мигеля. Но угли военного пожара наверняка еще тлели. Писарро надеялся раздуть их и воспользоваться братоубийственной войной в своих целях. Перуанские племена были разобщены и не могли сообща выступить против больших захватчиков — так же, как это происходило во многих других странах, к которым тянулись руки ненасытных завоевателей.

ЧЕРЕЗ ГОРЫ В КАХАМАРКУ

*С горсточкой воинов — в лагерь Атауальпы. —
«Мне хватит тех, кто не желает от меня отступить!» — Посланцы инки. — По диким тропам
через Анды. — Зеленая долина Кахамарки*

Возможно, что Писарро еще в Сан-Мигеле разработал дерзкий план — напасть на властителя Перу и захватить его, как это сделал Кортес в Мексике с повелителем ацтеков Монтезумой. Однако более вероятно, что вождь наемников хотел встретиться с новым главой инкского государства, заверить его в своей дружбе и мирных намерениях, а уж затем действовать соответственно обстоятельствам.

Писарро, конечно, охотнее всего дождался бы подкреплений из Панамы — в его распоряжении было всего около двухсот человек. Из них пятьдесят надо было оставить в крепости Сан-Мигель. Можно ли было рассчитывать на успех со столь ничтожными силами? Однако и медлить было нельзя — бездействие могло носить среди солдат неверие в успех предприятия, вызвать ропот и мятежи.

21 сентября 1532 года конкистадоры выступили из Сан-Мигеля в направлении лагеря Атауальпы. Это был дерзкий шаг, и испанские историки прославляли его как подлинный пример отваги странствующих рыцарей, блестящий образец непоколебимой веры в свою счастливую звезду.

Равнину пересекали реки, текущие с гор, и густые леса. Испанцы шли мимо фруктовых рощ, обработанных полей

Уборка кукурузы (из хроники Помы де Айялы)

И огородов. Созревал богатый урожай. Завоевателям еще нигде не приходилось видеть столь умелых земледельцев. Вежливо и почтительно встречали эти люди пришельцев. Закованные в латы белые люди и невиданные звери с густыми гривами, высекавшие копытами искры на каменистых тропах, внушали туземцам страх и уважение.

Испанцы тоже старались не испортить дружественных отношений и произвести благоприятное впечатление на индейцев. Во всех городах и поселках имелись крепости

или просто вместительные здания, где обычно отдыхали чиновники правителя Перу во время своих разъездов. Теперь в них размещались на ночлег солдаты Писарро.

На пятый день похода командир решил дать отдых своим воинам. Из Сан-Мигеля выступили сто семьдесят семь конкистадоров, в том числе шестьдесят семь всадников и два переводчика — перуанцы Фелипильо и Мартин, которые вместе с Писарро были в Испании и выучили испанский язык.

Войско было неплохо вооружено, однако стрелковое оружие — аркебузы и тяжелые железные луки — арбалеты — имели лишь около двадцати человек. Большую часть ружей и боеприпасов Писарро оставил в крепости, чтобы в случае неудачи можно было укрыться там и дожидаться помощи из Панамы. Войско казалось бодрым и боеспособным, но предводитель чувствовал и скрытый ропот опасения, а потому решил с корнем вырвать всякое недовольство, освободиться от сомневающихся и неверящих в успех предприятия.

Он собрал солдат и заявил, что наступил решающий момент экспедиции. Пусть и шага не делает дальше тот, кто хоть мало-мальски сомневается в победе, кто не верит в успех всей душой. Еще не поздно вернуться обратно. Сан-Мигель охраняется плохо, и у него будет спокойнее на душе, если гарнизон получит подкрепление. Всякий, кто желает, может возвратиться в крепость и получить там землю и индейцев, как все прочие колонисты. «Мне хватит тех, кто останется со мной и разделит общую судьбу, много нас будет или мало, но я доведу начатое дело до конца», — сказал командующий.

В этой рискованной экспедиции каждый человек ценился на вес золота, и все-таки лучше было встретить опасность, не имея в своих рядах трусов и недовольных. К тому же каждому предоставлялась возможность отступить с честью: повод для этого — усиление небольшого гарнизона крепости — казался достаточно важным. Однако разрешением вернуться обратно воспользовалось всего девять человек — четыре всадника и пять пехотинцев. Остальные громкими криками восторга заверили своего отважного полководца, что пойдут за ним без малейших колебаний.

Местные жители по-прежнему доброжелательно встречали испанцев. Однако в некоторых долинах совершенно

не осталось мужчин, очевидно, инка призвал их в свои войска. Но никаких признаков лагеря, в котором расположился правитель Перу, пока обнаружить не удавалось. Пйсарро отправил Эрнандо де Сото в один из городов, расположенных в горах, где, согласно полученным им сведениям, находился перуанский гарнизон.

Сото вернулся только на восьмой день и привел с собой посла самого инки, знатного вельможу, и сопровождавших его людей. Посол передал испанцам сердечный привет от своего повелителя, подарки и любезное приглашение посетить расположенный в горах лагерь инки.

Несомненно, посланцы прибыли, чтобы выяснить численность, вооружение и цели пришельцев. Писарро принял их с почетом, угощал и через переводчиков удовлетворил любопытство гостей. После этого их одарили дешевыми стеклянными украшениями и другими безделушками и поручили передать инке, что испанцы прибыли от могущественного заморского властелина, что они наслышаны о славных победах Дтауальпы и явились с дружественными намерениями, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение и предложить помощь и поддержку в борьбе с врагами. Испанцы не станут медлить и вскоре придут к инке, признают его своим повелителем и не будут угрожать жизни и имуществу его подданных.

Сото собрал важные сведения, умело избегая столкновений с туземцами, заверяя их в своем дружелюбии. Он посетил несколько городов и встречался с чиновниками инки.

Собранные им данные подтверждали, что за горными хребтами лежит необъятная, могущественная и богатая страна с высокой культурой, располагающая огромным войском. Писарро немедленно сообщил обо всем этом гарнизону Сан-Мигеля, прося выслать подкрепление.

Затем он снова двинулся в путь, однако не так поспешно, как обещал. В одном из селений он задержался на четыре дня, надеясь, видимо, дожидаться здесь подкрепления. Но никто не появился. После тяжелого перехода по песчаным равнинам, где лишь местами зеленели островки орошаемой почвы, испанцы добрались до широкой быстрой реки. С трудом переправившись через нее, они узнали, что Атауальпа с большим войском расположился у Кахамарки. Инке известно, что чужеземцев не-

много, поэтому он заманил их в эту область, чтобы легче было справиться с ними.

Через три дня испанцы достигли горного хребта, за которым находилась Кахамарка, На склонах гор зеленели девственные леса, перемежавшиеся возделанными полями и садами. Над ними поднимались мрачные утесы, в разрывах туч сверкали покрытые снегом вершины. Конкистадоры должны были перебраться через этот горный барьер по тропам, где горсточка смелых людей могла задержать целую армию.

Направо уходила широкая дорога, ведущая в столицу Перу — Куско. Она манила уставших солдат, и многие предлагали отказаться от похода на Кахамарку. Однако Писарро не согласился. Ведь властителю Перу известно, что испанцы направляются к инке. Надо идти вперед, только вперед. Даже в самых жестоких испытаниях бог не оставит своих чад, унизит гордых язычников и откроет им истинную веру, распространение которой является главной целью экспедиции. Такими словами поддерживал командир моральный дух своих солдат — он достаточно хорошо знал их беды и радости, опасения и надежды.

«Веди нас, веди туда, куда считаешь нужным! Мы последуем за тобой добровольно, и ты увидишь, что мы выполнили свой долг по отношению к богу и королю!» — отвечали солдаты.

В тот же вечер военный совет решил, что сам главнокомандующий Франсиско Писарро с сорока пехотинцами и шестьюдесятью всадниками пойдет вперед и разведает окрестности, а остальные под начальством его брата Эрнандо Писарро останутся в лагере и будут ждать дальнейших распоряжений.

Рано утром авангард вступил на горную тропу. Она вилась по кручам и местами была такой узкой, что всадникам приходилось слезать с коней и вести их на поводу. С одной стороны нависали скалы, с другой зияла пропасть. В глубине мрачных ущелий ревели бурные реки, пробивая себе дорогу к океану.

Испанцы настороженно следили за тропой, так как на ней кое-где были сооружены укрепления из каменных глыб, защитники которых, даже очень малочисленные, могли остановить целую армию. Но никто не скрывался за этими оборонительными сооружениями, и Писарро

убедился, что инка не собирается задерживать продвижение испанцев.

Командующий послал брату приказ немедленно двинуться вслед за авангардом, а сам продолжал подниматься все выше в горы по мрачным лабиринтам ущелий. Люди и особенно кони, привыкнув к жаркому тропическому климату побережья, страдали от холода. Великолепные лиственные леса сменились угрюмыми сосновыми чащами, а еще выше встречалась только скудная высокогорная растительность. Здесь не было ни людей, ни животных, только огромные горные орлы с криками кружили над облаками, все время следуя за испанцами, словно предчувствуя кровавую жатву.

Наконец конкистадоры достигли перевала — сурового, поросшего желтой травой плато. Здесь они разбили палатки и развели костры — иначе нельзя было согреться в этой холодной и бесплодной пустыне.

Скоро в лагерь прибыли посланцы инки с подарками и сердечно приветствовали гостей. Правитель велел узнать, когда чужеземцы прибудут в Кахамарку, чтобы подготовиться к их встрече.

Два дня конкистадоры двигались по высокогорному плато, а затем начался спуск по восточному склону хребта. Здесь снова к ним прибыл с подарками посол инки, тот самый вельможа, который уже встречался с Писарро в долине. На сей раз он явился со свитой и в более роскошных одеждах. В лагере он пил чичу из дорогих кубков, которые подавали ему слуги, и предлагал испанцам отведать этого опьяняющего напитка. Посол торопил их скорее прибыть к повелителю. Однако разведчики принесли Писарро весьма неутешительные известия. Атауальпа расположился в укрепленном лагере. В Кахамарке не осталось ни одного жителя, все они выселены из города. Нет никаких сомнений — инка готовит чужеземцам ловушку. И все-таки конкистадоры шли вперед, навстречу своей судьбе.

Хотя восточные склоны были более пологими и идти было легче, прошла целая неделя, прежде чем испанцы спустились в долину Кахамарки, расположенную на высоте около 2800 м. Здесь был приятный, прохладный климат. Лишь иногда долетал сюда холодный восточный ветер с градом, за что индейцы и называли это место Кахамаркой («город морозов»).

TRAVAXOS PARALLAIMITARA

En pende bamosy anqui quilla

Уборка картофеля (из хроники Помы де Айялы)

После мрачных голых гор и плоскогорий долина казалась ярким, пестрым ковром. Повсюду виднелись возделанные поля и ухоженные сады. У ног конкистадоров, как драгоценный камень в темной оправе гор, сверкал на солнце белый город Кахамарка. На расстоянии примерно одной лиги от него поднимались к небу клубы белого пара. Там били горячие ключи. А рядом с ними белели шатры, которые, как снежное поле или огромная птичья

стая, покрывали горные склоны на многие мили вокруг. Один из конкистадоров — Сармьенто — писал впоследствии:

«Мы не переставали удивляться тому, какую надежную позицию избрали индейцы. До сих пор никто из нас еще не видел в Индии столь огромного количества шатров и к тому же так удачно расположенных. Смятение и страх закрались в сердца даже самых отважных из нас. Однако отступить было поздно: заметив малейший признак неуверенности, сопровождавшие нас индейцы первыми набросились бы на нас. Хладнокровно обзрев окрестности, мы готовились вступить в Кахамарку с самым решительным видом».

Под развевающимися боевыми знаменами, закованные в сверкающие латы конкистадоры, разделившись на три отряда, в строгом боевом порядке двинулись через долину к городу.

ДЕРЗКИЙ ПЛАН

Конкистадоры в Кахамарке. — Конный отряд в лагере инки. — Дружественные переговоры. — Решение военного совета. — Западня расставлена

15 ноября 1532 года после полудня испанцы вступили в Кахамарку. Никто не вышел встречать их, не видно было ни одной живой души. В пустынных улицах лишь гулким эхом отдавались шаги завоевателей и цокот лошадиных подков. Беспокойство и страх овладели испанцами. Что ждет их здесь? Неужели инка заманил их в глубь страны, расставил западню, чтобы окружить их и стереть с лица земли?

Кахамарка была довольно большим городом — здесь проживало, видимо, не менее десяти тысяч человек. Дома из высушенного на солнце кирпича, крытые соломой, чередовались с прекрасными зданиями из тесаных каменных глыб. Большую треугольную площадь замыкали низкие просторные здания. Очевидно, это были казармы. Рядом, на холме, возвышалась каменная крепость с крутыми лестницами. В городе находились также монастырь

дев Солнца, а в тенистой роще — большой храм Солнца. На холме, который господствовал над городом, была еще одна крепость из тесаного камня, опоясанная тремя рядами высоких стен.

Солнце уже клонилось к закату, небо затянуло тучами, пошел дождь, а затем и град; стало холодно и неприятно. Люди Писарро расположились на площади, предусмотрительно расставив сторожевые посты на случай внезапного нападения. Но инка не обращал внимания на пришельцев, считая, видимо, что они не представляют для него никакой опасности. Он и не предполагал, сколь хитры и коварны эти люди и какие планы вынашивают они, не смотря на свою малочисленность.

Франсиско Писарро хотел как можно скорее выяснить замыслы и настроение инки, поэтому он ни минуты не медля отправил в перуанский лагерь пятнадцать всадников, которыми командовал Эрнандо де Сото, один из самых опытных офицеров. Однако, когда всадники были уже довольно далеко, Писарро решил, что он отправил к инке слишком малочисленный отряд. А что если произойдет стычка? И приказал своему брату Эрнандо мчаться вслед за первым отрядом с еще двадцатью всадниками. Они должны были держаться очень осторожно и воздерживаться от каких бы то ни было столкновений с перуанцами.

Кавалеристы пустили лошадей галопом по отличной дороге, ведущей из города в лагерь, и вскоре достигли палаток на пологом склоне горы. Около тридцати тысяч перуанских воинов, воткнув в землю копыта, с глубоким удивлением смотрели на чужестранцев, которые неслись к ним на спинах невиданных 'зверей, словно на крыльях ветра. Бряцали доспехи и оружие, развевались знамена, гремели трубы.

Всадники подскакали к широкой, но не очень глубокой реке, протекавшей по равнине. Через реку был построен мост. Хотя вооруженная стража, охранявшая его, не пыталась остановить испанцев, они бросились прямо в поток и без труда достигли противоположного берега.

Один из индейцев показал кавалеристам резиденцию инки — летний дворец с колоннадой вокруг него, примыкавшей к роскошному саду с горячими источниками. Перед зданием находился большой каменный бассейн, куда по трубам поступала горячая и холодная вода. У входа

во дворец расположились люди в богатых одеждах — свита правителя и женщины, принадлежавшие к его двору. В этой пестрой толпе можно было сразу узнать инку, хотя одет был он проще, чем придворные, — голову властителя украшала широкая ярко-красная шерстяная повязка, символ верховной власти. С повязки до самых глаз свисала бахрома. Инка, очень высокий, крепкий, еще не старый человек с умным, бесстрастным лицом, сидел в низком кресле, а вельможи и военачальники стояли вокруг него в соответствии со своей знатностью и занимаемым ими положением. Вопреки ожиданиям испанцев, лицо правителя не выражало ни малейших признаков хитрости или жестокости. Он не выразил никакого любопытства, хотя впервые видел чужестранцев и их удивительных животных.

Эрнандо Писарро и де Сото, оставив своих солдат на значительном удалении, в сопровождении трех воинов приблизились к инке. Писарро почтительно поклонился, не слезая, однако, с коня, и заявил, что он посланец своего брата — главнокомандующего войсками белых людей — и привез сообщение о том, что испанцы только что прибыли в Кахамарку. Испанцы — подданные могущественного заморского властелина, прослышав о блестящих победах Атауальпы, предлагают ему свою помощь. Главнокомандующий просит узнать, не соблаговолит ли владыка Перу оказать честь испанцам и посетить их в Кахамарке.

Инка ни словом, ни жестом не выразил своего отношения к этой речи, и по его лицу нельзя было определить, понял ли он, хотя взятый с собой испанцами Филипильо быстро переводил эту речь на язык перуанцев. И лишь один из вельмож, стоявший рядом с правителем, коротко ответил: «Это хорошо».

Эрнандо Писарро почтительно нарушил молчание, попросив инку сообщить свое решение, на что Атауальпа, слегка улыбнувшись, ответил:

«Скажите вашему начальнику, что сейчас я должен поститься, что завтра пост окончится. Тогда я и мои вожди навестим его. До моего прибытия он может разместиться со своими людьми в общественных зданиях возле площади, однако другие дома занимать не должен, а затем я решу, чему быть дальше».

Франсиско де Херес, тайный летописец Писарро, детально описавший его походы, рассказывает также, что в этом разговоре Атауальпа обвинил белых людей в нападении на перуанцев. Один из вождей — Майсабилика — донес, что испанцы напали на него, захватили в плен несколько касиков и заковали их в цепи. Майсабилика прислал инке железный ошейник и сообщил, что сразил трех христиан и одного коня.

На это Эрнандо Писарро ответил, что Майсабилика пустомеля и хвастун, потому что один-единственный христианин мог бы убить и вождя, и всех индейцев. Как это он мог сразить христианина или его коня, когда все его люди трусы и бабы! Испанский полководец пришел сюда не ради войны — он хочет обрести друзей и творить добро. Но если кто-то начнет с ним войну, христиане будут драться до тех пор, пока не уничтожат всех врагов. Они могут сражаться на стороне Атауальпы и тем самым доказать, что Майсабилика солгал.

Инка согласился, что вождь этот не отличается послушанием. Его войска при поддержке испанцев могли бы как следует проучить строптивного касика. Эрнандо Писарро ответил, что инке нет смысла посылать туда свое войско. Вполне достаточно десяти испанских всадников. Атауальпа в ответ на это только усмехнулся. Однако через минуту правитель Перу уже не улыбался.

У идальго де Сото, который находился тут же, была лучшая лошадь во всем отряде, да и сам он был очень ловким наездником. Заметив, что Атауальпа внимательно наблюдает за горячим боевым конем, кусавшим от нетерпения удила, де Сото натянул поводья, вонзив шпоры в бока скакуна, и галопом сделал большой круг по равнине — пусть посмотрят, на что способен испанский конь и отважный наездник. Подскакав к инке, Сото так резко остановил жеребца, что тот, громко заржав, поднялся на дыбы и обрызгал пеной одежды правителя.

Ни один мускул не дрогнул на лице Атауальпы, в то время как остальные перуанцы застыли в ужасе, а некоторые, увидев, что к ним огромными скачками приближается невиданное чудовище, отступили на несколько шагов. По утверждению испанского хрониста, они дорого заплатили за свой страх — инка в тот же вечер повелел казнить трусов.

Правитель предложил испанцам отведать угощения, по те, чтобы не слезать с коней, отказались, тоже сославшись на то, что сейчас должны поститься. Атауальпа приказал подать гостям чичу. Появились женщины с большими золотыми кубками, из которых они дали испанцам напиться.

После этого конкистадоры почтительно простились и отправились обратно в Кахамарку. Они увидели многое: богатство властителя Перу, роскошные одежды придворных, золотые и серебряные сосуды, огромное, хорошо обученное и вооруженное войско инки. Могла ли горсточка испанцев вступить в бой с таким могущественным противником? Видимо, они действовали опрометчиво и слишком далеко углубились в эту огромную страну.

Принесенные известия о невиданных богатствах, с одной стороны, распалили солдат, однако в то же время ими овладели смятение, страх и даже отчаяние — громадная армия инки находилась здесь, совсем рядом. В ночной тьме огни индейских сторожевых постов на склоне горы светились словно бесчисленные звезды.

И только Франсиско Писарро втайне радовался тому, что все произошло так, как он рассчитывал. Он старался приободрить малодушных. В этот решающий час, когда они, наконец, сошлись с врагом лицом к лицу, ни один из них не вправе терять мужество. Надо положиться на милость божию, ибо всевышний уже не раз спасал их в самые трудные минуты. И пусть враг будет в тысячу раз сильнее, бог на стороне испанцев — ведь они отправились в крестовый поход против неверных. Отважных воинов ждут неисчислимы богатства.

Затем Писарро собрал военный совет, чтобы обсудить план, который он уже выработал и считал наиболее удачным. План этот казался столь дерзким и отчаянным, что офицеры были ошеломлены. Инку следует заманить в западню, захватить в плен на глазах у всей его армии и держать в качестве заложника. Пленение владыки потрясет страну, и, возможно, испанцам очень легко удастся подчинить себе могущественное государство.

В Испании Писарро встречался с Кортесом, который всячески его поддерживал и дал много полезных советов. «Помните, Франсиско, об одном — если вам удастся захватить в плен священную особу короля Перу, то судьба его страны будет решена. Я утверждаю это на основе

собственного опыта», — эти слова Кортеса хорошо запомнил Писарро.

Начинать сражение с огромной армией инки было бы чистейшим безумием, утверждал главнокомандующий. Отступление и бегство тоже невозможны. Опасности в этой стране подстерегают на каждом шагу. Да и куда бежать? Путь к морскому побережью через горы долог и труден. Стоит испанцам начать отступление, как перуанцы по им одним известным тропам опередят их и будут поджидать за каждым поворотом, на каждом перевале, в каждой крепости.

Столь же опасно оставаться здесь в бездействии, ничего не предпринимая. Дружественное отношение Атауальпы к испанцам не может быть долговечным. Близкое знакомство с белыми воинами очень скоро рассеет представление о закованном в железо чужеземца как о некоем сверхъестественном явлении. Атауальпа завладеет их конями, оружием и сверкающими доспехами, а испанцев просто уничтожит. Инка — правитель хитрый и к испанцам всегда относился с подозрением. Своими дружественными посланиями он заманил их в глубь страны, чтобы легче было с ними расправиться.

Хитрости, говорил Писарро, можно противопоставить только хитрость; надо поймать инку в его же ловушку. Нельзя медлить ни одного мгновения: в любой день с юга могут подойти остальные отряды Атауальпы, одержавшие там блестящую победу, и тогда испанцам будут противостоять еще большие силы.

Напасть на инку в открытом поле чрезвычайно опасно — неизвестно, удастся ли испанцам одержать победу и захватить его в плен. Прибытие правителя Перу в испанский лагерь предоставит наилучшую возможность для захвата именитого пленника. Поможет неожиданность. Отчаянная решимость сыграет свою роль там, где осторожность бессильна, и горстка отважных одолеет целую армию. Когда инка будет в руках испанцев, последние смогут диктовать свою волю всей стране.

Конкистадоры провели беспокойную, полную тревог и опасений ночь. Писарро приказал неусыпно охранять все подступы к городу и выставил посты, которые бдительно следили за лагерем инки. А там, в палатках, безмятежно спали воины, и не подозревая, вероятно, о грозящей опасности. Им ли было бояться горсточку чужеземцев?

Но, кто знает, может быть, перуанцев и их правителя, тоже мучили опасения и мрачные предчувствия? Ведь белые люди владели оружием более грозным, чем перуанские пики с медными наконечниками, стрелы и короткие мечи — у них было огнестрельное оружие, стальные латы, мечи и копья. От стальной брони индейские копья и стрелы отскакивали, не причиняя людям никакого вреда. А металлические палки конкистадоров, извергающие огонь, сеяли смерть и грохотали, как спрятавшиеся под землей злые, разгневанные боги, которые шатают горы и выбрасывают из них клубы дыма и языки огня. Невиданный зверь, послушный только белому человеку, мчится быстрее ветра и давит людей железными подковами.

Утром взошло яркое солнце. Начался новый день — 16 ноября 1532 года, знаменательный день в истории Перу. На заре громкие звуки труб призвали конкистадоров к оружию. Писарро обратился к солдатам, ознакомил их с разработанным планом нападения и отдал соответствующие распоряжения.

Площадь с трех сторон замыкали низкие просторные здания с широкими воротами. В этих зданиях главнокомандующий разместил два конных отряда под командованием Эрнандо Писсаро и де Сото, а также отряд пехотинцев. Себе он отобрал двадцать испытанных воинов. Два орудия были установлены в крепости.

Никто не смел покинуть свой пост, пока инка и его свита не вступят на площадь. Сигналом к нападению должен был послужить выстрел из орудия, после которого конкистадорам с боевым кличем надлежало выскочить из своих укрытий, наброситься на охрану инки, перебить ее, а самого властителя захватить в плен. Писарро велел быстро и точно выполнять каждый приказ, сам проверил оружие воинов и распорядился, чтобы к удилам коней были подвешены колокольчики — их звон внушит индейцам еще больший страх.

После этого солдатам было выставлено богатое угощение, священники отслужили торжественный молебен, призывая на испанцев благословение небес, а хор христового воинства пел: «Восстань, о господи, и соверши свой труд!» Конкистадоры, расставив ловушку на крупную дичь, просили всевышнего благословить это черное, кровавое дело. Каждый из них верил, что он идет в бой

во имя креста господня. Историк У. Прескотт, написавший монументальный труд о завоевании Перу (в котором использованы уникальные документы и хроники), добавляет, что испанцев можно было бы счесть за мучеников, готовых отдать жизнь во имя истинной веры, если бы они не были бандой отчаянных авантюристов, готовивших презреннейшее предательство.

ТРАГЕДИЯ КАХАМАРКИ

День тревог и ожиданий. — Вежливость превыше осторожности. — Проповедь доминиканца Вальверде. — «Я не желаю кому-либо подчиняться и отказываться от веры отцов.» — Жестокое побоище. — Сын Солнца в плену у конкистадоров

Близился полдень, когда в лагере инки, наконец, началось оживление. Гонцы Атауальпы сообщили, что Атауальпа прибудет в город в сопровождении вооруженных воинов, точно так же, как это сделали вчера испанцы. Пусть командующий пришлет к инке какого-нибудь христианина, чтобы тот проводил его сюда.

Писарро хладнокровно выслушал это не очень-то приятное сообщение и просил передать инке, что в любом случае примет его как друга и брата, но прислать сопровождающего отказался.

Только в полдень войско инки направилось к Кахамарке. Впереди шло множество служителей. Паланкин, в котором несли инку, сопровождала свита придворных. Войско, разделенное на небольшие отряды, двигалось колоннами по обе стороны дороги, на сколько хватал взгляд. Неподалеку от города шествие внезапно остановилось. Атауальпа сошел с носилок и приказал поставить шатер. Пораженный Писарро увидел, что повелитель Перу собирается разбить здесь лагерь.

Вскоре в Кахамарке появился гонец с известием, что инка решил провести ночь вне города, а к испанцам прибудет только на следующее утро. Писарро растерялся: ценную добычу придется сторожить и ночью — всю ночь воинам придется не выпускать из рук оружие. А они и так

с рассвета стоят в полном вооружении возле оседланных лошадей и напряженно ждут, томимые беспокойством. Такое ожидание было самым тяжелым испытанием для конкистадоров в их военных походах. Главнокомандующий опасался, что за ночь боевой дух наемников может испариться, и страх и мрачные предчувствия завладеют воинами.

Писарро ответил гонцу, что просит высокого гостя при-быть сейчас, он сторает от желания увидеть его. Тем бо-лее, что пиршественный стол уже накрыт и торжественное угощение готово. До утра оно испортится, и испанцы не смогут достойно принять великого властелина.

Вежливость оказалась сильнее осторожности, и Атауальпа, благосклонно восприняв столь сердечное приглашение, сообщил, что прибудет немедленно — к тому же без вооруженной охраны, чтобы доказать свое миролюбие. Пусть для него и его свиты приготовят один из домов на площади — так называемый Змеиный дом. «Разве это не указующий перст господен? Только он мог внушить инке столь безрассудную мысль!» — писал один из соратников Писарро.

Под вечер торжественная процессия вступила в Кахамарку. Впереди шло несколько сот слуг, очищая дорогу от сора и распевая победные гимны, «которые казались нам адской музыкой», говорится в одной из хроник. Повелителя несли в паланкине, украшенном драгоценными камнями, пучками ярких перьев, золотыми и серебряными пластинами. Инка, в роскошных одеждах, восседал на троне из чистого золота, сверкающего в лучах солнца. На шее властелина мерцало огромное изумрудное ожерелье. Его голова была украшена символом власти — красной повязкой и драгоценными украшениями.

Вокруг паланкина толпились придворные в золотых и серебряных доспехах, с золотыми коронами на головах. Вслед за Атауальпой несли еще два паланкина и два гамака с самыми знатными вельможами, шествие замыкали певцы и тащоры. Мелькали пестрые, красочные одежды, украшенные белыми и красными полосами и квадратами.

Вся это ярко разодетая толпа начала заполнять городскую площадь. Мог ли предполагать могущественный повелитель Перу, что это блестящее шествие является на

деле похоронной процессией, что идут они навстречу своей гибели?

Свита в удивительном порядке выстроилась вдоль домов, чтобы носильщики могли пронести своего повелителя через всю площадь. Скоро здесь собралось около пяти или шести тысяч перуанцев. Инка повелел носильщикам остановиться, в недоумении оглядел площадь и, не увидев ни одного испанца, спросил: «Где же чужеземцы?»

В этот момент навстречу инке вышел доминиканский монах, домашний священник Писарро Висенте де Вальверде, с молитвенником в одной руке и распятием — в другой. Его сопровождал переводчик Фелипильо.

Вальверде обратился к инке, сказав, что он слуга бога белых людей и проповедует им слово божие. И сюда он пришел для того, чтобы разъяснить истинную веру. Именно с такой целью испанцы прибыли в эту страну. Монах постарался как можно лучше изложить Атауальпе основы христианского вероучения, начав с сотворения мира, грехопадения первых людей и всемирного потопа. Он рассказал об Иисусе Христе, который искупил грехи человеческие, был распят на кресте и вознесен на небо. Христос оставил на земле своего наместника — апостола Петра. Преемники Петра — папы римские — люди мудрые и великодушные. Им дана власть над всеми повелителями и государствами мира. Папа, наместник бога на земле, поручил королю Испании, могущественнейшему властелину в мире, управлять всеми странами здесь, в Новом Свете, и проповедовать тут христианскую религию. Франсиско Писарро, испанский генерал, пришел, чтобы выполнить это поручение. Инка должен отказаться от своих заблуждений, от своих идолов, принять католичество и подчиниться испанскому королю как своему законному повелителю. Если инка сделает это добровольно и без промедления, король Испании возьмет государство Перу под свою защиту и позволит инке по-прежнему управлять страной. В случае отказа его ждет страшное и кровавое возмездие.

Вряд ли Атауальпа мог понять изложение основ христианства, потому что и у переводчика Фелипильо было об этом весьма туманное представление, да и испанский язык он знал весьма плохо, а следовательно, не мог связно перевести витиеватую речь монаха.

Инка, очевидно, решил, что белые пришельцы поклоняются нескольким богам — святой троице и какой-то святой деве. Бог то любил, то ненавидел людей, которых сам создал по своему образу и подобию и которых почему-то решил истребить, наслав на них всемирный потоп. Однако один хитрый человек обманул бога, построил огромный плот, спасся от потопа и снова народил много, много людей. Тогда бог послал на землю своего сына Иисуса Христа, но люди его убили. Вместо Христа был послан папа, которому бог дал власть над всеми странами.

Однако Атауальпа очень хорошо понял главное в длинной проповеди монаха: пришельцы выдвигают невиданно унижительные требования — инка должен признать своим господином чужеземного правителя и отказаться от веры своих отцов.

Побледнев от гнева, повелитель Перу воскликнул: «Я никому не желаю подчиняться и платить подати! Эти земли со всеми их богатствами издревле принадлежали инкам. Я могущественнее любого другого правителя на свете. Ваш король, наверное, великий государь; я не сомневаюсь в этом, видя, что он послал своих подданных так далеко за море, и я готов считать его своим братом, но не господином. Что же касается папы, то он, должно быть, слабоумный, если раздаст земли, которые ему вовсе не принадлежат! Ни папа, ни какие-то апостолы не имеют права дарить кому-нибудь чужие земли. А от своей веры я не откажусь. Вашего бога, как здесь говорилось, убили те самые люди, которых он сотворил. Мой бог, — и Атауальпа показал в сторону солнца, которое в этот момент садилось за горную цепь, — все еще обитает на небе и смотрит вниз на своих детей, даря нам свою милость. Зачем я стану менять живого бога на мертвого?»

Атауальпа спросил у Вальверде, кто дал ему право болтать всякую чепуху, откуда он почерпнул свои рассказы.

Монах показал на книгу, которую держал в руке, — там, в этом божественном откровении, написано все, о чем здесь говорилось. Атауальпа потребовал показать ему этот предмет. Монах протянул инке книгу с металлическими застежками; инке не сразу удалось ее открыть. Вальверде хотел помочь ему, но Атауальпа гневно ударил его по руке и все-таки раскрыл книгу сам. Казалось,

он ничуть не удивился ни бумаге, ни чужой письменности. Полистав страницы, инка сердито бросил книгу на землю, воскликнув: «Скажите вашим спутникам, что им придется ответить за все, что они содеяли в моей стране, за обиды, причиненные моим касикам, за разграбленные жилища моих людей. Я не уйду отсюда, пока они не дадут мне полного удовлетворения за все несправедливости и обиды, в которых они повинны!»

Возмущенный монах поднял брошенную на землю книгу и кинулся к Писарро, выкрикивая на бегу: «Разве вы не видите, что поля полнятся индейцами, пока мы здесь, не переводя дыхания, спорим с этим кичливым языческим псом? Уничтожайте их! Я даю вам отпущение грехов!»

Писарро понял, что пришло время действовать. Он взмахнул белым платком — это был сигнал к'нападению. В крепости прогрехотали пушечные выстрелы, загремели барабаны, загудели трубы, раздался залп из аркебуз. Писарро и его люди с криками «Сант-Яго с нами!» и «Бейте их!» бросились на площадь. Боевой клич подхватили все испанцы: и пехотинцы, и всадники, которые выскочили из своих укрытий и врезались в пораженную толпу индейцев.

На площади началась неопикуемая паника. Звуки выстрелов отражались в улицах громовым эхом, из ружейных стволов вырывались языки огня, дым клубился над площадью. Индейцы в ужасе бросились бежать, не зная, где искать спасения. Всадники настигали и затаптывали бегущих. Индейцы даже не пытались сопротивляться, к тому же большинство из них были без оружия.

Правда, один из хронистов упоминает, что индейцы, отправляясь в Кахамарку, надели под обычную одежду толстые доспехи из стеганого хлопка, защищавшие от стрел, что они тайно принесли с собой пращи и мешки с камнями, а также ремни, чтобы связывать пленных испанцев. Однако нет никаких данных о том, что перуанские воины использовали оружие.

А испанские мечи делали свое страшное дело. Вход на площадь был завален горами трупов, что затрудняло бегство, повсюду струились потоки крови. Оставшиеся в живых в безумном страхе бросились к стене, которая в проемах между домами ограждала площадь, и пробили

в ней брешь шириной около ста метров. Сюда и устремилась толпа, но всадники настигали бегущих и безжалостно рубили их.

Атауальпа, сознавая свое бессилие, словно окаменев, взирает на это ужасное побоище. Вокруг носилок толпились приближенные, собственным телом прикрывая повелителя. Они бросались на нападающих, пытаясь голыми руками стащить с коней закованных в латы всадников, и подставляли грудь под мечи и копья, чтобы ценой собственной жизни спасти инку.

В сумятице боя носилки раскачивались над головами людей, как корабль в бушующем море: вокруг ревут волны, сверкают молнии, грохочет гром, а мореплаватели бессильно взирают на разгул стихий.

Несколько всадников пыталось пробиться к инке и заколоть его. Они боялись, как бы ему не удалось скрыться — солнце клонилось к горизонту, и на землю опускалась ночь. Увидев это, Франсиско Писарро бросился в гущу схватки, восклицая громовым голосом: «Никто, кому дорога жизнь, не смеет коснуться инки!» Атауальпу любой ценой надо было взять живым, в противном случае рухнул бы весь тонко задуманный план. Писарро протянул руку, чтобы уберечь инку, и в этот момент на нее опустился меч одного из испанцев. То была единственная рана, полученная конкистадорами в этом бою.

Схватка вокруг носилок вспыхнула с новой силой. Когда были убиты вельможи, державшие носилки, те опрокинулись. Писарро за волосы вытащил Атауальпу из паланкина и бросил его на землю. Один из воинов сорвал с инки красную головную повязку — символ верховной власти. Рассказывают, что он долго хранил ее в память об этом событии. Высокородного пленника, с которого были сорваны все одежды, заточили в одно из зданий на площади, выставив стражу.

Весть о пленении инки быстро распространилась. Перуанцы спасались, кто как мог. Паника охватила военный лагерь — войско разбежалось, как стадо овец. Сколь могущественны должны быть белые люди, если какая-то горсточка их смогла захватить в плен живого бога, сына Солнца! Один из индейских вельмож впоследствии сказал об этом: «Что удивительного в том, что наши люди потеряли голову, увидев, как потоками льется кровь и божественный инка попадает в плен!»

Утомленные кровавым побоищем, испанцы стали брать пленных. Сражение продолжалось немногим более получаса, но за этот короткий срок была решена судьба Перу и свергнуто господство инков. По данным различных источников, в этой хладнокровно запланированной, кровавой бойне погибло до десяти тысяч перуанцев, в плен было захвачено около трех тысяч. Испанцы не понесли никаких потерь, если не считать случайно раненного главнокомандующего.

Это была блестящая победа. Как тут не сослаться на милость божию? Хронист Наарро даже утверждал, что во время побоища над Кахамаркой видели чудесное знамение, которое окончательно запугало индейцев. На небе появилась светящаяся женщина с ребенком на руках и возле нее всадник в белых одеждах на белом боевом коне — отважный воитель святой Яков, защитник испанцев на поле битвы. Своим пылающим мечом он поразил неверных и сломил их сопротивление. Это чудо засвидетельствовали три брата монашеского ордена, а впоследствии его подтвердили и многие индейцы.

ИНКА В ПЛЕНУ

Атауальпа на пиру победителей. — Богатая добыча. — Инка — волшебный ключ в руках завоевателей. — Сыновья Виракочи — ненасытные грабители. — Если бы за золото можно было купить свободу! — Пленник все еще правит. — Смерть Уаскара

Наступила ночь. Бой кончился, и только красный, тревожный свет факелов озарял мертвые тела на площади Кахамарки. В одном из просторных зданий конкистадоры усаживались за пиршественные столы, вознося хвалу господа за дарованную им блестящую победу.

Писарро посадил рядом с собой высокородного пленника, которому предварительно дали новую одежду взамен разорванной. Инка, казалось, не осознал еще всего трагизма своего положения, или же, напрягая всю силу воли, старался выглядеть спокойным. Он почти не при-

тронулся к еде и питью — темно-красное испанское вино в украденных золотых кубках казалось кровью.

Испанский военачальник лицемерно утешал своего пленника. Инке нечего стыдиться. Его постигло несчастье потому, что он с оружием в руках выступил против белых людей. Испанцы явились в эту страну проповедовать Христово учение и нет ничего странного в том, что они победили, ибо их охраняла десница истинного бога. Небеса хотели, чтобы надменный языческий повелитель был унижен за враждебное отношение к испанцам и оскорбление священной книги. «Христианский бог наказал тебя и предал в наши руки. Однако не бойся ничего, испанцы великодушны и не мстят врагам. Победенных мы щадим и воюем только с теми, кю сам объявляет нам войну. Мы и тогда не губим врагов, когда они в наших руках, мы их прощаем».

Ведь испанцы отпустили на свободу касиков, взятых в плен под Тумбесом и в других местах, хотя те заслуживали смерти, ибо с оружием в руках напали на белых. Однако они спасли себе жизнь, дав обещание не делать больше зла ни одному христианину. Так же поступают и с инкой.

Атауальпа, слушая эти лицемерные речи, мог бы возразить, что недавнее побоище никак не свидетельствует о милосердии, однако он притворился беззаботным и согласился, что стал жертвой изменчивого военного счастья. Инка будто бы удивлялся даже, как ловко захватили его испанцы на глазах у всего войска. Он упомянул о том, что ему было известно о высадке испанцев на побережье Перу и о всех их действиях, однако он не считал их серьезным противником. Он мог бы легко разделаться с пришельцами еще тогда, когда они перебирались через горы, но ему хотелось собственными глазами увидеть, что это за люди. Поэтому он и позволил им зайти в глубь страны, чтобы затем захватить их оружие и лошадей, а их самих убить.

Однако маловероятно, чтобы мудрый правитель, находясь в плену, так откровенно говорил о своих тайных планах. Испанские историки, искажая факты, всячески старались обвинить Атауальпу в предательстве, кровожадности и коварстве, чтобы снять с конкистадоров ответственность за вторжение в чужую страну, гнусное предательство по отношению к инке и последующие зверства.

Перед тем как отправиться на отдых, Писарро обратился к солдатам и поздравил их с победой — чудом, которое даровали им силы небесные. Они берегут жизни испанцев для свершения великих деяний. Солдаты должны быть бдительны, патрули и посты пусть внимательно следят за окрестностями и никто не забывает, что испанцы зашли далеко в глубь могущественной страны. Враг еще не разгромлен, он силен и коварен, и в любую минуту может прозвучать сигнал тревоги. Однако перуанские воины вовсе не думали о нападении, с гор доносились только жалобные причитания. Индейцы оплакивали своего повелителя.

На следующее утро Писарро приказал с помощью пленных собрать и закопать убитых, которых испанцы уже успели ограбить, сорвав с них украшения и дорогие одежды.

Около тридцати всадников отправились к горячим источникам, в летнюю резиденцию инки, чтобы захватить богатую добычу, уничтожить брошенное оружие и рассеять войска, которые еще оставались там. Они нигде не встретили никакого сопротивления — воины инки, молодые, сильные, хорошо вооруженные, после пленения своего повелителя окончательно пали духом. Они лишились полководца, который мог бы повести их в бой.

Испанцы вернулись с огромной добычей и пленными. Конкистадоры только диву давались при виде тяжелых золотых и серебряных сосудов, блюд, кубков, жаровен и других вещей, которыми пользовался инка и его вельможи. Поразили их и четырнадцать огромных изумрудов. Золота было на восемьдесят тысяч песо, серебра — на семь тысяч марок (стоимость одной серебряной марки — 230 граммов золота). Привезенные сокровища прекрасно дополнили тот набор награбленных драгоценностей, которыми уже владели испанцы.

В самом городе конкистадоры обнаружили склады, забитые до потолка тончайшими, прекрасно окрашенными шерстяными и хлопчатобумажными тканями. Каждый испанский солдат мог брать их столько, сколько хотелось, но запасы не уменьшались — тканями можно было нагружить несколько кораблей.

Грабители обшаривали жилые дома в Кахамарке, забирая все, что попадалось под руку. Они грабили тех, кого привели из летней резиденции инки. Богатая добыча

досталась испанцам и в храмах. Но это только разжигало их жадность.

Неподалеку от горячих источников испанцы обнаружили огромные стада лам — «перуанских овец», как их называли завоеватели. Конкистадоры сгоняли в город этих тщательно охранявшихся животных и иногда забивали до ста пятидесяти голов в день.

Пленных было столько, что испанцы не знали, как с ними поступить — то ли убить их, то ли отрубить им руки, чтобы они не могли причинить вреда, и заодно запугать этим всю страну.

Но Писарро поступил умнее. Пленников согнали на площадь, и каждый христианин мог выбрать себе слуг и служанок. Остальных отпустили, велел им оповестить всех жителей, что в Перу пришли могущественные белые люди, которые обещали никому не делать зла и которые будут теперь здесь править.

Сам повелитель — сапа инка — остался в плену и стал волшебным ключом в руках завоевателей. С помощью этого ключа можно было отпереть любую дверь, исполнить любое желание, покорить всю огромную страну.

Писарро охотно отправился бы в Куско — столицу Перу, но путь был слишком долг, а войско слишком малочисленно. Рискованно было двигаться еще дальше в глубь неизведанной страны, имея при себе столь ценного заложника. Не попытаются ли перуанцы освободить его? Любой ценой надо было получить подкрепление с побережья. В Сан-Мигель помчались гонцы с известием о победе, они же должны были выяснить, когда придут корабли из Панамы.

В ознаменование победы Писарро распорядился построить церковь на площади Кахамарки. За четыре дня конкистадоры обнесли эту площадь валом высотой в двенадцать футов, чтобы оградить себя от внезапного нападения.

В Кахамарку были согнаны слуги инки, придворные и его многочисленные жены. Все они умоляли допустить их к повелителю, так как жизнь их с самого рождения посвящена служению инке — в противном случае они обречены на смерть.

Двум десяткам человек Писарро разрешил находиться при пленнике, остальных прогнал, и вскоре те покончили с собой. Вождь конкистадоров старался как можно любез-

*Дом в Кахамарке, где содержался в заключении Атауальпа
(со старинной гравюры)*

нее обращаться с Атауальпой, чтобы не подорвать его авторитет, — ведь для испанцев он был залогом их власти.

Взглянуть на плененного властелина и белых чужестранцев приходили тысячи людей из окрестных городов и селений. В их сознании не укладывалось, как может сын Солнца оказаться в плену, поэтому каждый испанец вызывал суеверный страх. Страх и отчаяние царили во всем Перу. Страна инков была похожа на смертельно раненное животное, ждущее рокового удара. Хорошо налаженный государственный аппарат действовал по-прежнему, каждое слово инки, каждое его распоряжение все еще считалось законом. Но инка находился в плену у чужезмцев, и перуанцам, так же как недавно ацтекам в Мексике, казалось, что эти белые, бородатые люди ведут свое происхождение от богов, являются их посланцами. Не случайно посол Атауальпы, приветствуя Писарро сразу же после прибытия того в Кахамарку, благоговейно опустился перед ним на колени и, коснувшись лбом земли, назвал его «сыном Виракочи». Виракочу перуанцы почитали как бога небес, громовержца и пастыря облаков, родившегося из пены морской. Его изображали бледнолицым и с длинными золотистыми волосами. Выстрелы из аркебуз и пушек казались раскатами грома, и это, так

же, как внезапная победа испанцев, укрепило представление о них, как о сынах Виракочи.

Августейший пленник с удивлением наблюдал, с какой жадностью смотрели на золото эти бородатые пришельцы, как трясущимися руками ощупывали они каждый блестящий предмет. И инка понял, что бог белых людей вовсе не Иисус Христос, пресвятая богородица или Сант-Яго, а сверкающий желтый металл, что захватчики жаждут золота, что ради него они готовы растерзать друг друга, что нет на свете ничего такого, чего бы они не променяли на золото. Но как можно терять рассудок и превращаться в диких зверей из-за такой несостоящей вещи — инка понять не мог.

А что если в обмен на золото они вернут ему свободу? Медлить нельзя. Неподалеку отсюда, в Андрамарке, находится в заключении его брат — свергнутый инка Уаскар, законный претендент на власть, который может использовать пленение своего соперника, подкупить стражу, выйти на свободу и снова занять трон.

Атауальпа мог бы найти способ тайно передать своим войскам приказ напасть на испанцев, но он колебался, то ли боясь за свою жизнь, то ли помня роковое пророчество о гибели государства инков. Страх и мрачные предчувствия парализовали волю пленника. У него оставалась только одна надежда на выкуп. Золото могло открыть двери его тюрьмы. И Атауальпа намекнул Писарро, что может устлать пол своей комнаты золотом, если ему дадут свободу. Испанцы этому не поверили. Тогда пленник с подчеркнутой серьезностью заявил, что он всю комнату наполнит золотом на высоту вытянутой руки. При этих словах он поднялся на носки и рукой показал, до какого уровня будет заполнена комната.

Присутствовавшие с удивлением взглянули на инку — им это казалось пустой похвальбой. Чего только не обещают пленники, стараясь вернуть себе свободу!

Писарро колебался, раздумывая об этом предложении. А Атауальпа рассказывал ему о богатой столице Куско, где стены храмов покрыты золотыми плитами, а пол выложен золотыми кирпичами. Следовало бы завладеть этим золотом, раз уж оно само шло в руки испанцев, прежде чем туземцы его не припрятали...

В конце концов Писарро решил принять предложение пленника и провел красную черту на высоте девяти фу-

тов. Помещение, в котором содержался инка, имело в длину двадцать два и в ширину около семнадцати футов (6,7х5,2 м). Все это пространство следовало заполнить золотом, но обе стороны пришли к соглашению, что золотые сосуды, статуи, вазы и другие изделия не будут предварительно переплавляться в слитки. Кроме того, инка взялся дважды наполнить серебром соседнее, несколько меньшее помещение. Был установлен срок в два месяца.

Никто не верил, что инка сдержит свое обещание. Оттого-то Писарро так уверенно обещал ему свободу. Нотариус составил акт о заключенной сделке. Документ был скреплен королевской печатью.

Сразу же после этого Атауальпа разослал гонцов во все крупнейшие города Перу с приказом изъять из казны золото и серебро, снять в храмах золотые плиты, собрать драгоценные сосуды и украшения и все это доставить в Кахамарку. Одно только золото должны были нести около двух тысяч человек.

Писарро поинтересовался, за какое время гонцы достигнут Куско. Инка ответил, что в срочных случаях гонцы, меняясь на каждой станции, доставляют сообщение в столицу за пять дней. Одному человеку требуется на это пятнадцать дней.

В плену инка пользовался известной свободой — ему отвели несколько удобных помещений, которые, конечно, строго охранялись. У знатного пленника могли находиться его любимые жены и вельможи. Он развлекался игрой в кости и шахматы — этим играм его научили испанцы. Инка пользовался золотой и серебряной посудой, одежды из тонких шерстяных тканей он менял каждый день.

Пленник мог принимать посетителей, и его все время навещали представители знати. Прежде чем переступить порог комнаты, они снимали сандалии, взваливали на плечи какую-нибудь ношу и, низко склонившись, целовали руки, ноги и край плаща своего повелителя. Безоружный пленник все еще правил огромной страной.

Хронисты рассказывают, что Писарро и патер Вальверде пытались склонить Атауальпу к принятию христианства. Инка делал вид, что внимательно слушает священное писание, но чужая религия его мало трогала.

Уаскар все еще находился в заточении. Узнав, что испанцы захватили его соперника и согласились освобо-

CONQUISTA PRESO ATAGVALPAÏGA

Атауальпа в плену (из хроники Помы де Айялы)

дить его в обмен на золото, он сумел сообщить Писарро, что даст ему вдвое больше сокровищ, если испанцы убьют Атауальпу. Последний вовсе не является законным правителем Перу, никогда не жил в Куско и не знает, где находятся неисчислимые богатства.

Атауальпа, видимо, узнал об этом предложении, да и Писарро сказал ему, что собирается привезти Уаскара в Кахамарку, чтобы разобраться в споре обоих претендентов на трон и решить, у кого из них больше прав управлять страной. По свидетельству хронистов, Атауальпа отправил своим сторонникам тайный приказ убить брата, дабы избавиться от опасного соперника. Уаскар, законный наследник перуанского престола, был утоплен в реке Андрамарке. Перед смертью он якобы воскликнул, что белые люди отомстят за его смерть и соперник проживет недолго.

Писарро не хотел верить известию о смерти Уаскара — ведь поднять руку на брата повелителя Перу можно было только по распоряжению инки. Однако доказать, что Атауальпа ответствен за это убийство, испанцы не могли, а сам он утверждал, что Уаскар был убит стражей без ведома его, Атауальпы.

Смерть Уаскара была на руку конкистадорам. Погиб человек, который, оказавшись он на свободе, мог бы организовать сопротивление завоевателям.

НОВЫЕ ГРАБИТЕЛЬСКИЕ ПОХОДЫ

Эрнандо Писарро получает возможность отличиться. — Храм Пачакамаки. — Чалкучим попадает в плен. — Испанские послы в столице Перу. — Разграбление храмов. — Отряды Альмагро прибывают в Кахамарку

Прошло несколько недель с тех пор, как гонцы Атауальпы отправились за серебром и золотом. Но расстояние было велико, а груз тяжел, поэтому конкистадорам казалось, что сокровища прибывают слишком медленно. Их жадность и нетерпение росли день ото дня. Они даже стали подозревать, что пленник нарочно медлит и хочет связаться с отдаленными районами, чтобы поднять там восстание.

Писарро рассказал инке о своих подозрениях и даже назвал место, где якобы собираются силы мятежников — ближайший к Кахамарке город Гуамачучо. Атауальпа

с негодованием отверг необоснованное обвинение. «Никто из моих подданных не осмелится без моего разрешения не только взяться за оружие, но даже шевельнуть пальцем. Ведь я же в вашей власти. Разве вы не вольны над моей жизнью, и может ли быть лучшее ручательство моей верности?»

Носильщики с тяжелым грузом золота пробудут в пути несколько недель. Испанцы могут послать в Куско своих людей. Инка снабдит их приказом ко всем начальникам провинций, чтобы те беспрекословно выполняли любое распоряжение испанцев. Белые люди увидят собственными глазами, что никто не готовит нападения и что слуги инки не задерживают доставку золота.

Франсиско Писарро принял это предложение и отправил своего брата Эрнандо Писарро с двадцатью всадниками и отрядом пехоты в Гуамачучо. Испанцев встретили очень гостеприимно. Убедившись, что в городе царят мир и покой и нет никаких признаков готовящегося восстания, они, согласно приказу главнокомандующего, отправились дальше, в Пачакамаку — город на океанском побережье, расположенный на несколько сот лиг южнее Кахамарки. Переход через горные перевалы и плоскогорья был очень тяжелым. К счастью, на значительном отрезке пути испанцы могли воспользоваться дорогой, которая вела в Куско. Эрнандо Писарро с восторгом заметил, что в «христианском мире ничто не может сравниться по красоте с этой великой дорогой через Сьерру». Местами в крутых склонах были вырублены ступени, а на обочинах сложены из камней оградительные барьеры. Через реки были перекинуты деревянные, а иногда и каменные мосты. В некоторых ущельях неслись такие бурные потоки, что через них можно было перебросить только подвесные мосты, выглядевшие столь непрочными, что зачастую испанцы долго колебались, прежде чем ступить на них. Длинные, гибкие, они раскачивались так, что у испанцев кружилась голова при взгляде на клокочущий поток. Но эти легкие сооружения выдерживали значительную нагрузку, и переправа проходила благополучно.

В горах индейцы пасли огромные стада лам, за которыми заботливо ухаживали и регулярно перегоняли с одного пастбища на другое. В густонаселенных районах плоскогорья было много поселков и городов, жители которых занимались земледелием. В долинах с мягким теп-

лым климатом цвели и благоухали яркие тропические растения. Как на равнинах, так и на склонах гор были созданы прекрасные оросительные системы, на террасах здесь выращивали богатый урожай кукурузы, фруктов и овощей.

Согласно приказу инки, завоевателей повсюду встречали очень дружелюбно, пели в их честь песни, танцевали, предоставляли им ночлег, снабжали продовольствием и чичей, обеспечивали носильщиками.

Наконец, через несколько недель Эрнандо Писарро достиг города Пачакамака. Здесь, кроме храма Солнца, был воздвигнут храм и в честь бога Пачакамака, творца вселенной. Сюда стекались паломники со всего Перу — так велика была его известность. Когда инки завоевали эту область, они нашли здесь множество жертвенников, посвященных Пачакамаку, и сочли за лучшее не запрещать культ этого бога.

Огромное каменное здание храма походило на крепость, но имело легкую соломенную крышу для защиты от солнца — дожди здесь были редкостью.

Перуанцы верили, что никто, за исключением жрецов, не может войти в алтарное помещение храма, где находилось изображение бога — творца вселенной. Решившийся на это святотатство тут же умрет. Когда Эрнандо Писарро решил проникнуть в храм, стража попыталась его задержать. Конкистадор грубо растолкал ее, воскликнув, что он проделал такой долгий путь не для того, чтобы считаться с какими-то индейскими жрецами. Испанцы силой прорвались через ворота и оказались на широкой площади. Здесь на возвышении и находился храм. Его двери были украшены кораллами и бирюзой. Здесь снова индейцы преградили путь чужеземцам.

В этот момент началось землетрясение. Мощный подземный толчок пошатнул стены храма. Индейцы, хорошо знавшие страшную силу андских землетрясений, в паническом страхе разбежались. Они не сомневались, что разгневанный бог погребет под развалинами или же поразит молнией незваных пришельцев.

Эрнандо Писарро бесстрашно распахнул двери храма и оказался со своими людьми в небольшом темном помещении, а вовсе не в украшенном серебром и золотом зале, как ожидали испанцы. Пол и стены пахли кровью — здесь приносили жертвы богу. Его изображение —

ужасная деревянная статуя с человеческой головой — находилось в далеком конце помещения. Испанцы вытащили ее на площадь и изрубили на мелкие куски. Но земля не разверзлась и не поглотила дерзких пришельцев. И тогда индейцы решили, что белые воины сами являются то ли богами, то ли сыновьями какого-то бога и сопротивляться им бесполезно. На испанцев стали смотреть с суевренным страхом, как на сверхъестественные существа.

Воспользовавшись этим, конкистадоры соорудили в храме каменный крест и стали склонять индейцев к переходу в христианство. Но не забывали они и о земных делах, стараясь собрать как можно больше золота. Однако жрецам, узнавшим об их замыслах, удалось закопать большую часть сокровищ, и разыскать их удалось лишь много лет спустя.

И все же добыча Эрнандо Писарро составила почти восемьдесят тысяч песо де оро (около 380 кг золота). Это была огромная сумма, которая вполне могла бы окупить все трудности похода, если бы золото уже не стало для испанцев чем-то обычным.

Находясь в Пачакамаке, Эрнандо Писарро узнал, что неподалеку от города Хаухи с тридцатипяти тысячной армией стоит опытный военачальник Чалкучим. Конкистадоры решили захватить его и увести в Кахамарку. Несколько раз они приглашали полководца на переговоры, но он, опасаясь вероломства, отказывался. Тогда испанцы через горы двинулись на Хауху. Дорога оказалась еще труднее, чем прежде. На горных перевалах часто шел снег, а подковы лошадей совсем истерлись на каменных тропах. Железа не было, и Эрнандо Писарро велел подковать лошадей серебряными подковами.

Город Хауха, по свидетельству хронистов, красивый и большой, с длинными прямыми улицами, был расположен в густонаселенной, плодородной равнине с мягким климатом. Вокруг раскинулись многочисленные селения.

В Хаухе Писарро еще раз пригласил Чалкучима на переговоры. На этот раз полководец с роскошной свитой прибыл в испанский лагерь. Командир конкистадоров приказал ему именем инки собрать как можно больше золота и вслед за испанцами двинуться в Кахамарку.

Узнав о пленении Атауальпы, Чалкучим решил было освободить инку, однако, не зная, как отнесется к этому

повелитель, так ничего и не предпринял. Теперь он последовал за белыми пришельцами, а его войска, оставшись без командующего, разбежались — так же, как армия Атауальпы; конкистадоры без боя одержали еще одну важную победу. По распоряжению Чалкучима его люди собрали и несли с собой тридцать нош золота и сорок нош серебра.

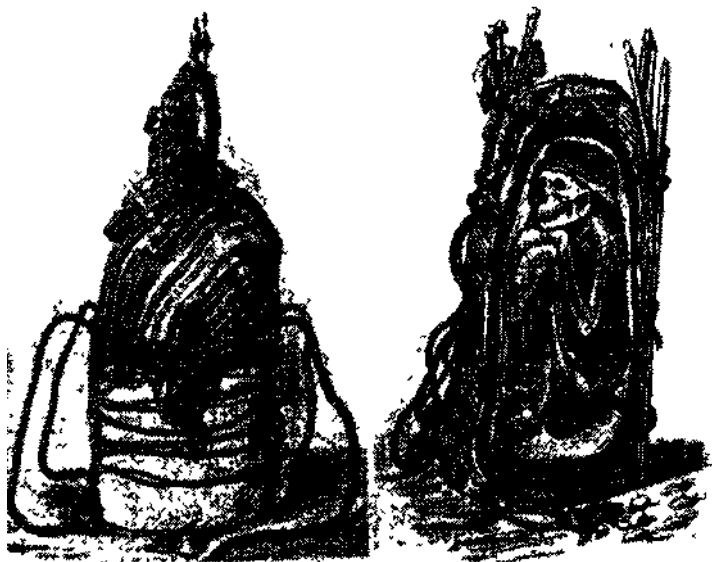
Вельможи почтительно несли на носилках пленного полководца, и в пути народ приветствовал любимца инки. Но весь блеск Чалкучима померк в ту минуту, когда он предстал перед Атауальпой — босой, с ношей на плечах. Увидев своего повелителя, старый воин воздел руки к небесам и воскликнул: «Будь я здесь, этого бы не случилось!» Упав на колени, он горько рыдал и целовал руки и ноги инки, Атауальпа, напротив, не выказывал никакой радости и держался с Чалкучимом властно и холодно, как с остальными подданными. А те даже пленному повелителю оказывали прежние почести и взирали на него как на бога.

Во второй половине мая вернулись три испанских посла, ездившие в Куско. Весь долгий путь они проделали в гамаках или на носилках. Индейцы-носильщики сменялись через определенное расстояние, так что послы путешествовали со всеми возможными удобствами. Всюду их приветствовали так, словно они были высшими существами. В Куско испанцев поместили в роскошных жилищах и исполняли каждое желание пришельцев.

Послы пробыли в столице более недели, но все-таки не успели осмотреть весь город — настолько он был велик и богат. В замечательных дворцах и храмах хранились неисчислимые сокровища.

Храм Солнца был облицован золотыми плитами как снаружи, так и внутри. Золото, серебро и драгоценные камни украшали двери и стены храма. В большом зале в золотых креслах покоились мумии бывших повелителей страны. Были в Куско и покинутые, безлюдные дворцы, куда, по индейским поверьям, являлись в полночь духи предков, чтобы вкушать яств с золотых блюд.

В садах, окружающих храмы и обители дев Солнца, рядом с настоящими цветами и деревьями качались на литых серебряных стеблях золотые початки кукурузы. Золотые птицы и всевозможные звери с изумрудными глазами отражались в прохладных водах ручьев.

Перуанские мумии, найденные в гробнице (со старинной гравюры)

Увидев бесчисленные сокровища и опьянев от всеобщего поклонения, конкистадоры — грубые, необразованные наемники — начали относиться не только к простым индейцам, но и к людям знатным с величайшим презрением. Они дошли до того, что ворвались в одну обитель и стали приставать к девам Солнца. За подобное преступление грозила смертная казнь, но послов охраняло распоряжение инки.

Послы приказали снять со стен храма Солнца золотые плиты и выломать карниз с золотыми украшениями. Индейцы громко роптали — пришельцы оскверняют гордость и славу Куско — главный храм Солнца.

По рассказам хрониста, в одном здании — длиной в триста шагов — пол был выложен золотым паркетом. Из него взяли семьсот плиток стоимостью по пятьсот песо каждая. Из другого дома вынесли золота примерно на двести тысяч песо.

Целый караван индейцев доставил эти сокровища в Кахамарку. Их перепись длилась целый месяц. Атауальпа с удовлетворением наблюдал, как растет гора драгоценного металла и приближается час его освобождения.

Но тут случилось непредвиденное. В Кахамарку прибыл Альмагро со значительными подкреплениями. С большим трудом ему все-таки удалось завербовать в Панаме сто пятьдесят человек и нанять три корабля. В пути к флотилии присоединился парусник из Никарагуа, и в распоряжении Альмагро оказалось в общей сложности сто пятьдесят пехотинцев и пятьдесят всадников. Курс кораблям прокладывал опытный кормчий Руис. В конце декабря 1532 года флотилия Альмагро в полном составе достигла Сан-Мигеля. Там он узнал о невероятных приключениях Писарро, о пленении инки и огромном выкупе, который тот обещал.

В середине февраля 1533 года отряд Альмагро вступил в Кахамарку, и оба полководца на глазах у всех присутствующих сердечно обнялись, дав понять, что прежние разногласия забыты.

ДЕЛЕЖ ДОБЫЧИ

Что станут делать пришельцы с солнечным металлом? — Переплавка произведений искусства — Подарки испанскому королю. — Писарро и его братья захватывают львиную долю добычи. — Судьба инки

Атауальпа пришел в ужас, видя, что силы врага множатся. Именно в это время на небе появилась яркая комета, предвестница несчастья. И тогда инка сказал: «Такое же знамение видели на небесах незадолго до смерти отца моего Уайна Капаки!» Считалось, что комета предвещает смерть знатного человека.

С этого дня Атауальпа погрузился в мрачные размышления и перестал бороться с судьбой. Ему казалось, что на Перу напали духи тьмы, злые демоны, против которых он бессилен, что ему и его народу грозит неизбежная гибель. Чужестранцы опустошили казну, разграбили храмы

Перуанский сосуд с изображением мифического существа

и дворцы. Атауальпа же ничего не предпринимал. А ведь стоило ему шевельнуть пальцем — и сотни тысяч хорошо вооруженных воинов могли уничтожить их. Но он так и не сделал этого, очевидно, опасаясь за свою жизнь и надеясь на выкуп.

А в испанском лагере тем временем бушевали страсти. Часть солдат хотела немедленно получить свою долю добычи и вернуться домой, но большинство требовало сразу же двинуться в поход на Куско и захватить сокровища, а не прохлаждаться в Кахамарке и ждать, когда их принесут сами индейцы. А вдруг жрецы уже припрятали эти сказочные богатства? Нельзя подчинить эту страну, не захватив Куско.

Раздоры и разногласия не прекращались. Грабители боялись, что их обманут при дележе добычи, и требовали приступить к делу не медля.

Наблюдая за их ссорами и драками, инка понял, что желтый металл причиняет испанцам больше зла, чем хмельная чича индейцам. Но он не мог представить себе, что же будут делать пришельцы с золотом, которое так возбуждает их, вызывает такую вражду и ненависть. Ведь золото не годится в пищу, оно может только радовать глаз своим ярким блеском.

В конце концов Писарро решил приступить к дележу, хотя до красной отметки не хватало трех пядей. Все должно было делаться по чести и совести, каждому — от короля до простого наемника — причиталась строго определенная доля.

Но как разделить художественные изделия великолепной чеканки? И Писарро решает переплавить их в слитки, В печь бросают изображения ботов, жертвенные сосуды, блюда, кубки, чаши, вазы, подносы, подсвечники, светиль-

ники, браслеты, ожерелья, настенные украшения, статуэтки ягуаров, лам, горных орлов, попугаев, золотые колосья на серебряных стеблях и т. д. Для завоевателей важен был только вес, а не художественная ценность изделий.

Переплавку вели перуанские ювелиры — своими руками уничтожали они произведения искусства, создававшиеся годами. Изделий было столько, что эта разрушительная работа продолжалась целый месяц. Девять печей ежедневно давали золота на пятьдесят—шестьдесят, а иногда и на восемьдесят тысяч песо.

Правда, Франсиско Писарро лучшие предметы искусства на сумму в сто тысяч песо отобрал для испанского короля Карла V, чтобы тот воочию увидел, на что способны эти варвары и как богата завоеванная страна.

В Испанию с огромным количеством подарков и с известием о блистательной победе отправили Эрнандо Писарро. Его обязали нанять новые отряды солдат и выторговать новые привилегии, полномочия и высокие должности. Эрнандо был достаточно изворотлив и вполне подходил для этой миссии.

Когда переплавка была закончена, золотые и серебряные слитки взвесили и поставили на них королевское клеймо. Стоимость золота составила 1 326 539 золотых песо, то есть около 6,1—6,2 тонны золота (более 6 миллионов золотых рублей). Стоимость серебра определили в 51 610 марок (около 400 000 золотых рублей). Эта добыча в двенадцать—пятнадцать раз превысила стоимость сокровищ Монтесумы, захваченных Кортесом при завоевании Мексики. По утверждению американского историка У. Фостера, за инку было уплачено 20 миллионов долларов — это самый большой выкуп, известный в истории.

Раздел награбленного вызвал большие споры. Солдаты Альмагро требовали себе равной доли с воинами Писарро, так как в обоих отрядах было одинаковое число людей. «Конечно, — говорили они, — нас не было при захвате инки, но ведь и мы делали свое дело, охраняли вас, защищали ваши сокровища, и теперь вы можете двинуться дальше и упрочить свои завоевания. Это наше общее начинание, в котором участвовали все, и поэтому приобретенное надо разделить на равные части».

Но солдаты Писарро не соглашались. Они сами, без чьей-либо помощи взяли в плен Атауальпу и заключили с ним договор. В конце концов пришли к соглашению, что отряд Альмагро получит меньшую часть.

После торжественного богослужения в день святого Яго Писарро собрал солдат на площади и испросил благословения божия, чтобы по чести и совести справиться со своей задачей.

Прежде всего выделили пятую часть для короля. В нее вошли и те драгоценности, которые Эрнандо Писарро уже увез в Испанию.

Франсиско Писарро получил 57222 песо золота и 2350 марок серебра, ему достался и золотой трок инки стоимостью 25 000 песо. Его брату Эрнандо выделили 31 080 песо золота и 2350 марок серебра, Эрнандо де Сото — 17740 песо золота и 724 марки серебра. Большинство из шестидесяти всадников получили по 8800 песо золота и по 362 марки серебра, но некоторым дали больше, а кое-кому значительно меньше. Так же обстояло дело и с пехотинцами (всего их было сто пять человек) — часть получила по 4400 песо золота и 180 марок серебра (вполовину меньше, чем всадники), остальные — на четверть меньше. Не был забыт и всевышний — на церковь святого Франсиска, первый христианский храм, построенный по приказу Писарро в Кахамарке, выделили 2220 песо золота.

Солдаты могли быть довольны. Экспедиция оказалась не слишком тяжелой и продолжительной, не было ни кровавых сражений, ни бесконечных переходов, опасностей и невзгод. Кортесу в Мексике пришлось труднее, да и добыча была несравнимо меньшей.

Солдаты Альмагро получили в общем не более 20000 песо золота, а все колонисты Сан-Мигеля, среди которых было немало инвалидов, потерявших здоровье во время предыдущих походов, — ничтожную сумму в 15 000 песо.

В документах о разделе добычи ничего не говорится об Альмагро, который по условиям соглашения, должен был получить третью часть. Не упоминается и патер Луке. Правда, незадолго до этого он умер, но ведь священник представлял лицензиата Эспиносу, ссудившего деньги на организацию экспедиции. Нет никаких сомне-

нии, что Писарро и его братья захватили львиную долю добычи, и Альмагро, поняв, что его обманули, воспылил к ним жестокой ненавистью.

Некоторые конкистадоры, получив свою долю, стали просить, чтобы их отпустили домой. Писарро охотно пошел им навстречу. Он знал, что слухи о сказочных богатствах привлекают в Перу новые толпы наемников. Тем, кто возвращался в Сан-Мигель, Писарро дал лам и носильщиков — индейцев. Однако по дороге домой испанцам пришлось терпеть голод и жажду, а кое-кто потерял и свою добычу — некоторые индейцы скрылись вместе со своей ношей.

Теперь ничто не задерживало завоевателей, они могли двинуться в глубь страны и захватить ее столицу — Куско. Но что делать с Атауальпой? Отпустить на свободу этого могущественного государя, смертельного врага испанцев, который сейчас же соберет громадное войско? Оставить его в Кахамарке? Взять с собой? Не так-то легко охранять пленника. В первом случае пришлось бы дробить свои силы, во втором — перуанцы могли отбить его на каком-нибудь труднодоступном перевале.

Сам Атауальпа настойчиво требовал освобождения, хотя весь выкуп еще не был собран, да и вряд ли его удалось бы собрать, потому что жрецы, несмотря на приказ повелителя, стали прятать сокровища, чтобы те не достались белым пришельцам.

Писарро стал упрекать Атауальпу — комната ведь так и не была заполнена до красной черты. Пленник отвергал обвинение: белым людям следовало еще немного подождать, и золото было бы доставлено целиком.

Писарро знал, что делал — в последнее время носильщиков с грузом золота не пропускали в лагерь — вождю конкистадоров нужен был предлог, чтобы и дальше держать инку в плену.

Командующий во всеуслышание заявил, что освобождает пленника от всех обязательств, связанных с выкупом, но добавил, что инке придется остаться в плену до прибытия новых подкреплений из Панамы, иначе испанцы не будут чувствовать себя в безопасности. Это было еще одно предательство, и его осудили даже некоторые испанские офицеры, считавшие, что инка должен предстать перед судом короля.

Отношения между индейцами и испанцами с каждым днем ухудшались. Атауальпа не скрывал своего презрения к завоевателям, бесчестно нарушившим свои обещания. А те, в свою очередь, все чаще поговаривали о том, что пора этого язычника отправить в преисподнюю.

Писарро соглашался, но не хотел брать на себя ответственность за убийство инки. Кто знает, как расценят подобные действия при испанском дворе? Вдруг враги и завистники представят этот мудрый шаг в совершенно ином свете? Лучше всего обернуть дело так, будто смертной казни потребовали солдаты, а командующий не смог воспрепятствовать этому.

ПОДЛОЕ УБИЙСТВО

*«Разве я не жалкий пленник в твоих руках?» —
Документ, основанный на лжи. — Гнусный приговор. — «Великодушие» по-испански*

Чтобы расправиться с инкой, нужен был только предлог. И он нашелся — поползли слухи, будто индейцы организуют заговор против испанцев. В округе Кито, где родился Атауальпа, якобы уже собралось огромное войско — двести тысяч человек, и на помощь ему явятся еще тридцать тысяч кровожадных людоедов-карибов.

Эти слухи распространялись и враждебно относившимися к Атауальпе сторонниками Уаскара, которых в испанском лагере было немало. Пленника ненавидел и переводчик Фелипильо, индеец из Тумбеса. Он прельстился одной из жен Атауальпы, а по законам Перу за подобное преступление против священной особы властелина смертной казни подлежал не только сам виновный, но и все его родственники. Но услуги, которые Фелипильо оказывал испанцам, были важнее, чем законы и обычаи этой страны; и переводчик старался изо всех сил очернить инку.

Франсиско Писарро допросил военачальника Чалкунима, но тот отрицал существование заговора и назвал

эти обвинения злостной клеветой. Тогда командующий обратился к инке: «Что за предательство ты замышляешь по отношению ко мне, человеку, всегда так уважительно к тебе относившемуся и верившему твоим словам, как брат?» — «Ты шутишь, — ответил пленник, — ты вечно подшучиваешь надо мной. Как можем мы, я и мой народ, думать о заговоре против таких отважных людей? Не шути так, я прошу тебя!»

Но испанцы все мерили своей меркой и не могли поверить в невиновность Атауальпы, несмотря на клятвы пленника, чувствовавшего, как затягивается петля, приготовленная хитрыми чужеземцами.

«Разве я не жалкий пленник в твоих руках? Как я могу лелеять те замыслы, в которых ты меня обвиняешь, ведь я оказался бы первой жертвой, если бы началось восстание? И плохо ты знаешь мой народ, если думаешь, что такое восстание могло бы произойти помимо моей воли; в моих владениях даже птицы боятся взлететь без моего разрешения!»

Однако этим словам не придали значения в испанском лагере. Все чаще приходили тревожные сообщения: индейцы уже в Гуамачучо, они могут напасть в любую минуту. Больше всего испанцы боялись лишиться награбленного золота, а потому спали в полном вооружении и держали лошадей нерасседланными. Патрули и сторожевые посты день и ночь бдительно охраняли лагерь.

Все чаще раздавалось требование убить пленника — иначе никому не будет ни минуты покоя. Особенно настаивали на этом Альмагро и его сторонники. И лишь некоторые конкистадоры, в их числе Эрнандо де Сото, возражали против убийства, не усматривая во множившихся слухах никаких доказательств виновности Атауальпы.

Тогда командующий отправил де Сото с небольшим отрядом всадников в Гуамачучо — проверить, действительно ли индейцы собирают свои силы в окрестностях этого города, и тут же начал судебный процесс против инки. Председателями суда были Франсиско Писарро и Альмагро. Назначили также прокурора, который был обязан следить за соблюдением государственных интересов и одновременно защищать подсудимого.

Атауальпу обвинили в том, что он сверг с престола

своего брата Уаскара и приказал убить его, разграбил и роздал своим любимцам и родичам богатства Перу, принадлежавшие по праву королю Испании, поклонялся языческим богам, святотатствовал по отношению к Иисусу Христу, нарушил седьмую заповедь, предаваясь многоженству, а также пытался организовать заговор и восстание против законных властителей Перу — испанцев. Это обвинение испанский историк Овьедо охарактеризовал как плохо придуманный и еще хуже составленный документ, сфабрикованный лживым патером (Вальверде), немелым, бесчестным нотариусом и другими подобными им негодьями.

Чтобы придать судебному процессу хоть какое-то подобие законности, приступили к допросу. Допросили не только инку, но и многих его родственников и вельмож. Все они отрицали виновность Атауальпы, но бесчестный толмач Фелипильо переводил их ответы по-своему, и королевский нотариус записывал показания, которые подтверждали якобы вину подсудимого. Этими лживыми документами хотели оправдать убийство законного государя чужой страны.

Испанцы не постеснялись выдать себя за защитников убитого Уаскара, словно бы не они вторглись в эту страну, не они захватили ее правителя и разграбили сокровища Перу!

Следствие скоро было закончено, и члены суда долго и горячо обсуждали вопрос, какие последствия — дурные или благоприятные — будет иметь казнь Атауальпы.

Пленника признали виновным и присудили к сожжению на костре. Казнь должна была состояться на большой площади Кахамарки. Считалось, что это обеспечит безопасность христиан и позволит быстрее завоевать и усмирить всю страну. Судьи спешили — приговор решили привести в исполнение в ту же ночь, не ожидая возвращения де Сото. Свою подпись под смертным приговором поставил и патер Вальверде, добавив, что, по его мнению, инка несомненно заслуживает смерти.

Но среди членов суда и солдат не было полного единодушия. Кое-кто считал, что пленник еще может пригодиться испанцам, — раздавались голоса, возражающие против этой безжалостной расправы,

Когда приговор был объявлен Атауальпе, он, на мгновение потеряв хладнокровие, воскликнул: «В чем провинились я и мои дети, что мне суждена такая судьба, такая жестокая казнь? И к тому же от твоих рук? Мой народ встретил тебя приветливо и гостеприимно, без злобы и обмана, я поделился с тобой своими сокровищами, и руки мои не причинили тебе никакого зла!» Инка стал просить, чтобы ему сохранили жизнь, обещая полную безопасность всем испанцам и вдвое больший выкуп.

Однако Писарро был неумолим, и осужденный покорился своей жестокой судьбе с бесстрашием индейского воина.

Через два часа после захода солнца — 29 августа 1533 года — закованного в цепи Атауальпу привели на площадь. Патер Висенте де Вальверде шел рядом с пленником, пытаясь обратить его в христианскую веру. Когда несчастная жертва уже была привязана к столбу, а вокруг навалены охапки хвороста, патер, подняв крест, еще раз призвал инку одуматься и принять истинную веру. В этом случае мучительная смерть на костре будет заменена менее жестокой казнью — удушением.

Видимо, ради того только, чтобы последние минуты его жизни не отравлял своими назойливыми речами этот монах, пленник в конце концов согласился. При обряде крещения новообращенного нарекли Хуаном де Атауальпой, а потом удавили гаротой, как это делали с преступниками в Испании. По другим сведениям, Атауальпу повесили, и всю ночь его труп висел на площади в Кахамарке.

Так умер самый могущественный властелин Нового Света. Впоследствии завоеватели пытались всячески очернить его, утверждая, что «он был наказан за свои ошибки и беспощадность, ибо являлся, по всеобщему мнению, кровожаднейшим и безжалостнейшим человеком: ему ничего не стоило за малейшую провинность стереть с лица земли целый город и за проступок одного убить тысячи людей». Ничего удивительного в этих утверждениях нет — во все времена завоеватели и колонизаторы очерняли народы, на которые сами набрасывались словно дикие звери.

На следующее утро казненного перенесли в церковь святого Франциска и после торжественной мессы похоро-

нили как христианина. Писарро и его офицеры, облачившись в траурные одежды, слушали проповедь отца Вальверде. Богослужение было прервано громкими стенаниями: в церковь ворвались рыдающие жены Атауальпы. Столпившись вокруг покойного, они молили испанцев похоронить инку по обычаям его предков, чтобы жены могли лишиться себя жизни на могиле своего господина и сопровождать его в светлую обитель Солнца. Испанцы вывели женщин из церкви, объясняя, что инка умер как христианин, а христианский бог отвергает такие жертвы. Вернувшись домой, многие женщины покончили с собой.

Через несколько дней в Кахамарку возвратился Эрнандо де Сото и с возмущением узнал о том, что произошло за время его отсутствия. Он яростно обрушился на своего командира, обвиняя его в опрометчивости, Атауальпу оклеветали, в Гуамачучо нет ни одного воина, нет даже признаков восстания или заговора. Инку следовало отправить в Кастилию, чтобы судил его, в случае необходимости, сам король. Писарро оправдывался, говоря, что его вынудили к этому солдаты.

Один исторический анекдот пытается объяснить осуждение инки личной мстью Франсиско Писарро. Атауальпа попросил одного испанского солдата, чтобы тот написал ему на ногте большого пальца слово «бог». Потом пленник показывал палец всем своим стражам и просил их прочесть написанное. Каждый произносил одно и то же слово. Умение читать казалось инке настоящим чудом, и он радовался, как ребенок, видя, какой мудрый народ испанцы. Но когда Атауальпа показал это слово Писарро, тот промолчал, и пленник понял, что испанский главнокомандующий не умеет читать и менее образован, чем его подчиненные. Писарро не мог ни забыть, ни простить этого оскорбления.

Конечно, подлое убийство инки, запятнавшее позором испанских конкистадоров, нельзя объяснить личной мстью Писарро. Завоеватели хладнокровно взвесили все «за» и «против» и пошли на это преступление, чтобы захватить оставшуюся без правителя страну. Напрасно они убеждали своих современников, что инка заслуживал смерти и вся страна будто бы радовалась его казни.

Убийство в Кахамарке было прологом к кровавой драме, в ходе которой погибло государство детей Солнца, а среди вождей конкистадоров начались распри из-за дележа добычи, и они один за другим умирали насильственной смертью.

КОНКИСТАДОРЫ В СЕРДЦЕ ПЕРУ

По великой инкской магистрали. — Ожесточенные стычки в горах. — Чалкучим умирает на костре. — Конкистадоры в Куско. — Снова огромная добыча. — Сказочный рост цен. — Манко — новый инка Перу

После трагической гибели Атауальпы государство инков осталось без правителя. Казалось, господство детей Солнца кончилось навсегда. В стране начались волнения и смута. Отдаленные области сбросили власть инков и объявили о своей независимости. Повстанцы жгли селения, грабили дворцы и храмы, закапывали в землю золото и серебро, которые внезапно обрели ценность и в глазах самих перуанцев — все уже знали, что чужеземцы ценят эти металлы превыше всего.

Убив Атауальпу, испанцы лишили себя возможности управлять огромной страной через посредство своего пленника, Франсиско Писарро спешно назначил нового правителя. Законным наследником престола считался Манко — второй сын Уайна Капаки, брат Уаскара, — но Писарро предпочел ему брата Атауальпы Топарка, торжественно короновал его и заставил поклясться в верности испанскому королю.

После этого, в начале сентября 1533 года, Писарро с отрядом в пятьсот человек покинул Кахамарку и двинулся на столицу Перу город Куско. Вместе с испанцами следовал в столицу новый инка, окруженный блестящей свитой и сопровождаемый Чалкучимом. Все выглядело так, будто новый повелитель действительно обладал какой-то властью.

В Куско вела широкая магистраль — великая дорога

инков. Там, где дорогу пересекали ущелья и горные реки, были устроены подвесные мосты. Но они так пугали испанских всадников, что те зачастую предпочитали переправляться на плотках, держа за поводья плывущих рядом коней.

Отдыхали в домах, построенных вдоль всей дороги для послов и войск инки, продовольствием запасались на специальных складах, созданных для той же цели.

Над чудесными плодородными долинами поднимались суровые хребты Анд. Селения были покинуты и сожжены, мосты разрушены, кое-где показывались даже вооруженные индейцы. Однако напасть на завоевателей они не решались. Перуанское войско распалось на отдельные отряды, которые, оставшись без военачальника, действовали на свой страх и риск.

Когда испанцы подошли к большому городу Хаухе, на другом берегу реки их поджидал многочисленный отряд индейских воинов. Но конница конкистадоров бесстрашно бросилась в бурный поток — мосты были разрушены — и без труда достигла противоположного берега.

Индейцы осыпали нападающих градом камней и копий, не причинивших всадникам никакого вреда, а затем обратились в бегство. От безмерного ужаса у беглецов будто выросли крылья, но испанские кони оказались быстрее, а мечи конкистадоров не знали пощады.

В Хаухе испанцы разорили перуанские храмы, превратили их в церкви, а город стал их опорным пунктом: отсюда легко можно было добраться до океанского побережья.

Де Сото с шестьюдесятью всадниками был выслан вперед — разведывать дорогу и чинить мосты. Отряд натолкнулся на серьезные препятствия. Дорога во многих местах была завалена каменными глыбами и срубленными деревьями, мосты разрушены. Иногда на горных тропах происходили ожесточенные стычки, в которых погибло и несколько испанцев.

Авангард конкистадоров переправился через реки Абанкай и широко разлившуюся Апуримаку. И тут конница де Сото потерпела тяжелое поражение. Хотя командир и получил донесение, что на горной тропе испанцев поджидает большой отряд перуанских воинов, он все-таки решил до наступления ночи преодолеть горный пере-

вал и спуститься в долину. Когда усталые всадники добрались до крутого склона, на них, словно лавина, обрушились отряды индейцев.

Напрасно де Сото пытался восстановить распавшийся строй своих воинов. Кони испугались града камней и дротиков. Туземцы хватали лошадей за задние ноги и не давали им подниматься вверх по каменистой тропе. Испанцы поняли, что погибнут, если не прорвутся в долину. Сражаясь из последних сил, они все-таки сумели пробиться, но в долине бой вспыхнул с новой силой и прекратился лишь с наступлением ночи.

Перуанцы торжествовали победу и ждали рассвета, чтобы окончательно уничтожить врага. Испанцы же совсем пали духом. Они не ожидали от индейцев такой стойкости. В бою погибло несколько всадников и почти каждый был ранен: своими боевыми секирами индейцам удавалось рассекать даже кастильскую броню.

К счастью, Писарро получил сообщение о нападении перуанцев и послал на помощь авангарду всех своих всадников под командованием Альмагро. Они мчались по следам де Сото и достигли его лагеря в ту самую ночь, которая последовала за неудачным боем. На следующее утро индейцы с ужасом увидели, что ряды врагов увеличились в несколько раз. Воспользовавшись густым туманом, перуанцы спешно отступили. Путь на Куско был открыт.

Франсиско Писарро вынужден был задержаться в Хаухе. Испанцев постигло несчастье — внезапно умер их ставленник Топарка. Писарро обвинил старого полководца Чалкучима, что тот отравил Топарку и организовал нападение на испанцев. Чалкучима заковали в цепи и предупредили, что он будет сожжен на костре, если нападения не прекратятся. Индейский военачальник с возмущением отверг все обвинения.

Спустя некоторое время Писарро со своим войском присоединился к конному авангарду, и скоро испанцы оказались в непосредственной близости от Куско. В плодородной, зеленой долине конкистадоры расположились на отдых, воспользовавшись запасами из государственных складов. Здесь же Писарро устроил суд над Чалкучимом и, заботясь о доказательствах, присудил его к сожжению. Усердный патер Вальверде старался про-

светить язычника, пугая его адскими муками и обещая райское блаженство, если тот примет христианство. Но старый полководец ответил, что вера белых людей ему непонятна, и умер, сохранив верность богам своих предков.

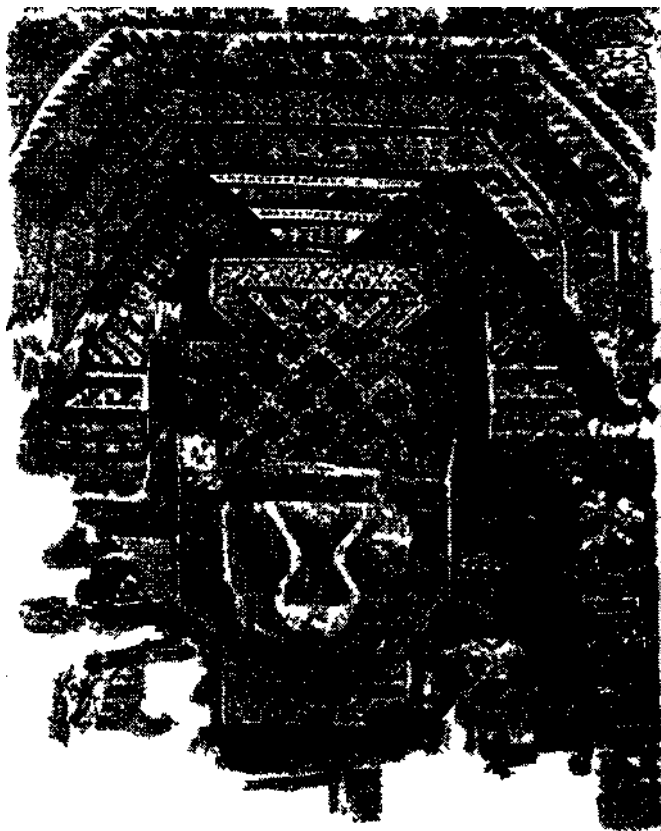
Вскоре после казни Чалкучима в испанский лагерь в сопровождении богатой свиты прибыл новый претендент на перуанский трон, законный престолонаследник — Манко, брат Уаскара, — и попросил заступничества испанцев.

Ходили слухи, что именно Манко организовал восстание против испанцев, но скоро понял, что сопротивляться бессмысленно. Писарро принял Манко с почетом и заявил, что конкистадоры прибыли в Перу только для того, чтобы свергнуть и наказать Атауальпу, а затем вернуть власть Уаскару или его наследнику.

15 ноября 1533 года солдаты Писарро вступили в Куско. Предместья заполнились толпами людей, дивившихся светлокожим чужестранцам в сверкающих доспехах.

Город поразил испанцев прекрасными зданиями, широкими, прямыми улицами, царившими здесь порядком и зажиточностью. Берега протекавшей через город реки были выложены каменными плитами и соединялись целым рядом мостов. Четыре длинные улицы делили город на четыре больших района. Переулки, вымощенные мелкими гладкими камнями, в свою очередь делили эти районы на кварталы. Хотя Куско и не был тем сказочным Эльдorado, о котором мечтали испанцы, но золота тут было вдоволь. Особенно богаты были храмы. Самым величественным из них был храм бога Солнца. Испанские послы в свой первый приезд так и не сумели разграбить его до основания: слишком прочно был укреплен золотой карниз между массивными каменными плитами. Каждый день здесь совершали жертвоприношения, устраивали молебствия и торжества в честь бога Солнца. Раз в год после недельного поста в храм приходили верующие, чтобы получить отпущение грехов.

Неподалеку отсюда, окруженный роскошными садами, стоял огромный дворец инки, покрытый красной соломенной крышей. В нем еще оставалось немало золота и серебра.

Древний перуанский ковер (найден в гробнице)

Над городом возвышалась грозная крепость. Да и в центральной части самого города многие здания с их могучими стенами представляли собой настоящие крепости. Столица инков (где, по утверждению некоторых хронистов, проживало двести тысяч человек и столько же — в предместьях) была захвачена испанцами без единого выстрела.

После недолгого отдыха конкистадоры принялись грабить дворцы и храмы, обшаривать дома, искать тайники. В какой-то пещере им удалось найти золотые сосуды,

украшенные изображениями змей, ящериц и других животных, двухметровые золотые и серебряные статуи, четыре изображения лам, сделанные из золота.

Жрецы отдали все сокровища, находившиеся в храмах, но испанцам и этого показалось мало — они стали пытаться индейцев, стараясь узнать, где те спрятали золото, они раскапывали могилы и срывали золотые украшения с мумий.

На складах инки испанцы нашли множество пестрых хлопчатобумажных тканей, украшений из перьев, золотых сандалий, расшитых жемчугом одежд. Запасы продовольствия и зерна не интересовали их, только золото манило завоевателей.

В Куско конкистадоры захватили огромную добычу: после дележа каждый всадник получил шесть тысяч песо (около 27—28 кг золота), пехотинцы — по три тысячи песо.

Но и цены в испанском лагере росли с фантастической быстротой. «Они были столь высоки, — пишет Херес, — что трудно было в это поверить». Но всему этому он был свидетель. Лошадей продавали по 2500 песо, иногда даже за 3300 песо, но даже и по такой цене (около 15 кг золота) их невозможно было достать. Фляга вина вместимостью в три кружки стоила 60 песо (270—280 г золота), сапоги — от 30 до 40 песо, кафтан — от 100 до 120 песо, меч — 40—50 песо, головка чесноку — полпесо.

Золото и серебро так упали в цене, что некоторые испанцы, расплачиваясь с долгами, даже не взвешивали золото, а просто отбирали слиток покрупнее, хотя стоимость его порой вдвое превышала необходимую сумму. Должники с грузом золота, который тащил на себе слуга-индеец, обходили своих кредиторов и отдавали долги. Карты и игра в кости превратились в неудержимую страсть. Некоторые в один день проигрывали целое состояние, ко. торе могло бы обеспечить их на всю жизнь, и оставшись нищими, вынуждены были вновь браться за свое разбойничье ремесло. Один из таких неудачников — Сьерра де Легисано — при дележе добычи получил золотую пластину с изображением бога Солнца, украшавшую храм Корикианчи в Куско. Это бесценное произведение искусства Легисано проиграл в кости за одну ночь. Так, по свидетельству Гарсиласо, у индейцев родилась поговорка: «Он проиграл Солнце, прежде чем оно взошло».

Но авантюристов не очень огорчали подобные неудачи — они надеялись и в будущем на столь же богатую добычу. Один вельможа заметил, что все сокровища, отданные инкой в качестве выкупа, казались ничтожной крупичей по сравнению с той огромной горой их, которая теперь предстала перед конкистадорами.

После раздела добычи Писарро решил провозгласить правителем Перу Манко — брата Уаскара. Испанцы приложили все усилия, чтобы строго соблюсти древние церемонии при короновании нового владыки. В назначенный час на главной площади Куско собрались перуанцы, их знать, а также испанское войско. Патер Вальверде отслужил торжественную мессу, а Писарро собственноручно возложил на голову Манко Повязку, символизирующую божественную власть инки. Индейские вельможи Принесли клятву на верность новому повелителю, а испанский нотариус громко прочитал документ, где объявлялось, что верховная власть в этой стране принадлежит испанцам. Манко поднес Писарро золотую чашу с чичей, и они по-братски обнялись.

Но церемония эта оказалась просто ловкой инсценировкой. Новый правитель был лишь орудием в руках завоевателей.

Перуанцы радовались своей мнимой независимости и пышными торжествами отметили приход к власти нового повелителя. На главную площадь вынесли мумии инков и посадили их за пиршественный стол. Каждую мумию обслуживала целая свита, словно это были живые властелины. Пирующие поднимали кубки в честь своих славных предков. За угощением последовали танцы, и ничто, казалось, не свидетельствовало о том, что город захвачен наглыми завоевателями.

После коронования Манко Писарро назначил городское управление Куско из специальных чиновников, среди которых были и его братья Гонсало и Хуан. 24 марта 1534 года на главной площади города они торжественно поклялись в верности королю. Это означало, что подлинная власть находится в руках завоевателей.

Писарро провозгласил себя адельтано — наместником Перу — и призвал испанцев селиться в городе, выделяя им дома и дворцы инки. Патер Вальверде, ставший епископом Куско, начал превращать языческие храмы

в христианские церкви, а вместо монастыря дев Солнца основал католический монастырь. С каждым новым кораблем в Перу, кроме солдат, прибывали священники и монахи, которые, по мнению некоторых историков, делали здесь благое дело — строили церкви, создавали школы, старались распространить христианскую культуру и даже пытались защитить угнетенных индейцев от насилий со стороны завоевателей. На деле же испанское духовенство, так же, как и конкистадоры, грабило завоеванную страну, уничтожало ее культуру, обычаи, религию.

ПРИГЯЗАНИЯ СОПЕРНИКОВ

Поход Педро де Альварадо на Кито. — Неожиданная встреча соперников. — Пустая раковина. — От опасного соперника откупаются. — Беналькасар ищет Эльдorado на севере. — Из Карибского моря в золотую страну прибывают испанцы и немцы. — Триумф Эрнандо Писарро в Испании. — Куско — яблоко раздора. — Лима — новая столица Перу

Наместник Перу, находясь в Куско, получил известие, что к городу приближается двадцатитысячное индейское войско, которым командует один из самых отважных полководцев Атауальпы Кискис. Против него выступили конница Альмагро и инка Манко со своими отрядами. После нескольких яростных стычек воины племен Кито были разбиты. Их вождь бежал в неприступные горы Кито, где продолжал сражаться с испанцами. Его военачальники, решив, что бесполезно бороться с белыми завоевателями, пытались уговорить Кискиса заключить мир, но тот наотрез отказался. Тогда они закололи его. Войско разбежалось.

Однако Франсиско Писарро волновали не столько стычки с индейцами, сколько сообщение о том, что на побережье Перу высадилось сильное испанское войско под командованием Педро де Альварадо, отважног⁹ полководца, участвовавшего в походах Кортеса в Мексику.

До сих пор Альварадо управлял завоеванной им Гватемалой. Теперь до него дошли слухи об успехах испанцев на юге, и он решил не упускать богатой добычи. Как раз в это время он снаряжал экспедицию на легендарные острова пряностей — Молуккский архипелаг, намереваясь вслед за Магелланом пересечь Тихий океан. Для этого была подготовлена целая флотилия, но золото инков оказалось более притягательной силой. Альварадо узнал, что Писарро завоевал только Перу, а северная провинция — Кито — все еще остается без хозяина. Поэтому хитрый конкистадор сделал вид, будто ему неизвестно, что и Кито отдан под управление Писарро, и решил первым захватить эту область. Защищать свои права первооткрывателя можно будет потом — либо подав прошение королю, либо силой оружия.

В марте 1534 года Альварадо с пятьюстами воинов, из которых половину составляли всадники, высадился на побережье Южной Америки возле Пуэрто-Вьехо (Старый порт). Столь хорошо вооруженного и оснащенного войска еще не видели на берегах Великого Южного моря.

Нисколько не беспокоясь о том, что это вторжение затрагивает интересы Писарро, Альварадо немедленно двинулся в глубь страны, на восток — к Кито.

Их встретили высокие горы, поросшие колючим кустарником, пробиться через который можно было только с помощью топора и меча. Войско Альварадо по отвесным склонам поднималось все выше к заснеженным, обледеневшим вершинам. Тяжело приходилось людям, привыкшим к тропическому климату Гватемалы. От холода нигде не было спасения. Всадники примерзали к седлам, замерзающие пехотинцы с трудом продвигались вперед. Индейцы-носильщики, которых Альварадо нанял на побережье, гибли один за другим. Топлива не было, кончалось продовольствие, и голодные солдаты, дрожа по ночам от холода, ждали восхода солнца, чтобы продолжать свой путь по обледенелым утесам. Вдоль всей дороги валялось брошенное оружие, доспехи, павшие кони и умирающие воины. Изголодавшиеся солдаты ели сырую конину.

Альварадо боялся, что ему не удастся переправить через горы золото, награбленное на побережье. А там испанцам досталась богатая добыча. Поэтому он предло-

жил солдатам: пусть каждый возьмет себе столько сокровищ, сколько может нести, оставив в неприкосновенности только пятую часть, принадлежащую королю. Но доведенные до отчаяния конкистадоры только издевались над этим предложением, говоря, что самой большой драгоценностью для них сейчас является продовольствие. Золотые украшения часто валялись в снегу рядом с умершими. Мрачное шествие сопровождали стервятники-грифы, радуясь обильной добыче.

Однажды над горами появились густые облака пепла. Люди задыхались, слепли, их охватил невыразимый ужас. Очевидно, началось извержение вулкана Котопахи. В одной легенде говорится, что в тот момент, когда был убит инка Атауальпа, вулкан пробудился и выбросил из своих недр огромную порфиновую глыбу.

Наконец после невероятно тяжелого перехода отряд Альварадо добрался до высокогорного плоскогорья неподалеку от Риоамбы. В пути погибло, по меньшей мере, две тысячи индейцев, четвертая часть испанцев и большое количество лошадей.

Альварадо разрешил измученным воинам отдохнуть, а затем снова двинулся в путь. Вдруг солдаты заметили на тропе следы подков. Это значило, что их соотечественники уже прошли здесь, опередив Альварадо. Итак, все страдания, жертвы, затраченные на поход средства — все было впустую!

Действительно, сюда уже добрался комендант крепости Сан-Мигель Севастьян Беналькасар, один из самых безжалостных завоевателей Южной Америки. Ему надоела бездеятельная жизнь на побережье, в то время как другие обогащались, и он решил попытать счастья на свой страх и риск. Не удосужившись получить разрешения Писарро, Беналькасар отправился в Кито, где, по рассказам индейцев, Атауальпа хранил большую часть своих сокровищ. С восьмьюдесятью всадниками и ста двадцатью пехотинцами, прихватив с собой индейских воинов, Беналькасар по большой дороге инков достиг плоскогорья Кито намного легче и быстрее, чем Альварадо. На равнине Риоамбы отряд Беналькасара натолкнулся на отряды Руминави, одного из полководцев Атауальпы. Индейцы не могли противостоять стремительным атакам испанской кавалерии и стали прибегать к хитро-

стям — выкапывали на дорогах широкие ямы, на дне которых укрепляли заостренные колья, а затем прикрывали эти ловушки дерном. Иногда они вырывали в земле ямки величиной с лошадиное копыто, чтобы кони ломали себе ноги, нарушая строй атакующих.

Но ни хитрости, ни отвага не помогали. Испанцы одерживали одну победу за другой и, наконец, взяли Кито, бывшую столицу Атауальпы. Руминави поджег дворец инки и бежал. На этот раз конкистадоры ничем не поживились — золота не было, индейцам удалось его спрятать. И тут Беналькасар, тяжело переживавший неудачу, получил сообщение, что к Кито приближается Альмагро, которого послал сюда Франсиско Писарро, узнав об экспедиции своего соперника Альварадо.

Альмагро встретился с Беналькасаром в долине Рио-бамбы и, объединившись с ним, стал поджидать соперников из Гватемалы. А те были чрезвычайно поражены и испуганы, увидев отнюдь не толпы индейцев, которых надеялись легко разгромить, а соотечественников, хорошо вооруженных и обученных. Казалось, сейчас начнется кровавая битва, но она не имела бы никакого смысла, так же, как не имело смысла их состязание в скорости — в Кито не было никаких сокровищ, «в раковине не оказалось драгоценной жемчужины», как образно выразился испанский историк Овьедо.

Начались переговоры. Альмагро заключил соглашение с Альварадо, откупившись от этого влиятельного и опасного соперника. За сто тысяч песо губернатор Гватемалы согласился отказаться от своих притязаний, отдать Франсиско Писарро свой флот — двенадцать больших и малых кораблей, — а также все запасы продовольствия и оружия. И все же Альварадо остался недоволен. Полученная им сумма якобы не покрыла расходов на экспедицию, и он потерпел значительные убытки. Альмагро, напротив, утверждал, что эта сумма втрое превысила издержки Альварадо. Но как бы там ни было, а мир был сохранен.

Наемники Альварадо, наслушавшись рассказов о сказочных сокровищах Куско, решили перейти на службу к Писарро, а сам Альварадо вернулся в Гватемалу (в 1541 году он погиб во время одного из походов в Мексику).

Это состязание конкистадоров, выразившееся в попытке первыми достичь Кито, свидетельствовало о том, что началась драка за раздел добычи: стервятники слетались со всех сторон, пытаясь перехитрить друг друга и захватить лакомый кусок. Никто не хотел довольствоваться тем, что уже приобрел. Все жаждали большего.

Беналькасар после завоевания Кито тоже чувствовал себя обделенным, но потом, наслушавшись рассказов о бесчисленных сокровищах, принадлежавших индейскому королю Эльдorado где-то в северных областях, двинулся со своим отрядом в район долины реки Магдалены.

Но сюда, навстречу экспедиции Беналькасара, уже долгое время тянулись жадные руки других завоевателей.

В 1525 году, после нескольких неудачных попыток укрепиться на южном побережье Карибского моря, испанцы создали мощный опорный пункт и построили порт Сайта-Марту к востоку от устья реки Магдалены. Отсюда конкистадоры шаг за шагом продвигались к югу. Их целью так же, как целью Писарро, Альмагро, Беналькасара, было таинственное Эльдorado, золотая страна. В 1533 году на юг направился Педро Эредия, основатель Картахены. Он открыл густонаселенные области, где обитали индейцы чибча, — земледельцы, выращивавшие кукурузу, маниоку, бобы и тыкву. У них оказалось много золотых предметов и изумрудов. Основная часть сокровищ хранилась в храмах и усыпальницах. Золотые маски, массивные золотые жезлы с головами людей, птиц и зверей, статуи богов и различные украшения лежали рядом с мумиями, завернутыми в хлопчатобумажные ткани. Все эти гробницы и храмы были безжалостно разграблены солдатами Эредия.

Эльдorado искали также Хуан Сесар в долине Кауки и Гоисало Кесада в долине Магдалены. Последний несколько раз отправлялся с побережья в глубь континента. Кесада завоевал Боготу, Тунху и ряд других небольших государств племени чибча, прокладывая себе дорогу мечом и огнем. В начале 1538 года он завершил свои кровавые походы и основал город Боготу (Санта Фе де Бюта).

Во владения Кесады с юга вторглись отряды Беналькасара, со зверской жестокостью грабя селения, убивая туземцев, предавая огню их жилища и посевы.

Право на завоевание южных берегов Карибского моря,

так называемых «Вельзерских земель», выторговали у своего императора Карла V (он одновременно был и королем Испании) немецкие банкиры Вельзеры и Эхингеры. Немецкие наемники, которыми командовали Альфингер, Федерман, Хоэрмут и другие, грабили обширные области в долине Ориноко, хотя иногда и терпели поражение от туземцев.

В конце концов войска трех конкистадоров — Беналькаса, Кесады и Федермана — встретились под Боготой, и каждый из них предъявил права на этот округ. Но до вооруженного столкновения дело не дошло: вождь немецких наемников согласился на выкуп и отказался от своих весьма сомнительных претензий. Беналькасар и Кесада мирным путем решили спор о границах своих владений. Под властью Кесады остался весь бассейн реки Магдалены и Восточные Кордильеры. Эти земли он назвал Новой Гранадой (нынешняя Колумбия).

На северо-востоке южноамериканского континента (теперешние Бразилия и Венесуэла) искал Эльдorado испанский конкистадор Диего Ордас. В 1531 году он на нескольких кораблях отправился в открытое Висенте Никсоном «Пресноводное море», то есть в устье Амазонки (в то время еще никто не имел представления об этой огромной реке). Почти вся флотилия Ордаса погибла во время урагана, а сам он едва спасся.

После этой неудачи Ордас отказался от поисков сокровищ в районе Амазонки и поплыл на северо-запад, пока не достиг другого «пресноводного моря» — устья реки Ориноко. Ордас стал подниматься вверх по этой великой реке, извивавшейся по бесконечной равнине, и заходил в несколько ее притоков. Но ему не повезло. Пройдя полторы тысячи километров, он вынужден был повернуть обратно, не захватив никакой добычи.

Золотая страна — Эльдorado — продолжала оставаться далеким, недостижимым миражем, хотя в действительности конкистадоры уже открыли ее, завоевали и разграбили. Теперь они пытались вырвать добычу друг у Друга.

Многие мечтали вторгнуться в Перу — Новую Кастилию — и отобрать у Писарро его владения. Пришлось принимать срочные меры по охране побережья. С этой целью в начале 1535 года Франсиско Писарро создал

опорный пункт в устье реки Римака, на 12° ю. ш., назвав его Королевским городом. Впоследствии он был переименован в Лиму — по испанскому названию реки Римака.

Сюда перебрался сам наместник, а в Куско остался Альмагро — управлять этим городом и завоевывать новые земли на юге, на территории теперешнего Чили.

В январе 1534 года из Перу в Испанию в город Севилью прибыл Эрнандо Писарро, доставив сюда пятую часть добычи — долю короля, а также полмиллиона песо золота и огромное количество серебра, принадлежавшие конкистадорам. Один из хронистов отметил, что всевышний помог счастливо переплыть океан этому Христову воину. Таможня была завалена золотыми и серебряными слитками, сосудами и прекрасными произведениями искусства. Был там, например, серебряный орел, вмещавший два ведра воды, золотой и серебряный котлы, в которые можно было уместить разрезанного на куски быка, золотой идол величиной с четырехлетнего ребенка и другие сокровища, упакованные в тяжелые ящики. Огромные толпы любопытных собирались у таможни, чтобы взглянуть на все эти чудеса.

Король принял Эрнандо Писарро и держался с ним очень милостиво. Эрнандо поведал ему о трудной и далекой экспедиции, о перенесенных невзгодах, о пленении инки (об убийстве пленника Эрнандо еще не знал, так как отплыл из Перу до того, как совершилось это злодеяние), об огромном выкупе, полученном испанцами. Он рассказал, сколь плодородны завоеванные земли, как трудолюбивы тамошние земледельцы и ремесленники. Об этом свидетельствовали и привезенные им шерстяные и хлопчатобумажные ткани, а также золотые и серебряные изделия. Король особенно обрадовался последним, надеясь пополнить опустевшую казну и осуществить давнюю честолюбивую мечту — превратить свое королевство в самую могущественную державу мира.

Эрнандо легко добился от короля новых прав и привилегий для своего брата и его соратников. Бывший свинопас Франсиско получил титул великого маркиза Писарро, и границы области, отданной ему в управление, были отодвинуты еще на семьдесят лиг к югу.

Король оценил и заслуги Альмагро, назначив его губернатором южных областей Перу, получивших название

Нового Толедо. Эта территория равнялась двумстам лигам и была расположена к югу от владений Писарро. Никто не мог пока точно установить границы этих областей, что вызвало впоследствии неразбериху и взаимную вражду. Но, кто знает, — не хотел ли король посорить Писарро и Альмагро, чтобы они не объединились и не провозгласили себя независимыми правителями.

Обоим предводителям конкистадоров король отправил послание, в котором воздавал должное их мужеству и благодарил за верную службу. Не был забыт и Эрнандо Писарро — его посветили в рыцари знаменитого ордена Сант-Яго, разрешили находиться при королевском дворе и поручили организовать флот для отправки в Новый Свет.

Рассказы Эрнандо Писарро и его спутников вызвали в Испании небывалый интерес. Такого еще не переживала страна со времен первого путешествия Колумба.

В то время все ждали от Нового Света невиданных богатств, но почти ни одна экспедиция не оправдывала этих надежд. Даже завоевание Мексики — эта блестящая победа испанского оружия — не принесла пока золотых плодов. Франсиско Писарро во время своего пребывания в Испании тоже надавал немало заманчивых обещаний, но никто всерьез им не верил. Теперь, однако, само за себя говорило золото, и все взгляды, по выражению одного хрониста, устремились на запад. Разорившийся мот надеялся там так же быстро вернуть свои деньги, как промотал их здесь. Купец уже не заботился о том, как бы привезти дорогостоящие восточные товары, а помышлял о торговле с новооткрытыми странами запада, где самые обычные товары можно было сбыть по баснословной цене. Благородный рыцарь, жаждавший мечом добыть себе славу и золото, надеялся, что плоскогорья Перу станут для него тем полем битвы, где он проявит свою доблесть.

И вот хорошо оснащенный флот под командованием Эрнандо Писарро отплыл из Испании, пересек океан и прибыл в маленький порт Номбре-де-Диос («Во имя господне»), где участники экспедиции должны были задержаться, прежде чем пересечь Панамский перешеек. Тут-то и начались невзгоды. Скоро стал ощущаться голод — войско завоевателей оказалось слишком многочислен-

ным, — голод сопровождали жестокие эпидемии. Многие испанцы, не привыкшие к жаркому, влажному климату, нашли здесь не золото, а могилу. Другие, обманувшись в своих надеждах, вернулись в Испанию.

Однако большинство все-таки добралось до Панамы и направилось оттуда в Перу. Среди них был и человек, которого послали к Альмагро его сторонники в Испании, чтобы сообщить ему о королевских милостях. Альмагро вступил в Куско — Хуан и Гонсало Писарро передали ему управление городом.

Альмагро торжествовал — король признал его заслуги, и теперь он не зависит от Писарро, который поступил с ним столь несправедливо. По мнению Альмагро, Куско находилось к югу от той области, которую король отдал Писарро, и, следовательно, город принадлежит ему. Солдаты Альмагро вели себя в Куско так, словно заняли его приступом: они грабили не только общественные, но и частные здания.

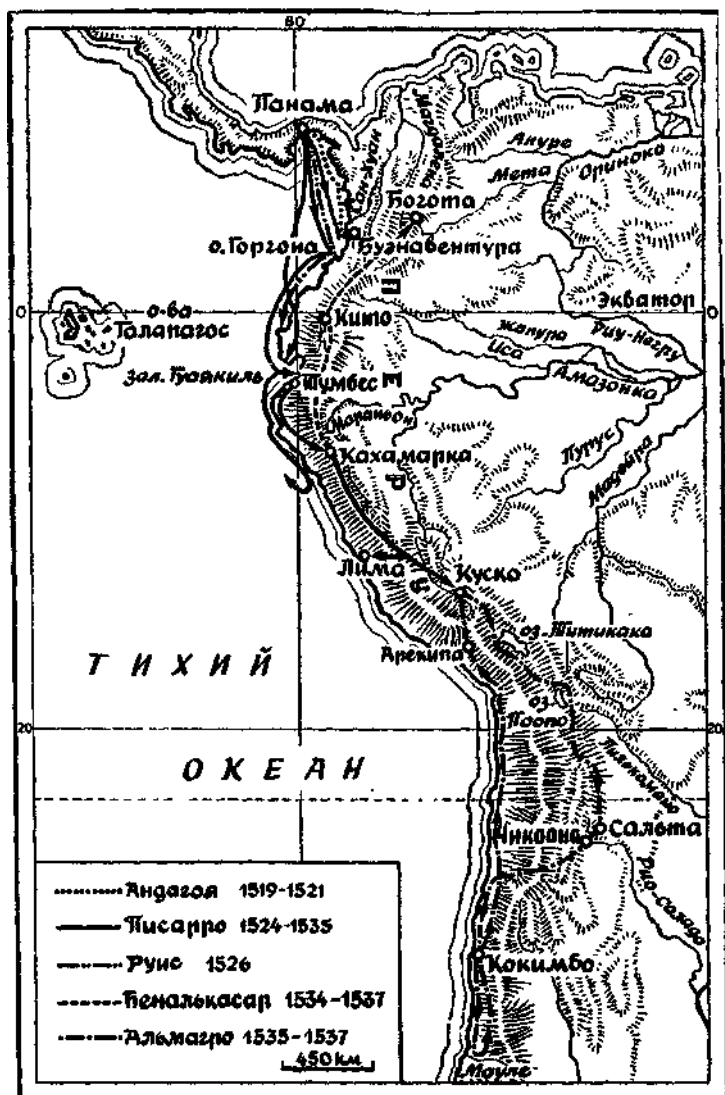
Франсиско Писарро еще находился в Лиме, когда до него дошла весть о королевских милостях в отношении Альмагро. К тому же наместник пока не знал о присвоенных и ему новых правах и привилегиях и о том, что границы управляемых им владений сдвинуты на семьдесят лиг к югу (Эрнандо Писарро еще находился в Панаме, и в Перу об этом ходили только слухи).

Наместник решил не оставлять Куско в руках соперника и отправил братьям приказ — немедленно взять на себя управление городом. Альмагро он отсылал в поход на юг.

Но ни Альмагро, ни его друзья не собирались отказываться от столь богатого города. Куско раскололось на два враждебных лагеря — сторонников Альмагро и сторонников Писарро. Они уже готовы были взяться за оружие, когда в Куско прибыл сам Франсиско Писарро, чтобы разрешить спор мирным путем.

Альмагро, скрепя сердце, уступил, но так и не смог простить, что его обошли, отодвинули на второй план; он только делал вид, будто рад соглашению.

12 июня 1535 гбда компаньоны заключили новый договор. Один испанский историк писал об этом так: «Общество на паях было восстановлено с условием, что дон Диего де Альмагро отправится завоевывать новые земли

Открытие и завоевание Перу. Поход в Чили
(по И. П. Магидовичу)

на юге и, если он откроет нечто заслуживающее внимания, то сможет просить у его величества короля права на управление этими землями; если же, напротив, Альмагро не сделает никаких ценных открытий, дон Франсиско поделится с ним своими владениями. Договор был заключен в торжественной обстановке, и оба поклялись святым причастием, что впредь ничего не будут предпринимать друг против друга».

Альмагро заверил, что не станет претендовать ни на округ Куско, ни на лежащие к северу от него земли даже в том случае, если король предоставит ему управление ими. Возложив руки на облатку — символ святого причастия, — Писарро и Альмагро торжественно заявили: «Если я преступлю эту клятву, пусть обрушится на мою голову гнев господен, пусть поразит он мое тело и обрежет душу на вечные страдания!»

Альмагро начал готовить экспедицию в Чили, надеясь найти на юге еще большие сокровища, чем в Перу.

Франсиско Писарро, заключив соглашение с Альмагро и избавившись от присутствия соперника, отправился обратно в приморские области, где почти беспрепятственно начал раздавать конкистадорам земли вместе с населявшими их индейцами, строить рудники, куда сгоняли туземцев, собирать налоги. На побережье Тихого океана он основал еще несколько городов, один из которых назвал Трухильо, в честь своего родного села.

Франсиско Писарро достиг вершин могущества и славы. Неизвестный дотоле капитан завоевал огромную страну и, став наместником короля в Перу, по своему усмотрению свергал и возводил на трон правителей.

Этот завоеватель прекрасно сознавал свою роль основателя новой великой державы. Он долго размышлял над тем, какой из городов сделать столицей. Древняя резиденция инков — Куско — находилась, к сожалению, слишком далеко от океанского побережья и от Кито, поэтому Писарро остановил свой выбор на Королевском городе (Лиме), расположенном в красивой плодородной долине реки Римака, в девяти километрах от моря.

Широкое устье реки могло служить удобной гаванью, а воды ее можно было использовать для орошения полей, так как дожди на побережье почти не выпадали. Климат здесь был очень благоприятный — прохладные ветры,

дувшие с ледяных отрогов Анд, смягчали тропическую жару. Летом облака и туманы укрывали долину от безжалостных солнечных лучей. Скоро новая столица Лима превратилась в важный административный и торговый центр.

ПОХОД АЛЬМАГРО В ЧИЛИ

*Каждый должен завоевать себе государство сам. —
Переход через горы. — «Почему мы должны скитаться в этих пустынях, как отверженные?» —
Разведчики доходят до «края света». — Возвращение через пустыню Атакаму. — Что дал Великий Южный поход?*

Диего де Альмагро был назначен губернатором Чили, но эту страну, расположенную к югу от Перу, еще предстояло завоевать. Решение короля он считал несправедливым, но надеялся на изрядную добычу, так как поверил слухам, будто именно в Чили находится еще не открытая страна Эльдорадо. Северные племена арауканцев, обитавшие в так называемой Чилийской долине, уже были завоеваны инками. Поэтому можно было надеяться, что они не окажут сопротивления и белым пришельцам. Альмагро выслал вперед трех испанцев в сопровождении брата Манко, верховного жреца и индейцев. Они должны были показывать дорогу, умирять туземные племена, если бы те вдруг вздумали сопротивляться, и обеспечивать конкистадоров жильем и провизией.

В начале июля 1535 года Альмагро во главе отряда из пятисот шестидесяти всадников и пехотинцев выступил из Куско и через плоскогорье направился на юго-восток. Вначале испанцы двигались по большим военным дорогам, проложенным в горах. Они обошли с запада озеро Титнкака, крупнейшее в Южной Америке (примерно 7000 км²), и направились дальше на юг, оставив к западу озеро Поопо. Горы становились все более неприступными, часто встречались глубокие мрачные ущелья, тропа вилась над самым краем бездонной пропасти. С каменных утесов низвергались водопады. Сосновые леса

сменялись голыми склонами, где ничто не защищало от ледяного ветра.

Пройдя более тысячи километров, отряд Альмагро два месяца отдыхал. В округе, где они остановились, им досталась богатая добыча: покоренные чилийские племена отправили инке караван с золотом, и он попал в руки завоевателей.

Наконец испанцы достигли горных районов, где жили независимые племена. Здесь приходилось прокладывать себе дорогу мечом, тем более что брат инки и верховный жрец со всеми своими спутниками под прикрытием ночи бежали в Куско.

Разведчики сообщили Альмагро, что в Чили ведут два пути, оба очень трудные: первый — на запад, через главный хребет Анд до океанского побережья, а затем на юг по безводной пустыне; второй — прямо на юг, через высокогорные области Центральных Анд, где добыть продовольствие для людей и корм лошадям почти невозможно. Альмагро выбрал второй путь — он казался ему короче.

Взору испанцев открылись необозримые горные цепи. Через пустынное плато, где произошло столкновение с туземцами, они вышли в долину Чикоана в верхнем течении Рио-Саладо. Здесь им удалось раздобыть выючных лам и немного провизии. Через реки конкистадоры переправлялись либо на плотах, либо строили мосты. Однажды во время переправы через стремительный горный поток утонуло много лошадей и лам и вместе с ними запасы продовольствия. Это был тяжелый удар — в горных долинах теперь только изредка встречались бедные индейские деревушки.

Путь испанцев был отмечен сожженными и разрушенными селениями туземцев. Завоеватели сковывали пленных мужчин цепями по десять-двенадцать человек в ряд и заставляли их нести поклажу. Больные, голодные и обессилевшие индейцы вынуждены были идти вместе со всеми, пока не падали мертвыми. Они умирали сотнями и тысячами. За время Чилийского похода погибло не менее десяти тысяч носильщиков-туземцев.

Испанцы безжалостно расправлялись с теми, кто оказывал им сопротивление. Однажды в отместку за трех убитых испанцев Альмагро велел сжечь живьем тридцать индейских касиков.

Сначала конкистадоры продвигались на юг вдоль восточных склонов Анд, затем повернули на запад — туда, где высились покрытые вечными снегами Аргентино-Чилийские Анды. У подножия гор простирались пустыни, покрытые белой коркой соли. Альмагро с небольшим кавалерийским отрядом отправился вперед, чтобы обеспечить едой своих солдат, кормом животных и найти перевал, по которому можно было бы перебраться в долину Чили. На высоте четырех тысяч метров такой перевал был, наконец, найден. Но жестокий мороз, глубокий снег, лавины и снежные бури чрезвычайно затрудняли продвижение испанцев. Во время этого перехода они потеряли около ста пятидесяти человек и тридцать лошадей. Умерших индейцев никто не считал, но от общего их числа осталось не более трети. Люди гибли от голода, замерзали, — нельзя было погреться даже у костра, потому что топлива здесь не было. Снежные бураны бушевали по нескольку дней подряд, заметая высокими сугробами людей, пытавшихся переждать метель под защитой скал. Голод был так нестерпим, что испанцы ели павших лошадей, а индейцы — своих умерших сородичей.

Эррера пишет, что когда дон Диего де Альмагро пять или шесть месяцев спустя возвращался из Чили в Куско, он находил по дороге прислонившихся к скалам окоченевших испанцев, державших за повод замерзших лошадей. И люди, и лошади выглядели так, словно смерть их настигла только что. Конина, которую снова ели голодные солдаты, оказалась совсем свежей.

Наконец, продвигаясь все время на юг, испанцы достигли долины Копьяпо (на 27° ю. ш.). Первым со своим авангардом добрался сюда Альмагро и сразу же отправил провизию остальным. Иначе люди наверняка погибли бы в снежных пустынях — в довершение ко всему они страдали снежной слепотой. На сей раз трудности, казалось, сбили спесь с упрямых завоевателей. Тот, кому удалось спастись, считал себя баловнем судьбы. Но прошло время — и испанцы стали забывать перенесенные лишения.

В зеленой, плодородной долине Копьяпо измученный и сильно поредевший отряд смог, наконец, как следует отдохнуть.

Вслед за авангардом, преодолев такие же трудности, из Куско прибыл вспомогательный отряд под командо-

ванием Родриго Оргоньеса. Оргоньес, по словам хрониста, был закаленный, отважный воин, верный своему главнокомандующему. Он привез королевскую грамоту, которая до тех пор хранилась у Писарро. И тогда Альмагро и его воины решили — Куско должен принадлежать им. Сторонники Альмагро требовали, чтобы он вернулся в этот прекрасный город — зачем скитаться по бесплодным пустыням, где нет надежды на богатую добычу. В качестве неопровержимого довода выдвигались интересы его сына Диего. Сподвижники Альмагро знали, что командующий беззаветно любит своего внебрачного сына, матерью которого была панамская индианка, и сделает для него все возможное. Однако Альмагро медлил с приказом о возвращении в Куско.

Конкистадоры двинулись вдоль океанского побережья еще дальше на юг, в Кокимбо. Совершенно неожиданно они повстречали испанца — дезертира, совершившего в Перу преступление и прошедшего пешком более двух тысяч километров. Он подтвердил, что через пустыню Атакаму инками проложена большая дорога с множеством станций. Там есть питьевая вода и провизия. Несколько раз ему приходилось пересекать горные долины, населенные индейцами.

Из Кокимбо на юг был выслан разведывательный отряд. Продвигаясь вдоль океанского побережья, он, по словам хрониста, дошел до самого «конца света»: до поросшей лесами страны, где непрерывно лили дожди, а индейцы были одеты в медвежьи и тюленьи шкуры. Еще дальше находилась страна воинственных женщин — амазонки.

Сам Альмагро с главными силами двигался вслед за разведчиками, но дошел только до реки Мауле (на 35° ю. ш.) в Центральном Чили. Сокровищ не было. Разведчики, вернувшиеся с юга, также принесли неутешительные вести — обетованной земли, где текут молочные реки, где горы из чистого золота, а драгоценные камни валяются под ногами, найти не удалось. Они дошли до областей, населенных арауканскими племенами. (Арауканцы были столь воинственным народом и впоследствии так упорно и героически сопротивлялись захватчикам, что отстояли свою независимость).

В конце концов Альмагро уступил настойчивым просьбам соратников и приказал повернуть на север. На обрат-

ном пути испанцы, пройдя некоторое расстояние через горы, свернули к океанскому побережью. Им предстояло пересечь огромную, почти безводную, пустыню Атакаму. Поэтому испанцы заблаговременно наполнили водой кожаные мешки. Часть их погрузили на вьючных животных, а часть несли индейцы.

Альмагро разделил людей на мелкие отряды, сам он двигался в арьергарде. По мере продвижения к северу область становилась все засушливее и за рекой Копьяпо превратилась в настоящую пустыню. Однако конкистадоры убедились, что дезертир их не обманул — даже здесь, в горных ущельях, где реки еще не пересохли, обитали индейцы. Цепь небольших оазисов тянулась почти на тысячу километров от реки Копьяпо до параллели озера Поопо, а оттуда еще на триста километров до Арекипы.

В оазисах была вода, и немногочисленным отрядам ее хватало, так что ни один испанец здесь не погиб. Правда, в пути от жажды пало несколько десятков лошадей, а умерших индейцев завоеватели, конечно, не считали.

Так же, как в горах, дорога и здесь была очень тяжелой. Живший в прошлом веке историк Прескотт заметил, что в наши дни вряд ли нашелся полководец, который отважился бы провести свои войска через эту область. Но испанцы шестнадцатого века преодолевали любые трудности, презирали смерть, голод и жажду и полностью оправдали слова Эрреры, звучащие, правда, несколько хвастливо; «Они с одинаковой отвагой сражались одновременно с людьми, стихиями и голодом».

Пройдя через пустыню, испанцы достигли Арекипы, находившегося приблизительно в шестидесяти лигах от Куско. Здесь их ждала страшная весть о том, что перуанские индейцы подняли восстание и новый инка Манко Капак с огромным войском осадил Куско.

Альмагро поспешил через горы к осажденному городу и достиг его весной 1537 года. В общей сложности, его отряд прошел более пяти тысяч километров. Эту экспедицию ее участники назвали Великим Южным походом, а себя с гордостью — «чилийцами».

Это был самый трудный из всех походов, предпринятых конкистадорами в Южной Америке, однако он сопровождался важнейшими географическими открытиями. Испанцы открыли высокогорное плато Центральных

Анд с озерами Титикака и Поопо, высочайшие горные хребты и плодородные долины, исследовали южно-американское побережье от 17° до 35° ю. ш. Но ни золота, ни городов, ни густонаселенных районов конкистадоры не обнаружили. В этом смысле они потерпели решительную неудачу — бедная страна Чили не шла ни в какое сравнение с богатейшим Перу. Альмагро испытал горькое разочарование, и ненависть его к Писарро, который так беззастенчиво обманул его, разгорелась с новой силой.

ВОССТАНИЕ ПЕРУАНЦЕВ

Бегство Манко и восстание перуанцев. — Осада Куско. — Лисы, загнанные в нору. — Штурм крепости. — Последняя победа инки. — «Чилийцы» под стенами Куско

Маркиз Франсиско Писарро наконец избавился от соперника: Альмагро со своими сторонниками скитался где-то в горах и пустынях Чили и не представлял никакой угрозы. Ничто как будто не грозило испанцам в этой огромной стране. Перуанцы казались тихими и покорными. До сих пор они безропотно взирали на то, как захватчики убивают их повелителя и вместо него сажают на трон другого, как они грабят храмы, захватывают столицу и делят между собой всю страну. Испанские солдаты поселялись во дворцах инки, храмы превращали в конюшни, оскверняли монастыри — девы Солнца становились жертвами грубого насилия наемников. Один испанский офицер обольстил жену нового инки, и Манко понял, что полностью зависит от захватчиков и является игрушкой в их руках.

Но Манко был отважным и гордым юношей. Он неоднократно требовал от Писарро, чтобы тот вернул ему подлинную власть и относился к нему с подобающим уважением, но наместник каждый раз отклонял эти требования. Тогда инка, вельможи и жрецы стали размышлять над тем, как свергнуть ненавистное чужеземное иго. Постепенно созрел план всеобщего восстания: напасть

на рассеянных по всей стране испанцев, как только Альмагро покинет Куско и отправится в Чили. Верховный жрец, который должен был сопровождать Альмагро, заранее решил бежать, тайно вернуться в Перу и призвать своих соотечественников к борьбе с захватчиками. Сам инка не мог покинуть Куско — испанцы бдительно следили за ним. Однако Манко все-таки удалось бежать из столицы. Узнав об исчезновении инки, Хуан Писарро во главе кавалерийского отряда бросился в погоню и захватил его на берегу реки, где тот пытался спрятаться в тростнике. Инку привезли обратно в город и, по свидетельству секретаря наместника Педро Писарро, посадили под стражу.

Тем временем из Королевского города Лимы в Куско прибыл Эрнандо Писарро, которому его брат Франсиско поручил управлять этой областью. Эрнандо всегда относился к Атауальпе и его преемнику с большей симпатией, чем другие конкистадоры. Он освободил инку из заключения и держался с ним дружески. Манко же вел себя очень осторожно и, чтобы усыпить подозрение испанцев, указал им несколько тайников с сокровищами. Этим он не только приобрел их доверие, но и разжег жадность завоевателей. Потом инка под величайшим секретом рассказал Писарро, что неподалеку от юрода, в горной пещере, спрятана статуя его отца Уайна Капака, отлитая из чистого золота. Если ему разрешат, он доставит ее испанцам. Слепленный жаждой наживы Эрнандо клюнул на эту приманку.

Он отправил вместе с Манко двух испанских солдат, чтобы те помогли ему принести золотую статую. Прошла неделя, а об инке не было ни слуху ни духу. Эрнандо, поняв, что он обманут, послал в погоню за беглецом своего брата Хуана с шестьюдесятью всадниками. Но инку уже нельзя было догнать. В шести лигах от города отряд встретил испанцев, сопровождавших Манко. Они рассказали, что вся страна охвачена восстанием, а сам инка готовится к походу на столицу.

Дойдя до реки Юкай, испанцы убедились, что эти сведения верны: на противоположном берегу они увидели несколько тысяч индейцев. Верхом на лошадях конкистадоры бросились в реку и переплыли ее под градом камней и стрел. Как только испанцы достигли берега, индейцы отступили, но не разбежались, на что рассчиты-

вали завоеватели, а с невиданным мужеством бросились на всадников и окружили их со всех сторон. Загорелась ожесточенная битва. Туземцы были вооружены мечами с прочными медными клинками, огромными боевыми пащами, медными секирами и кинжалами. На них были подбитые стеганым хлопком панцири. Щиты и шлемы, обтянутые кожей, были украшены золотом и драгоценными камнями; у многих они имели форму звериной головы с раскрытой пастью.

Под натиском индейцев ряды испанцев смешались и дрогнули, но, как только первое замешательство прошло, с боевым кличем «Сант-Яго с нами!» конкистадоры бросились на перуанское войско. Индейцы десятками умирали под подковами лошадей, но сохраняя огромный численный перевес, продолжали атаковать испанский отряд.

Только к вечеру конкистадоры оттеснили противника в горы, а сами разбили лагерь в долине. Впервые завоеватели встретили в этой стране столь ожесточенное, героическое сопротивление. Победа дорого обошлась испанцам: они потеряли немало воинов и лошадей, многие были ранены. Хуан Писарро надеялся, что после тяжелых потерь индейцы не отважатся на новое нападение, но он жестоко ошибся.

На следующее утро с гор стало спускаться огромное войско. Испанцы бросились навстречу врагу, но в горном ущелье индейцы начали сбрасывать на них каменные глыбы. Всадникам пришлось отступить на равнину, где весь день продолжалось сражение, не принесшее победы ни одной из сторон. Близился вечер, и обессиленные испанцы уже рассчитывали на отдых, но тут прибыл гонец из Куско с приказом немедленно вернуться: город осажден противником.

Еще до захода солнца всадники достигли Куско. Все окрестности были заняты индейцами. Хронист Педро Писарро оценивал их численность в двести тысяч человек. Пучки перьев, украшавшие шлемы и знамена вождей, развевались на ветру, закатное солнце золотило медные топоры и лезвия мечей.

Однако всадникам удалось прорваться в город без боя. Эрнандо был рад возвращению брата: гарнизон Куско увеличился до двухсот всадников и пехотинцев, на стороне испанцев сражалось и около тысячи индейских воинов, принадлежавших к недавно покоренным племенам,

которые вместе с испанцами выступили против инки. Но по сравнению с осаждающими силы защитников города были ничтожны. В ущельях и на склонах гор всю ночь горели бесчисленные костры перуанцев.

Осада Куско, начавшаяся в первых числах февраля 1536 года, продолжалась одиннадцать месяцев. Перуанцы взяли за оружие на всей огромной территории от Кито до Чили: перебили ряд мелких испанских отрядов и осадили захватчиков в их опорных пунктах.

На следующий день перуанцы, трубя в раковины и тростниковые дудки, с дикими криками пошли на штурм. Они бросали в защитников камни и пускали стрелы, но это не причиняло почти никакого урона испанцам. Значительно большую угрозу представляли зажигательные стрелы и камни, обернутые просмоленным хлопком. Чертя за собой огненный след, они падали на соломенные и тростниковые крыши, которые сразу же вспыхивали.

По всему городу начались пожары, и к небу поднимались высокие столбы пламени и дыма. Казалось, происходит извержение вулкана — такой жар стоял в городе; люди задыхались в клубах дыма.

Испанцы разместились во дворце инки и в палатках, разбитых на главной площади. В день первого штурма крыша дворца загоралась трижды, но огонь угасал сам собой, хотя никто не тушил пожара. Это чудо приписали святой деве Марии, которую многие рьяные воители Христовы видели парящей над дворцом. Стало быть, здесь, на месте языческого жилища, должен быть воздвигнут христианский храм. Хронисты утверждали, что даже индейцы видели это чудесное явление. Явился испанцам и Сант-Яго, их покровитель на поле боя. На белом коне, с огненным мечом в руках, он носился над полчищами индейцев. На этих всемогущих защитников испанцы могли положиться, говорит Прескотт, — они всегда появлялись в нужный момент.

Огонь бушевал весь день, вместе с дворцами и храмами уничтожая бедные индейские жилища. Пожары продолжались и ночью, когда вид горящего города производил особенно жуткое впечатление. Прошло несколько дней, прежде чем пожары начали утихать. Испанцы даже не пытались бороться с огнем, это было бы напрасным делом. Полгорода превратилось в дымящееся пепелище,

а из самых значительных зданий пожар пощадил только храм Солнца и обитель дев Солнца.

Время от времени испанцы переходили в контратаки, чтобы отбросить осаждавших, но развалины сгоревших домов и рухнувшие стропила загораживали улицы и сковывали действия кавалерии. Пешие воины и помогавшие завоевателям индейцы пытались расчистить завалы, но перуанцы осыпали их стрелами и камнями и сами возводили баррикады.

Иногда всадникам все-таки удавалось вырваться из полуразрушенного города, и тогда они гнали перед собой бегущих перуанцев, рубили их мечами и кололи копьями. Но индейские воины не сдавались. Снова и снова бросались они в атаку, а некоторые, спрятавшись в развалинах, нападали на всадников с тыла. Основным оружием индейцев были лук и праща, но хронисты говорят, что они применяли и лассо, с его помощью захватив в плен нескольких испанцев вместе с их лошадьми.

Испанцы не знали покоя ни днем, ни ночью. В довершение всего индейцы заняли Саксауаманскую крепость, господствовавшую над городом, и обстреливали из нее лагерь конкистадоров.

Осажденные были близки к отчаянию. Доходившие до них слухи были один мрачнее другого: вся страна восстала, многие испанцы, находившиеся в своих поместьях, перебиты, Лима, Трухильо и другие города осаждены и скоро будут захвачены врагом, все дороги и горные тропы заняты индейцами, помощи с побережья ждать не приходится.

Многие конкистадоры настаивали на том, чтобы немедленно покинуть город и с боями прорваться к океану. Лучше пасть на поле боя, чем ждать, пока индейцы выкурят их, как лисиц, загнанных охотником в нору.

Другие, напротив, категорически возражали против этого плана. Отступление покроет позором испанское войско. Лучше умереть, чем покинуть превращенный в развалины город. Да у них и нет другого выбора — путь к побережью отрезан. Главное не отчаиваться: индейцы не привыкли к затяжной войне, мятеж начнет утихать, а там, глядишь, подойдет и помощь с побережья. Осаду надо выдержать любой ценой.

Но чтобы удержаться в Куско, надо было выбить индейцев из крепости. Прежде чем приступить к этой рис-

кованной операции, Писарро решил как следует проучить и запугать осаждавших. Незаметно расчистив проходы, осажденные тремя колоннами выступили из города и, внезапно напав на индейцев, начали жестокую резню. Но перуанцы скоро пришли в себя, бегущие возвращались и снова бросались на испанцев. Медные топоры, боевые палицы, стрелы и камни обрушивались на закованных в толедскую сталь завоевателей. Индейцы переняли у испанцев их военное искусство (Эррера рассказывает, что перуанцев обучал пленный конкистадор, которому Манко обещал за это сохранить жизнь). Некоторые даже пользовались оружием, захваченным у испанцев — мечами, шлемами, щитами, а также их лошадьми. Новый инка тоже гарцевал на боевом коне, облаченный во вражеские доспехи. Перуанцы уже не боялись лошадей, они отважно бросались коню под ноги и пытались стащить с седла всадника. И все-таки долго туземцы продержаться не смогли и вынуждены были наконец отступить.

После этой победы конкистадоры решили приступить к штурму Саксауаманской крепости, стоявшей на отвесной скале и господствовавшей над всей северной частью Куско. Более отлогие подходы к ней были укреплены валами из каменных глыб. За ними находилась сама крепость — три каменные башни, захваченные теперь индейскими воинами.

Руководство этой опасной операцией Эрнандо Писарро возложил на своего брата Хуана, по словам хрониста, отчаянного, безрассудно храброго воина. Подобраться к крепости можно было только по горным тропам. Поэтому испанцы прибегли к военной хитрости: незадолго до заката они вышли из города и направились в противоположную сторону, чтобы перуанцы подумали, будто этот отряд отправился грабить какое-нибудь селение. Под покровом ночи всадники повернули обратно и, не встретив на тропах ни одного индейца, незаметно добрались к крепостным валам. Перуанцы, не привыкшие к ночным сражениям, не выставили никакой охраны и чувствовали себя в полной безопасности.

Испанцы успели разобрать заваленный камнями проход в первом валу и подошли уже ко второму. Только тогда индейцы заметили врагов, и весь гарнизон бросился на них. Всадники спешили и под градом камней и стрел стали расчищать второй проход. Это удалось им,

и в крепости завязался яростный рукопашный бой. С башен на головы испанцев летели камни и бревна. Хуан Писарро сражался в первых рядах своих воинов, пока ему в голову не угодил камень и не поверг наземь. Тяжело раненного командира перенесли в город, где через две недели он скончался.

После ранения брата Эрнандо Писарро сам возглавил нападавших. В конце концов в руках перуанцев осталась только одна башня, защитниками которой командовал знатный инка — человек огромного роста, облаченный в испанские доспехи и вооруженный громадной боевой палицей. Этот великан своим страшным оружием отбивал все атаки и убивал тех из своих воинов, которые хотели сдаться. Эрнандо решил взять башню штурмом, но как только испанцы приставляли к ней лестницу, индейцы опрокидывали ее вместе с солдатами. Тогда нападавшие приставили лестницы сразу со всех сторон и бросились наверх. Последние защитники башни пали под ударами их мечей. Перуанского вождя Эрнандо велел взять живым, но тот, видя, что все потеряно, отбросил свою палицу и, завернувшись в плащ, бросился с башни. По словам хрониста, он умер, как древний римлянин, до последнего вздоха сражаясь за свободу своей страны и предпочтя смерть постыдному плену.

Крепость была захвачена, но проходили неделя за неделей, а помощь не приходила. Перуанцы решили взять осажденных измором. Воды в городе было достаточно — там было много ручьев, а вот запасы продовольствия кончались. Испанцы рылись в сгоревших складах, разыскивая зерно, совершали вылазки в окрестные селения, сопровождавшиеся яростными стычками. Ряды испанцев понемногу таяли. Они были отрезаны от всего мира и уже теряли надежду когда-нибудь выбраться отсюда.

Вся страна была охвачена восстанием: перуанцы перебили несколько сот испанцев и даже осадили Лиму. Франсиско Писарро очень беспокоился за судьбу гарнизона Куско, и он выслал на помощь ему, один за другим, четыре отряда — в общей сложности, четыреста всадников и пехотинцев. Но ни одному из этих отрядов не удалось добраться до Куско. В узких горных ущельях на конкистадоров нападали индейцы и уничтожали всех до последнего человека.

Узнав об этом разгроме и угрожающем положении во всей стране, Франсиско Писарро не на шутку встревожился. Начались разговоры, что в порту достаточно кораблей и, пока не поздно, надо бежать в Панаму. Но Писарро расстроил замыслы малодушных, отправив на этих кораблях гонцов в Панаму, Никарагуа и Мексику с известием о тяжелом положении в Перу. Апеллируя к чести и совести испанцев, он просил срочно прислать помощь, иначе будет потеряна такая огромная и богатая страна, как Перу. Аналогичное послание было отправлено и дону Педро де Альварадо в Гватемалу, хотя всего несколько месяцев назад от него с трудом избавились, уплатив богатый выкуп.

Наступил август, а перуанцы все еще осаждали Куско. Они твердо решили взять гарнизон измором. Однако и у индейцев запасы продовольствия подходили к концу — осада затянулась, а снабжать такую огромную армию было нелегко, так как испанцы опустошили продовольственные склады инки. К тому же подошло время сева. Поэтому инка распустил большую часть своего войска, чтобы люди могли засеять поля и снова вернуться к осажденному городу. Сам он с большим отрядом разбил лагерь в Тамбо, к югу от Юкайской долины, а в окрестностях Куско оставил отряды, которые должны были следить за противником и блокировать дороги.

Испанцы, заметив, что число осаждающих уменьшилось, стали все чаще предпринимать вылазки, чтобы добыть провизию. Однажды им удалось пригнать в Куско около двух тысяч лам. Теперь голод уже не угрожал, осажденным.

Однако набеги всегда сопровождалась яростными схватками между небольшими отрядами, а порой и поединками: некоторые перуанские воины, вооруженные боевым топором, пращей и лассо, не боялись вступать в единоборство с закованными в броню всадниками.

Эрнандо Писарро решил не ограничиваться мелкими стычками, а нанести решительный удар — застигнуть инку врасплох, захватить его в плен и тем самым положить конец войне. К лагерю Манко кружными путями подкралось восемьдесят всадников и небольшой отряд пехоты под командованием самого Эрнандо. На рассвете, переправившись через реку Юкай, испанцы стали скрытно подбираться к перуанскому лагерю, надеясь на-

пасть на противника врасплох. Но за ними уже следили тысячи глаз, и, когда конкистадоры приблизились на расстояние полета стрелы, перед ними возникли тысячи темных фигур, а инка, верхом на коне, из крепости руководил действиями своих войск. Небо затмилось камнями, дротиками и стрелами, обрушившимися на испанцев, а горное эхо далеко разнесло воинственный клич индейцев. В первую минуту ряды испанцев дрогнули, однако быстро пришли в себя и дважды пытались перейти в атаку, но в конце концов были вынуждены отступить. Замешательство еще более возросло, когда они увидели, что низина у них в тылу затоплена — перуанцы открыли шлюзы.

Конкистадорам пришлось спешно отступить, и войска инки преследовали их до обгоревших развалин Куско. Но это была последняя большая победа Манко.

К городу приближались закаленные во время Великого Южного похода «чилийцы» Альмагро численностью около пятисот человек. Альмагро, ранее весьма дружелюбно относившийся к Манко, послал к нему гонцов, приглашая инку встретиться в Юкайской долине. Он надеялся заключить с мятежниками союз против братьев Писарро.

Альмагро предложил перуанцам снять осаду с Куско и позволить ему самому расправиться со злейшим врагом Эрнандо Писарро. После этого все требования Манко будут удовлетворены и перуанцы станут жить с испанцами как родные братья.

Манко сделал вид, что соглашается на это предложение, но в действительности, не доверяя белым дьяволам, надеялся использовать распри между чужеземцами, чтобы одержать окончательную победу.

Защитники Куско, увидев приближающихся к городу вооруженных белых людей, не знали, радоваться им или готовиться к бою. Но вскоре они были оповещены о возвращении Альмагро из Чили и о его притязаниях на Куско. Эрнандо Писарро решил ни за что не отдавать города сопернику, хотя тот и был намного сильнее.

Манко, опасаясь, как бы Альмагро не объединился с осажденными, внезапно напал на него с пятнадцатитысячной армией. Вспыхнуло ожесточенное сражение, продолжавшееся не больше часа. После кровавой резни «чилийцы» отбили нападение перуанцев, и Манко отсту-

пил в горы, потеряв всякую надежду овладеть Куско. На этом, собственно говоря, и кончилась война перуанцев с испанцами. Но зато назревала новая война — между самими завоевателями.

Ни один из них не хотел удовольствоваться захваченным, каждый главарь стремился к золоту, власти, почету, к звучным титулам, к господству над всей страной, а остальных считал своими злейшими соперниками, которых любой ценой надо убрать с дороги. Даже своего повелителя — короля Испании и императора Священной Римской империи — они считали соперником, с которым приходится делиться добычей, и втайне надеялись избавиться от его господства. Долго назревала жестокая вражда между братьями Писарро и Альмагро, накапливались взаимные оскорбления и обиды. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло пламя междоусобной войны.

**Междоусобная
война
коннисагоров**

ССОРЫ И СТОЛКНОВЕНИЯ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ВЛАСТЬ

*Начало драмы. — «Рубите им, головы!» — Битва
у реки Абанкай. — Роковая ошибка Альмагро. —
Мирные переговоры и видимость примирения*

Очень скоро в Перу вспыхнула междоусобная война среди самих конкистадоров, и волею судьбы все главные действующие лица этой мрачной исторической драмы должны были погибнуть, как герои шекспировской трагедии. Но никто из них не вызывал сочувствия или симпатий. Насилие, предательство, неутолимая жажда наживы и власти были у них в крови.

Первым начал действовать Альмагро. Он отправил гонцов к магистрату Куско и потребовал, чтобы его признали законным губернатором этой области и отдали ему город, пожалованный королем. Вопрос был весьма спорный, поэтому магистрат, не становясь ни на чью сторону, решил выяснить, кому же, в конце концов, принадлежит Куско. Оба враждующих лагеря заключили перемирие и торжественно обязались не предпринимать никаких насильственных действий.

Стояла холодная, дождливая погода. Среди солдат Альмагро, мокнувших в своих походных палатках, нарастало недовольство. От них не могло укрыться, что сторонники Писарро укрепляют город. А тут еще до них дошла тревожная весть, что по распоряжению наместника из Лимы выслано против них большое войско. Воины Альмагро кричали, что они преданы, что перемирие на руку только сторонникам Писарро, которые ждут

подмоги, чтобы расправиться с ними. Надо немедленно что-то предпринять.

Подстрекаемый своими солдатами, Альмагро 8 апреля 1537 года нарушил договор и темной ночью скрытно ввел в город свои войска, не встретив никакого сопротивления. «Чилийцы» заняли все важнейшие пункты Куско, окружили его защитников и ворвались во дворец инки, где находилась резиденция братьев Писарро. Здесь разгорелась яростная схватка, во время которой несколько человек были убиты. Нападающие подожгли крышу здания, и, когда стали рушиться перекрытия, осажденные были вынуждены сдаться.

Альмагро арестовал братьев Писарро — Эрнандо и Гонсало — и еще пятнадцать или двадцать дворян и велел взять их под стражу. Однако убить их он все-таки не решился, хотя его советники настойчиво требовали этого. «Рубите им головы! Пока они живы, наш командующий в любую минуту может сам лишиться головы. Только, мертвые не кусаются!» — говорили они. Конкистадоры, служившие раньше братьям Писарро, перешли на сторону Альмагро. В его руках были власть и сила, и к тому же он платил жалованье.

А войско, посланное Франсиско Писарро, двигалось тем временем из Лимы в направлении Куско. Пятьсот всадников и пехотинцев расположились лагерем в Хаухе.

Узнав об этом, Альмагро тотчас выступил навстречу этому отряду, занимавшему хорошо укрепленные позиции за рекой Абанкай. Перебраться через нее можно было либо по мосту, либо воспользовавшись бродом ниже по течению. Еще до начала сражения Альмагро лживыми обещаниями сумел тайно переманить на свою сторону дворянина Педро де Лерму со всем его отрядом. По совету Лермы Альмагро двинулся к мосту, сделав вид, что собирается захватить его и форсировать реку. Тем самым он отвлек внимание противника и, воспользовавшись ночной темнотой, направил основную часть своего войска к броду. Течение здесь было таким сильным, что несколько человек утонуло, но остальные все-таки переправились на другой берег и бросились на врага. Лерма со своим отрядом присоединился к нападавшим. В лагере началась неопишуемая паника. Благодаря этому Альмагро сумел захватить мост и окружить

противника со всех сторон. Бой продолжался недолго. Командующий войсками наместника, не зная, что предпринять в этой сумятице, решил прекратить сопротивление и сдаться.

Битва у реки Абанкай 12 июля 1537 года закончилась с ничтожными потерями для обеих сторон, но Альмагро захватил в плен примерно столько же солдат противника, сколько имел сам. Его силы почти удвоились, так как большинство пленных, соблазненных заманчивыми обещаниями, перешли на службу к нему. Наемники не очень-то заботились о клятвах и обещаниях, данных своему главарю.

Теперь можно было двинуться на Лиму, свергнуть Франсиско Писарро и подчинить своей власти всю страну. Но Альмагро колебался, видимо, опасаясь, что восстание против законного наместника Новой Кастилии может кончиться для него плачевно.

Не знай, на что решиться, Альмагро остался в Куско и занял выжидательную позицию. Это была роковая ошибка. В Лиму для подавления индейского мятежа начали прибывать подкрепления. Из Панамы с отрядом в двести пятьдесят человек прибыл лицензиат Гаспар де Эспиноса, один из тех людей, которые финансировали, завоевание Перу. Завоеватель Мексики, Эрнандо Кортес, прислал в Лиму корабль с продовольствием, оружием, снаряжением и одеждой.

Во главе четырехсот пятидесяти человек наместник выступил из Лимы, направляясь к столице инков. Уже в пути он получил несколько поразивших его сообщений: Альмагро вернулся из Чили, захватил Куско, арестовал братьев Писарро и наголову разбил войско, посланное наместником. Соперник захватил добычу, а Писарро даже не знал об этом.

Разъяренный, но опасаящийся за свою судьбу наместник решил немедленно вернуться в Лиму, чтобы подготовить город к обороне. Он не сомневался, что противник попытается сразу же овладеть этим важным стратегическим пунктом. Но все еще надеясь на соглашение, он послал в Куско делегацию для переговоров. Возглавлял ее лицензиат Эспиноса.

Альмагро, гордясь своими успехами, отвергал все попытки договориться — он требовал Лиму, утверждая, что город находится в пределах отданной под его управ-

ление территории. Напрасно лицензиат пытался уговорить Альмагро быть более умеренным в своих требованиях и не забывать об интересах испанского короля. Переговоры оказались безрезультатными. Вскоре Эспиноса скоропостижно умер, и о соглашении уже не было речи.

Альмагро собирался направиться со своим войском к побережью, построить там крепость, соорудить гавань и отправить оттуда послов в Испанию, чтобы доказать правомерность своих действий. Кроме того, он выслал большой отряд против инки Манко, который еще держался в укрепленном лагере в горах, неподалеку от города. После последнего поражения Манко уже не мог собрать большой армии и отступал все дальше в горы. Испанцы не прекращали преследования, и армия инки постепенно разбежалась, а сам он со своими приближенными укрылся в недоступном горном районе Вилькапампа.

Офицеры Альмагро настойчиво советовали своему командующему отрубить головы братьям Писарро и немедленно двинуться на Лиму. Писарро, твердили они, никогда не прощают даже малейшего оскорбления, эти люди горды, как сам дьявол, и дерутся, как тысяча чертей.

Однако Альмагро колебался. К тому же братья нашли себе влиятельного заступника — Диего де Альварado, брата Педро де Альварado, соратника Кортеса. Когда-то Диего и Педро безуспешно пытались захватить Кито, после чего Педро вернулся в Гватемалу, а Диего перешел на службу к Альмагро и вместе с ним участвовал в Великом Южном походе.

Братья Писарро, содержащиеся в строгом заключении, сумели подкупить стражников, и те разрешили узникам принимать гостей. За карточной игрой братья вербовали себе сторонников, среди которых оказался и страстный игрок Диего де Альварado.

Очень скоро он проиграл колоссальное богатство — восемьдесят тысяч песо, — но Эрнандо Писарро отказался от выигрыша. Благодаря такому королевскому подарку братья приобрели себе верного и влиятельного друга Диего де Альварado сумел убедить Альмагро, что казнь братьев Писарро вызовет возмущение при испанском дворе и новый мятеж в Перу.

Наконец Альмагро выступил из Куско, приказав строго охранять пленников и взяв с собою в качестве заложника Эрнандо Писарро. В конце августа Альмагро достиг побережья и основал город в долине Чинчи, назвав его своим именем. Здесь он узнал страшную новость: Гонсало Писарро и другие узники, подкупив стражу, бежали из заточения и добрались до Лимы. Альмагро под горячую руку решил было разделаться с Эрнандо, но тут от Франсиско Писарро пришло предложение возобновить переговоры. После обмена письмами обе стороны решили избрать третейским судьей некоего монаха — брата Бобадилью, слывшего весьма справедливым человеком. Правда, некоторые отзывались о нем, как о настоящем дьяволе, готовым решить спор в пользу того, кто даст больше золота.

Альмагро, упустив случай разбить врага на поле сражения, начал длительные переговоры с Писарро.

Наконец произошла встреча обоих соперников. По свидетельству очевидцев, Альмагро снял шляпу и очень сердечно приветствовал наместника, тогда как тот сразу же гневно обрушился на него: на каком основании Альмагро захватил город и бросил в темницу его братьев. Франсиско Писарро сделал вид, что печется об интересах короля и всячески превозносил свои заслуги, кичась предоставленными ему правами и полномочиями; Альмагро, напротив, стал жаловаться на то, что отодвинут в тень, обманут и несправедливо обойден при разделе добычи. И тот и другой не скупилась на упреки и оскорбления, и переговоры были прерваны. Альмагро, предчувствуя предательство, внезапно покинул совещание и уехал.

Пропасть между двумя враждующими лагерями еще более углубилась. Многие старались убедить Альмагро, что раздоры и стычки могут поставить под угрозу само существование новой колонии и вызвать гнев короля.

В конце концов обе стороны согласились выслушать решение третейского судьи Бобадильи: на север, к реке Сант-Яго, следует отправить корабль с опытным кормчим, который определит географическую широту этой реки. Пока северная граница владений Писарро точно не установлена, наместник Перу получает обратно Куско. Альмагро освобождает Эрнандо, но тот в шестинедельный срок должен покинуть Перу. Обе стороны отводят свои войска в те области, которые не вызывают никаких

разногласий, а всякие враждебные действия прекращаются.

Об этом решении сторонники Альмагро сказали, что столь несправедливого приговора не было со времен Понтия Пилата. Они открыто возмущались им и высмеивали своего вождя — от старости и болезней генерал лишился рассудка и предал их. Враги поселятся в богатом Куско и будут владеть плодородными землями, а им отдадут бесплодные Чаркассские пустыни.

Недовольные не предполагали, что в Чаркасе — на теперешнем боливийском нагорье — на совсем небольшой глубине находятся громадные месторождения серебра. Они утверждали, что Писарро подкупил третейского судью, и требовали казни Эрнандо. Жизнь пленника все время висела на волоске. Однако Франсиско Писарро, слишком любил брата, самого смекалистого и ловкого в их семье, чтобы подвергать опасности его жизнь, и согласился, вплоть до следующего королевского указа, отказаться от Куско в обмен на освобождение Эрнандо. Альмагро сам отправился к заключенному и объявил, что возвращает ему свободу, выразив надежду, что старые споры будут забыты и возродится прежняя дружба. Эрнандо Писарро ответил, что ни о чем другом не помышляет, и торжественно поклялся своей рыцарской честью соблюдать условия соглашения. После праздничного угощения освобожденного пленника в сопровождении офицеров и сына Альмагро препроводили в лагерь Франсиско Писарро. Казалось, недавние соперники примирились. Но так могли думать только те, кто плохо знал Писарро.

КОНЕЦ АЛЬМАГРО

Только оружие определит подлинного правителя Перу. — Сражение у Ласалинас. — Разгром альмагристов. — Расправа. — Суд над Альмагро и его казнь

Как только Эрнандо Писарро был освобожден, наместник Перу вспомнил все старые обиды: соперник отнял у него Куско, захватил в плен братьев, напал на войско

законного губернатора и разбил его. Теперь следует думать не о мире или перемирии, а об отщении. Только оружие решит, кому быть подлинным правителем Перу.

В короткий срок Франсиско Писарро собрал семьсот человек, поручив командование ими своим братьям. Сам он слишком стар и слаб, говорил Франсиско, чтобы руководить походом. Писарристы отправили к Альмагро гонцов с требованием немедленно покинуть Куско и вернуться в пределы своей области.

Альмагро, тоже старый и тяжело больной, поручил командование войсками одному из своих офицеров — Оргоньесу. Тот попытался захватить горные перевалы и блокировать дороги, но опоздал и был вынужден встретиться с противника в долине Куско,

В апреле 1538 года войска братьев Писарро уже находились неподалеку от древней столицы инков. Альмагрособрал военный совет. Многие предлагали защищать город до последней капли крови, но командующий заговорил о возобновлении мирных переговоров. Тогда Оргоньес резко возразил: «Теперь уже поздно! Ты отпустил Эрнандо Писарро, и поэтому нам не остается ничего другого, как только драться с ним».

Верх одержало мнение сторонников Оргоньеса. Они предложили выступить из города и дать бой на равнине, где можно было лучше использовать кавалерию — главный козырь Альмагро в предстоящем сражении. Пятьсот воинов заняли позиции неподалеку от Куско, возле городка Ласалинас. Но выбор оказался неудачным — пересеченная местность затрудняла действия конницы. Однако Оргоньес надеялся, что здесь он сможет удержаться, так как перед линией обороны, находилось топкое болото и небольшая речушка. Пехоте альмагристов не хватало огнестрельного оружия, и солдаты вооружились длинными пиками. Установив шесть орудий и расположив на флангах кавалерию, Оргоньес стал ждать противника.

Скоро тот появился: солдаты Писарро, закованные в сверкающие латы, с развевающимися знаменами, четким строем, печатая шаг, перешли равнину и разбили лагерь на противоположном берегу реки.

Слухи о предстоящем сражении уже успели распространиться, и горные склоны были усеяны индейцами, сбравшимися, чтобы поглядеть на столкновение своих

врагов. Пришли сюда из Куско также жены и дети испанцев.

Наступило утро 26 апреля, и звуки труб призвали солдат к оружию. Началось сражение, от которого зависела судьба целой страны. У Писарро было мало конницы, но зато его пехотинцы — закаленные в боях ветераны и воины с островов Карибского моря — были вооружены мушкетами. Это новое огнестрельное оружие, недавно присланное из Фландрии, оказалось значительно действеннее аркебуз.

Обе стороны отслужили краткую мессу, словно и в этом бою всевышний должен был помочь им поразить язычников, а вовсе не кастильцев, своих братьев по вере. Эрнандо Писарро обратился с речью к солдатам, напомнив им обо всех обидах и несправедливостях, причиненных врагом, и, указав на сверкающую в утренних лучах столицу инков, воскликнул, что она будет наградой победителям. С восторженными криками его воины бросились в реку, перебрались через нее и напали на альмагристов.

С боевыми кличами «За короля и Альмагро!», «За короля и Писарро!» войска противников ринулись в бой. Кавалерия столкнулась на полном скаку. Схватка была ужасной, и наблюдавшие за боем индейцы ликовали. После такого сражения они могли бы напасть на белых дьяволов и перебить всех до единого. Но у них не было вождя, и войско их рассеялось, поэтому никто не мешал белым завоевателям сводить свои счета.

Оргоньес мужественно сражался, разя врагов копьем и мечом. На своем скакуне он носился по полю битвы, пытаясь найти и убить Эрнандо Писарро. Но в его шлем попала пуля, и он на время потерял сознание. В ту же минуту была убита его лошадь, придавившая при своем падении всадника. Враги окружили Оргоньеса и предложили ему сдаться. Но он не хотел отдавать свою шпагу простым солдатам, сказав, что вручит ее только человеку благородного происхождения. Тогда один из слуг Писарро, выдав себя за дворянина, отобрал у него меч и в то же мгновенье вонзил ему в сердце кинжал. Оргоньесу отрубили голову, насадили на пику и носили среди сражающихся, как символ победы, а затем кровавый трофей был выставлен на главной площади Куско для всеобщего обозрения.

После гибели Оргоньеса ряды альмагристов дрогнули.

Сильный мушкетный огонь заставил их укрыться за камнями и остатками стен, кое-где сохранившимися на поле боя. Педро де Лерма, командовавший кавалерией, не мог собрать рассеявшихся всадников. Тогда он в одиночку бросился на Эрнандо Писарро. Копья обоих врагов нашли цель — Писарро проткнул Лерме бедро, но и сам был легко ранен. Завязавшийся тут же рукопашный бой развлек противников. Чуть позже конь сбросил Лерму, и израненный рыцарь остался лежать на земле, истекая кровью.

Сторонники Альмагро уже не оказывали серьезного сопротивления и, объятые паникой, бежали в Куско. Сам Альмагро наблюдал за безжалостным побоищем с ближайшего пригорка, полулежа на носилках, так как был слишком слаб, чтобы держаться в седле. Убедившись, что сражение проиграно, он пытался укрыться в крепости Куско, но враги настигли его и захватили в плен. Великий маршал, как его называли, был доставлен в город, закован в цепи и помещен в то же здание, где еще недавно находились в заключении братья Писарро.

Битва продолжалась менее двух часов. Писарро торжествовали победу. Город оказался в их руках. По сведениям из разных источников, в бою погибли от ста пятидесяти до двухсот человек, главным образом, сторонников Альмагро. Многие альмагристи были убиты уже после битвы, когда они просили пощады — их рубили мечами, закалывали пиками, выкалывали глаза, отсекали руки и ноги — столь велики были ненависть и жажда мщения. Педро де Лерму, получившего семьдесят ран, друзья унесли в город, но здесь его безжалостно заколол в кровати один из солдат Писарро.

Писарристы основательно разграбили город. Но алчным искателям счастья добыча казалась слишком ничтожной. По словам Сарате, они требовали для себя Эльдорадо и говорили, что своими заслугами приобрели право на участие в такой экспедиции, где речь пойдет о настоящем золоте. Эрнандо Писарро пообещал им, как только появится возможность, организовать новые походы.

В Куско собралось около тысячи трехсот воинов, так как часть альмагристов присоединилась к победителям. А сам Альмагро оставался в заключении. Больной, сломленный несчастьями, он ждал решения своей судьбы.

Победители были очень обеспокоены состоянием здоровья своего пленника. Эрнандо Писарро, по словам Эрреры, еще до сражения, узнав, что его враг смертельно болен, воскликнул: «Не дай бог, чтобы это случилось прежде, чем он попадет ко мне в руки!»

Теперь Эрнандо часто навещал узника и всячески подбадривал его, обещая, что в ближайшее время — как только прибудет наместник — пленника освободят. А если наместник задержится, то он, Эрнандо, возьмет на себя всю ответственность, сам освободит его и отправит в Лиму. Франсиско, наверное, обойдется с ним не слишком сурово. Лживый Эрнандо даже поинтересовался, какой способ передвижения — на лошади, мулах или на носилках — допускает состояние здоровья пленника. Каждый день Писарро отправлял больному блюда со своего стола, вино и фрукты, и старый Альмагро, действительно, стал понемногу поправляться.

Но узник не знал и даже не мог предположить, что в это же время судьи и чиновники день и ночь трудятся в поте лица своего, принимая бесчисленные жалобы на Альмагро и готовя судебный процесс. Его сторонники, еще недавно чуть ли не носившие на руках своего вождя — идола и кумира солдат, теперь всячески очерняли его. Как-то надо было выслужиться перед победителями, чтобы снискать себе прощение у наместника.

Обвинительное заключение составило более двух тысяч страниц. По испанским обычаям все должно было происходить в соответствии со строжайшими требованиями закона. Альмагро обвинялся в том, что поднял мятеж и начал войну против испанского короля, погубив сотни его верноподданных, вступил в заговор с никой, врагом испанцев, и захватил Куско, принадлежавший королевскому наместнику.

Бунтовщику, предателю и врагу Испании осмелившемуся поднять оружие против ее короля, 8 июля 1538 года был вынесен смертный приговор. Альмагро должны были отрубить голову на центральной площади Куско. Судебный процесс был сплошным издевательством, осужденный даже не знал о нем и его никто не допрашивал. Решение суда ему сообщил какой-то монах.

Альмагро был потрясен услышанным. Такая несправедливость казалась ему невероятной. Он просил Эрнандо Писарро, своего злейшего врага, вспомнить о преж-

них заслугах и пощадить его седины. Ведь он уже ни для кого не опасен, он всегда так дружелюбно относился к братьям Писарро. Этот приговор плохая награда за то, что он еще недавно сохранил жизнь обоим братьям наместника. Да и король не оставит безнаказанными тех, кто осудит на смерть такого заслуженного человека.

На все эти слезные мольбы, перемешанные с угрозами, Эрнандо Писарро отвечал очень холодно: как может столь отважный рыцарь так унижаться; его судьба ничуть не хуже судьбы многих честных воинов. Ведь он же христианин и мог бы использовать оставшиеся часы, подаренные ему милостью божьей, чтобы закончить все свои земные дела. Приговор отменить нельзя, поэтому пусть готовится к своему последнему часу.

Когда король назначал Альмагро губернатором (аделантадо) Южного Перу (Нового Толедо), то предоставил ему право выбрать себе преемника. Согласно завещанию осужденного, его титул и привилегии должны были перейти к сыну — Диего де Альмагро. Но так как тот еще не достиг совершеннолетия, то временно управление Южным Перу Альмагро поручил Диего де Альварадо. Все свое имущество, находившееся в Перу, он завещал испанскому королю, добавив, что значительную сумму ему еще должен Писарро. Таким путем Альмагро надеялся заслужить расположение короля и добиться, чтобы тот защитил его сына и строго расследовал действия врагов.

Весть об осуждении Альмагро облетела весь город и произвела очень тяжелое впечатление. Некоторые офицеры, в том числе Диего де Альварадо, пытались заступиться за осужденного, но безрезультатно.

Эрнандо Писарро, обеспокоенный настроением колонистов, велел повсюду расставить посты мушкетеров и следить за домами альмагривов. Смертный приговор был приведен в исполнение тайно — в здании тюрьмы. Палач удавил великого конкистадора гаротой. Труп Альмагро привезли на главную площадь и публично отрубили ему голову.

Соблюдая приличия, Эрнандо и Гонсало Писарро в траурных одеждах, вместе с судьями и жителями города проводили останки Альмагро к церковному склепу, стараясь внушить всем, что только во имя высших интере-

сов государства пришлось казнить этого семидесятилетнего воина.

По свидетельству хронистов, Альмагро был отважным и щедрым полководцем, так что конкистадоры очень любили его. Будучи человеком неизвестного происхождения, он с гордостью мог заявить, что является сыном своих собственных подвигов.

Франсиско Писарро дождался в Лиме известия о победе под Куско, а затем не спеша двинулся через Анды, предоставив Эрнандо возможность расправиться с мятежниками, у которых было немало влиятельных друзей среди окружения наместника. К ним принадлежал и епископ Вальверде. Они просили помиловать Альмагро, и Писарро не решался прямо отказать им. С такой же просьбой прибыл и сын Альмагро — Диего. Наместник успокоил его — с отцом не случится ничего плохого.

Маркиз не скупился на обещания, но тут же посылал в Куско тайные инструкции — действовать так, чтобы Альмагро никогда больше не доставил хлопот! Наконец пришло сообщение, что вождю «чилийцев» отрубили голову. Писарро немедленно облачился в траур и стал утверждать, что его братья действовали необдуманно. По словам хронистов Педро Писарро и Эрреры, он казался очень расстроенным и проливал горькие слезы.

ВСЮ ВЛАСТЬ В ОДНИ РУКИ!

Победитель собирается единовластно управлять страной инков. — Неудача Эрнандо Писарро при испанском дворе. — Уполномоченный короля отправляется в Перу. — Нападение Манко на испанцев. — Строительство крепостей. — Педро де Вальдивия в стране арауканцев

Под звуки фанфар, торжественно, как и полагается завоевателю, великий маркиз во главе своего войска вступил в Куско и начал усмирять мятежный город, конфискуя собственность альмагристов и раздавая ее своим сторонникам. Он не признал завещания Альмагро

и прав его сына Диего на Южное Перу. Маршал, утверждал Писарро, в результате мятежа лишился всех своих прав и привилегий.

Это была опасная тактика — отнимать у врага имущество и оставлять его в живых, но Франсиско Писарро чувствовал себя столь могущественным, что ни убивать (как советовали ему братья), ни переманивать противников на свою сторону подарками и наградами не собирался.

Наместник заявил, что ему подчинены все области по эту сторону океана. Отсюда следовало, что Франсиско не потерпит никаких соперников и будет управлять единовластно.

Своим братьям наместник выделил столь богатые репартименты (земли с индейцами), что начали роптать даже его сторонники. Тогда же Гонсало с сильным войском был послан против индейцев в район Чаркасы, чтобы окончательно подавить их сопротивление.

Со времени смерти Альмагро прошел почти целый год. Эрнандо Писарро снова собрался в Испанию, чтобы рассеять неблагоприятное впечатление, которое оставила при дворе казнь маршала. Диего де Альварадо и другие друзья Альмагро уже давно находились в Кастилии, где в весьма непривлекательных красках изображали деятельность братьев Писарро и пытались добиться отмщения за совершенное преступление, а сыну Альмагро вернуть его законные права.

Перед отъездом Эрнандо еще раз предупредил брата: остерегайся мести со стороны «чилийцев». Наместнику не следует подпускать этих людей к своей особе, следует увеличить число телохранителей. Франсиско только посмеялся над опасениями брата.

Летом 1539 года Эрнандо отплыл из Лимы в Испанию и во всем блеске предстал перед королевским двором в Вальядолиде. Он привез богатые подарки и расчитывал на всемогущество золота. Но на этот раз его встретили весьма холодно. Об этом позаботились Диего де Альварадо и другие друзья Альмагро. Эрнандо Писарро грозил суд. Но золото сделало свое дело — судьи не торопились расследовать запутанное дело.

Альварадо, которому наскучили судейская волокита и придворные интриги, вызвал Эрнандо на дуэль, чтобы

решить спор с помощью так называемого «божьего суда», но тот уклонился от поединка, и не без основания. Пять дней спустя Альварадо скоропостижно скончался, очевидно, его отравил какой-то подкупленный слуга.

Карл V никак не мог выяснить, на кого же в конце концов ложится вина за междоусобные войны. Одно было ясно: это вредило интересам Испании. К тому же случилось то, чего король опасался больше всего, — Франсиско Писарро захватил единоличную власть над огромными заморскими территориями.

Поэтому король велел направить в Перу судью — лиценциата Вака де Кастро, наделив его широкими полномочиями. Кастро должен был ознакомиться с положением в заморских колониях, рассмотреть все жалобы, создать пригодную для новой колонии систему управления и затем представить доклад двору. Но королевскому уполномоченному предложили с подобающим, уважением относиться к Франсиско Писарро. Только в случае смерти последнего Кастро имел право обнародовать секретное распоряжение Карла V, согласно которому лиценциат назначался губернатором Перу.

Миссия Эрнандо Писарро закончилась неудачей — его все же арестовали и заточили в крепость, где он провел в заключении двадцать лет (до 1560 года), пережив всех своих родственников и собственную славу. Эрнандо — единственный из братьев, который умер собственной смертью в 1578 году в своем поместье в Эстремадуре в возрасте ста (или даже ста четырех) лет, если верить хронистам того времени.

По описаниям современников, Эрнандо Писарро был статным, сильным мужчиной безукоризненного поведения. Но были в его характере и весьма непривлекательные черты. Он был чрезвычайно самолюбив, надменен и беззастенчив, обладал безмерным честолюбием, мстил за обиды, никому не сочувствовал и никогда не испытывал угрызений совести.

Не дожидаясь королевского постановления, Франсиско Писарро стал направо и налево раздавать земли завоеванной страны. Себе и своим сторонникам он оставял самые плодородные области, а «чилийцам» выделял самые отдаленные и бедные. Это опять вызвало

страшное недовольство. Колонисты роптали: наместник и его близкие нагло прибрали к рукам все лучшее, что было в Перу. В стране опять стало неспокойно.

Этим воспользовался инка Манко. Время от времени он спускался с недоступных Андских хребтов, собирал своих воинов и нападал на испанцев. Внезапными ударами перуанцы уничтожали испанские горнизоны, сжигали их поселения, разрушали плантации, угоняли скот.

Против неуловимых индейских воинов были бессильны артиллерия и конница, не помогали и карательные экспедиции. Со скал на конкистадоров обрушивались каменные глыбы, ущелья превращались в западню, у ночных костров их настигали стрелы.

Наместник отправил против Манко сильный отряд под командованием своего брата Гонсало. В ущельях и на горных перевалах произошло несколько яростных стычек. Хотя они кончились поражением перуанцев, захватить самого инку испанцам не удалось.

Тогда они решили заманить Манко в ловушку, пригласив его на переговоры. И хотя инка не верил ни одному слову завоевателей, он согласился встретиться с Франсиско Писарро в Юкайской долине.

Наместник послал к Манко африканского раба с богатыми подарками, но по дороге тот был убит перуанцами. Писарро жестоко отомстил за это оскорбление. Испанцы захватили в плен одну из жен Манко, молодую красивую женщину, которую тот очень любил. Писарро приказал раздеть ее догола, привязать к столбу и сначала публично выпороть розгами, а затем пронзить стрелами. Несчастная женщина не просила о помиловании, она стойчески выдержала жестокую порку и молча встретила смерть. Даже выдавший виды Писарро удивлялся ее мужеству.

Переговоры с никой не состоялись, и перуанцы продолжали свои вылазки.

В этих условиях испанцы избрали самое верное средство — строить опорные пункты и крепости во всех стратегически важных точках Перу. За короткий срок на пути из Лимы в Куско было построено несколько укрепленных поселений. Укрепленные города возводились и в других районах страны.

проведя в Куско около года, Франсиско Писарро вернулся в Лиму. Он многое сделал для строительства и расширения Королевского города, заботился о привлечении новых колонистов, об устройстве золотых и серебряных рудников.

Одного из своих офицеров — Педро де Вальдивию, закаленного, безжалостного воина, — великий маркиз отправил в Чили для окончательного завоевания этой страны. Вальдивия, участвовавший вместе с Альмагро в первой Чилийской экспедиции, в январе 1540 года со ста пятьюдесятью солдатами и двумя священниками двинулся на юг вдоль океанского побережья. Сравнительно легко преодолев пустыню Атакаму, он достиг центральной части Чили — плодородных долин Кокимбо. Здесь, в густых лесах, обитали племена арауканцев, занимавшиеся, главным образом, охотой и только изредка земледелием.

В лесах росли огромные деревья — араукарии — с шишками величиной с человеческую голову. Семена араукарий, которые были в два раза больше миндаля, индейцы использовали в пищу. Леса казались испанцам мрачными и враждебными, они понимали, как трудно здесь будет бороться с туземцами.

Сначала арауканцы гостеприимно встретили пришельцев, но когда испанцы стали грабить деревни и отнимать продовольственные запасы, индейцы взялись за оружие.

В 1541 году Вальдивия, дойдя до 33°30' ю. ш., основал в среднем течении реки Майпо город Сантьяго, начал создавать плантации и открывать рудники. Он приглашал в Чили колонистов и всячески поощрял развитие земледелия и торговли, надеясь основать здесь богатую, процветающую колонию.

Но во время этой колонизации испанцы были вынуждены непрерывно сражаться с воинственными туземцами. Арауканцам удалось выбить из Сантьяго гарнизон завоевателей и сжечь только что построенный город, но Вальдивия восстановил его.

В 1544—1545 годах он, исследуя побережье Чили, дошел до реки Био-Био, находившейся далеко на юге, но был отозван оттуда в Перу на подавление мятежа.

В «СТРАНУ КОРИЦЫ»

Экспедиция Гонсало Писарро и Франсиско Орельяны. — Тяжелый переход через горы. — «Страна корицы» приносит разочарование. — В зеленом аду. — Постройка бригаантины. — Орельяна отправляется на разведку. — Возвращение Гонсало Писарро в Кито

Наместник Перу Франсиско Писарро назначил своего брата Гонсало губернатором округа Кито и поручил ему открыть и завоевать так называемую «Страну корицы», а если повезет, то и Эльдорадо. По рассказам индейцев, «Страна корицы» находилась к востоку от Кито. Там будто бы растут коричные деревья и можно найти множество других пряностей. В то время в Европе корица, гвоздика, перец, имбирь, кардамон и другие пряности тропических стран были на вес золота. И наравне с золотом они манили за океан Колумба и Кортеса, Васко да Гама, Магеллана и Писарро.

О жизни Гонсало Писарро до его прибытия в Южную Америку достоверных сведений не сохранилось. Его происхождение столь же темно, как и происхождение Франсиско. В детстве Гонсало тоже не знал родительской ласки, и никто не заботился о его воспитании. Очень рано он стал солдатом и приобрел военный опыт. Его считали одним из самых умелых воинов во всем Перу. Этот человек всегда действовал отважно и завоевал себе славу опытного полководца.

К его экспедиции в «Страну корицы» присоединился Франсиско де Орельяна. Этот авантюрист был родом из Трухильо, маленького испанского городка в Эстремадуре, откуда вели свое происхождение и «великие» Писарро. Бедный идалго, который именовал себя в документах «знатным рыцарем и человеком чести», в 1526 году еще подростком (предполагается, что он родился в 1512 году) отправился за океан. Есть основания считать, что свои первые годы в Новом Свете он провел в Никарагуа, где получил хорошую закалку в сражениях с индейцами. Затем он участвовал во всех крупных походах в Перу. В одном из боев молодой конкистадор лишился глаза. В 1536 году Орельяна поспешил на помощь осажденному Куско с восьмьюдесятью пехо-

тинцами и десятью или двенадцатью лошадьми, купленными на его собственные деньги. В 1537 году Орельяна в чине генерал-капитана отправился на усмирение мятежных индейцев на Гуаякильском побережье. После одержанной им победы его назначили губернатором Сантьяго и Пуэрто-Вьехо. В том же Году он основал на реке Гуаяса новый город — Сантьяго де Гуаякиль (нынешний Гуаякиль, крупнейший порт Эквадора).

В бою при Ласалинас Орельяна командовал главными силами Писарро. После победы этот храбрый энергичный воин снова стал управлять своим округом, где у него, по словам хрониста, было много индейцев, поместий, стад и всяческого добра, так что он мог бы считаться весьма богатым человеком, если бы сидел дома и умножал свои богатства.

Но Орельяна, как большинство конкистадоров, не довольствовался достигнутым. Прослышав об экспедиции Гонсало Писарро, он тут же решил присоединиться к ней и попытать счастья в «Стране корицы». Оба вождя конкистадоров договорились выступить из Кито в марте 1541 года.

Однако Гонсало Писарро уже 21 февраля, задолго до назначенного срока, направился в «Страну корицы». Это была хорошо оснащенная экспедиция. В ней участвовало от двухсот до трехсот испанцев, много негритянских рабов и более четырех тысяч индейцев-носильщиков. Чтобы носильщики по дороге не разбежались, на них надели оковы и сковали цепями по нескольку человек вместе. Почти все испанцы имели лошадей. За отрядом гнали четыре тысячи лам и пять тысяч свиней, предназначенных в пищу. Участники экспедиции захватили собак, специально натренированных для охоты за индейцами.

Орельяна, в марте прибывший в Кито, узнал, что экспедиция уже давно выступила на восток. Со своим маленьким отрядом из 23 человек он поспешил вслед за Гонсало, хотя старые колонисты и предупреждали, что горсточка его людей затеряется в девственных лесах или же будет перебита индейцами.

Тем временем Гонсало Писарро двигался на юго-восток через восточные отроги Анд, преодолевая невероятные трудности. Горы казались непроходимыми, испанцам все время надо было отбиваться от враждебных

индейских племен и переправляться через большие, полноводные реки.

В горах дули ледяные западные ветры, вызывавшие особую болезнь *чуньо*. Как только люди выходили из ущелий на плоскогорье, резкий ветер начинал обжигать незащищенные части тела. Кожа воспалялась и трескалась, лицо, нос, губы и веки кровоточили и горели, как в огне, даже по ночам. Болезнь продолжалась около недели, потом обожженная кожа покрывалась шелушащимися стру皮ями. Постепенно человек выздоравливал, но иногда болезнь повторялась.

Западные ветры сопровождались страшными бурями, а потом снова светило яркое солнце, снег таял и нестерпимо сверкало, отчего у многих наступала снежная слепота. А потом небо снова затягивалось тучами, опять валил снег и гремели грозы.

Высоко в горах конкистадоров мучила горная болезнь *пуна*. После нескольких шагов они должны были делать глубокий вздох и отдыхать, и все-таки им казалось, что воздуха не хватает. Это состояние сопровождалось головными болями и головокружением. Солдаты не могли преодолеть чувство страха и слабости и с трудом карабкались по отвесным утесам. Сильные закаленные воины чувствовали себя беспомощными детьми. Кое-кто даже падал в обморок или дрожал как в лихорадке.

По ночам никто не мог заснуть, и отдых превращался в настоящее мучение. Лошади тоже страдали от горной болезни — даже больше людей. Индейцы — жители тропиков — не выдерживали холода, их жалкая одежда не защищала от ветра, и ночью многие из них замерзали.

Участники экспедиции стали свидетелями чудовищного землетрясения, которые часто случаются в этих вулканических областях. В земле образовались широкие трещины, над которыми клубились серные испарения. Один индейский поселок, состоявший из нескольких сот домов, бесследно исчез в разверзшейся под ним пропасти.

Стираясь скорее перебраться через горы и спастись от холода и буранов, испанцы бросали в дороге скот, который гнали за отрядом, и запасы провизии. Начался голод.

Когда же конкистадоры спустились с восточных отрогов Анд, холод сменился тропической жарой и грозными ливнями, не прекращавшимися ни днем ни ночью. Промокшие до костей, обессиленные, люди едва продвигались вперед.

В одном индейском поселке они два месяца отдыхали, ожидая, когда прекратятся ливни. Здесь к Писарро прибыл гонец от Орельяны с просьбой о помощи. Орельяне пришлось еще тяжелее, чем отряду Гонсало, так как ему нужно было двигаться через области, уже разоренные испанцами. Индейцы окружили его маленький отряд и уничтожили бы его, если бы из лагеря Писарро к нему не поспешил капитан Карвахаль. Орельяна потерял почти всех лошадей, а у солдат не осталось ничего, кроме щитов и мечей.

Гонсало Писарро назначил Орельяну своим заместителем. Сам он во главе восьмидесяти человек отправился вперед, на поиски коричневых деревьев, а Орельяна с остальными воинами медленно продвигался за ним. Писарро сначала шел на юго-восток, а затем повернул на север и вышел к реке Кока.

На этот тяжелый переход ушло семьдесят дней. Наконец испанцы нашли коричневые деревья. Это были огромные лесные великаны, росшие в диких горах на значительном удалении друг от друга. Плоды и листья этих деревьев действительно пахли корицей, но кора их, к сожалению, не имела ничего общего со сказочно дорогой корицей Цейлона. Стоило ли из-за этого перебираться через неприступные горы и блуждать в джунглях? Игра явно не стоила свеч, и конкистадоры потеряли всякий интерес к экспедиции.

В поселке возле реки Кока люди Писарро пятьдесят дней отдыхали, ожидая прибытия основного отряда во главе с Орельяной.

Затем Писарро решил отправиться дальше на восток, где в десяти днях пути, по словам индейцев, находилась богатая золотом, густо населенная страна.

Конкистадоры с трудом продвигались вперед. В тропических лесах, росших на берегах реки, не было ни дорог, ни тропинок. Деревья были увиты лианами, и путь приходилось прорубать топором. Дождь лил не переставая, одежда гнила прямо на теле, а острые шипы превращали ее в лохмотья.

Запасы продовольствия были съедены или испортились, скот разбежался. Пришлось есть взятых с собой собак и разysкивать в лесу съедобные корни.

Продвигаясь вдоль реки, испанцы однажды услышали отдаленный гул — словно где-то под землей грохотал гром. Это, зажатая скалами, неслась со страшной быстротой и низвергалась вниз огромным пенящимся водопадом река. После давящей тишины девственного леса этот грохот казался еще ужаснее. Нигде не было видно ни одной лодки и никаких признаков человеческого жилья. Даже лесные звери как будто исчезли и только кайманы неподвижно грелись на солнце. И вниз и вверх от водопада, высоту которого испанцы определяли в тысячу двести футов (около четырехсот метров), река была совсем узкой. Измученные голодом конкистадоры решили переправиться на другой берег и попытаться найти какое-нибудь селение. Через узкое и глубокое ущелье они перекинули стволы деревьев и по этому непрочному мосту благополучно перебрались и люди, и лошади. Лишь один-единственный испанец неосторожно глянул вниз, голова у него закружилась, и он рухнул в бушующий поток.

Но и на другом берегу были все те же непроходимые джунгли. И все-таки завоеватели шли вперед, надеясь добраться до страны, о которой рассказывали индейцы. Но одно разочарование сменялось другим, обетованная земля отступала все дальше.

Наконец, при впадении Коки в большую реку Напо испанцы наткнулись на несколько небольших индейских деревень. Здесь Писарро велел построить бригантину, чтобы везти на ней больных и переправляться с одного берега на другой в поисках продовольствия. Орельяна обошел весь лагерь, собирая железо, необходимое для изготовления гвоздей и ценившееся теперь дороже золота. Даже подковы, оставшиеся от съеденных или павших лошадей, были перекованы на гвозди. Вместо дегтя пользовались древесной смолой и похожим на резину клейким соком, щели законопатели солдатскими лохмотьями. Постройка корабля была трудным делом, но Писарро умел поддержать дух своих соратников. Через два месяца примитивное, но достаточно прочное судно, которое могло вместить половину всех испанцев, было спущено на воду и названо «Сан-Педро».

Продираясь сквозь чащу и заросли тростника, перебираясь через болота и топи, конкистадоры шли долиной Напо вниз по течению.

Корабль под командованием Орельяны, с небольшим запасом продовольствия и большими солдатами на борту, следовал за войском. Так испанцы достигли огромной равнины в бассейне Амазонки. Но и тут они не обнаружили никаких сокровищ. Не было здесь и индейцев, у которых можно было бы раздобыть продовольствие. Голод все усиливался. Конкистадоры ели пресмыкающихся и мелких зверьков, когда их удавалось поймать. Не брезговали они кожей сапог, ремней и седел.

От голода и болезней испанцы умирали десятками, индейцы — сотнями. Последних безжалостно гнали вперед, а тяжелобольных бросали на произвол судьбы. К этому времени погибло уже более тысячи индейцев.

Солдаты стали роптать. Тогда в конце декабря 1541 года Гонсало Писарро решил отправить бригантину вниз по реке, поручив Франсиско Орельяне разведать путь, раздобыть продовольствие и вернуться обратно. Для этой цели он выделил ему пятьдесят семь человек. Сам же Писарро с главными силами решил возвратиться в один из индейских поселков, где можно было рассчитывать хоть на какие-то припасы, и ждать возвращения корабля. Они расстались 26 декабря 1541 года и больше уже не встретились. Бригантина и несколько индейских пироги быстро скрылись из глаз, уносимые стремительным течением.

Проходили дни и недели, а корабль не возвращался. Писарро посылал вниз по реке разведывательные отряды, но и они не могли сообщить ничего нового. Тогда Гонсало решил вместе со всем отрядом пройти по берегу до устья Напо. Дорога заняла два месяца. Но и здесь бригантин не было. Наконец в лагерь почти приполз умирающий от голода испанец. Он рассказал, что Орельяна за три дня одолел расстояние, на которое Писарро понадобилось два месяца, но не нашел ни деревень, ни съестных припасов. Плыть обратно против сильного течения был невозможно. Орельяна решил отправиться вниз по великой реке до самого ее устья, открыть по дороге новые земли, а затем выйти в море. Он — этот несчастный — возражал против такого реше-

ния, и в отместку за это был высажен на берег и брошен на произвол судьбы.

Пораженные ужасом испанцы, выслушав это известие, внезапно поняли, что и сами они — без корабля, без провизии — попали в безвыходное положение. Им оставалось только вернуться в Кито, снова проделав путь в четыреста лиг (более двух тысяч километров).

Весь отряд единогласно отверг предложение Писарро построить вторую бригантину и гнаться за предателем по великой реке. Далекий неизведанный путь внушал людям ужас. Надеявшиеся, что Орельяна вернется с большими запасами продовольствия и вестями об Эль-дorado, они пришли в полное отчаяние и требовали немедленного возвращения в Перу.

Гонсало всячески подбодрял усталых, потерявших надежду солдат. Ведь они до сих пор вели себя как истинные кастильцы и благодаря этой экспедиции покроют себя неувядаемой славой. Возвращаться они будут другим путем и наверняка обнаружат богатые, плодородные области. Теперь каждый шаг будет приближать их к дому. К тому же сезон дождей кончился, и погода будет благоприятствовать им.

Испанцы на обратном пути сделали крюк в северном направлении в надежде, что там окажется меньше болот и топей, но и эта дорога оказалась столь же тяжелой. Обессилевшие люди умирали один за другим.

Наконец, в июле 1542 года восемьдесят оставшихся в живых испанцев подошли к Кито. Из индейцев не вернулся никто. В нескольких лигах от города солдатам пришлось ждать, пока им принесут какую-нибудь одежду, чтобы прикрыть голое, истерзанное тело.казалось, что эти покрытые гноящимися ранами, одетые в лохмотья и звериные шкуры, нечесанные, с почерневшими от тропического загара лицами, еле передвигающиеся люди вернулись из царства теней.

Экспедиция Гонсало Писарро не обогатила ее участников и с точки зрения конкистадоров закончилась полной неудачей, но географические открытия были весьма значительны: испанцы впервые пересекли труднодоступную область Анд в районе верхнего течения Напо, к тому же этот поход дал возможность Франсиско Орельяне совершить свое знаменитое плавание по Амазонке.

ВНИЗ ПО ВЕЛИКОЙ РЕКЕ

Главная забота — пропитание. — Был ли Орельяна предателем? — Постройка второй бригаантины. — Первые битвы на великой реке. — Зверства завоевателей. — Христиане в плену джунглей. — Сражение с воинственными амазонками. — Отравленные стрелы. — Конец необычайного путешествия. — Вторая экспедиция Орельяны на Амазонку

26 декабря 1541 года капитан Франсиско Орельяна, простившись с Гонсало Писарро, отправился вниз по Напо с пятьюдесятью семью испанцами, несколькими неграми и индейцами. Их путешествие продолжалось не две-три недели, как они рассчитывали, а восемь с половиной месяцев. За это время испанцы проплыли по великой реке более шести тысяч километров, потеряв всего несколько человек, умерших от болезней и погибших, в стычках с туземцами.

Трудно представить более неблагоприятные условия, чем те, в которых началась эта экспедиция. Все ее участники были измучены одиннадцатимесячным переходом, больны и обессилены голодом, к тому же почти все время лили тропические дожди.

Бригантина и несколько пирог Орельяны быстро неслись по течению, но на берегах не встречалось ни одной индейской деревни. Причаливая к берегу, изголодавшиеся люди обшаривали окрестности в поисках съедобных корней. Иногда корни оказывались ядовитыми, и те, кто ел их, были на волосок от смерти.

Лишь через девять дней — 4 января 1542 года, — уже в сумерках, капитан услышал далекий грохот индейских барабанов. На следующее утро конкистадоры увидели на берегу небольшой поселок и приготовились к бою, но индейцы спрятались в чаще леса, так что испанцы могли беспрепятственно разграбить их жилища и утолить свой голод. Монах Карвахаль, участник и хронист экспедиции, писал: «И ели, и пили они с великой ненасытностью и никак не могли наесться».

Скоро индейцы начали возвращаться, и Орельяна, немного знавший язык местных племен, пригласил касиков на переговоры. Когда те собрались, чтобы взглянуть на невиданных пришельцев, Орельяна торжественно

объявил индейцев и все их земли собственностью испанского короля и Гонсало Писарро. Гостеприимные касики взялись снабдить белых людей продовольствием. Индейцы принесли много всякой провизии — мясо черепах, дичь, лепешки, рыбу.

Орельяна выполнил первую часть своей задачи — раздобыл для отряда съестные припасы. Но участники экспедиции отказывались грести против сильного течения и даже грозили неповиновением — слишком далеким и тяжелым казался им обратный путь. Капитан был вынужден подчиниться.

Орельяна объявил, что он готов продолжать плавание по великой реке к морю, в страны, населенные христианами, но с одним условием: в этом лагере в течение двух-трех месяцев, пока хватит продовольствия, они будут ждать генерал-капитана с его войском. За это время надо построить еще одну прочную и более вместительную бригантину, чтобы все, в том числе и люди Писарро, могли добраться до океана по огромной неисследованной реке.

Орельяна даже обещал богатое вознаграждение тем, кто на пироге отправится к Писарро и сообщит ему об этом, но никто не отозвался на это предложение.

Испанцы начали готовиться к постройке второй бригантини. И снова самым трудным оказалось изготовить гвозди. Но люди с большой настойчивостью взялись за дело — из сапог они мастерили кузнечные мехи, рубили деревья и пережигали их на уголь. За двадцать дней было выковано две тысячи хороших гвоздей. Но за это время запасы продовольствия подошли к концу, и 2 февраля испанцы покинули лагерь, решив построить корабль в другом месте.

По традиционной версии, Орельяна бросил Писарро в несчастье, надеясь ценой этого предательства приобрести всю славу и выгоды, связанные с великими открытиями. Но найденные впоследствии документы свидетельствуют, что практически Орельяна и не мог вернуться. Сильное течение так замедлило бы его движение, что все добытые им съестные припасы они израсходовали бы в пути, и возвращение оказалось бы совершенно бесполезным. Кроме того, Орельяна не мог рассчитывать, что после столь долгого отсутствия еще застанет Писарро на прежнем месте.

Вряд ли есть основания утверждать, что уже с самого начала похода Орельяна задумал бросить своего на чальника и совершить предательство, которое затем так настойчиво приписывали ему некоторые хронисты и историки. Но, когда бригантина благополучно достигла устья Напо и испанцы увидели огромную реку, текущую на восток, к океану, тогда Орельяна, возможно, и решил плыть в глубь страны, сделать важные открытия, приобрести славу первооткрывателя и захватить сокровища Эльдорадо. Постоянство и верность своему слову не были в ходу у конкистадоров. Все прославленный вожди Конкисты — и Бальбоа, и Кортес, и братья Писарро — были людьми лживыми, не останавливающимися перед предательством. Почему Орельяна должен был быть исключением?

Но верно и то, что из-за него Гонсало Писарро потерял много времени, ожидая, а затем и разыскивая уехавших, и, заплатил за это жизнью многих участников экспедиции.

12 февраля бригантина и пироги Орельяны доплыли по Напо до еще большей реки (Амазонки). Путешественникам не удалось здесь пристать к берегу — в месте слияния двух рек вода бурлила, образуя водовороты, в которых носились вырванные с корнями деревья.

И снова у испанцев кончились запасы продовольствия, а берега казались необитаемыми. Лишь после долгого пути измученные люди заметили несколько деревень. Пришельцев встретили дружелюбно и снабдили провизией.

Однажды — это было 26 февраля — к бригантине подплыли две пироги, доверху нагруженные огромными — около метра в диаметре — черепахами и другой провизией. Эти подарки прислал некий индейский касик Апария, приглашавший пришельцев погостить у него. Испанцы приняли приглашение Орельяна пытался уговорить вождя принять христианство и старался убедить туземцев, что испанцы являются детьми Солнца — он видел, как индейцы поклоняются этом светилу. Туземцы, по словам хрониста, действительно принимали белых за святых, за небожителей, и богато снабжали их съестными припасами — черепахами, птицей, рыбой, мясом ламантинов и даже жареных обезьян

Лодка индейцев Амазонки, сделанная из древесной коры

Орельяна собрал здесь двадцать шесть касиков и на торжественной церемонии объявил их земли собственностью испанского короля. В честь этого события конкистадоры воздвигли на берегу реки огромный крест, очень понравившийся индейцам.

В поселке Апарии, в густонаселенной местности, видимо, недалеко от впадения в Амазонку реки Жавари, испанцы провели пятьдесят восемь дней. Здесь они построили вторую бригантину «Викторию», большую, чем «Сан-Педро», хотя в их распоряжении не было ни подходящих материалов, ни инструмента, ни корабельных мастеров. Пришлось ремонтировать и «Сан-Педро», которая уже начала гнить.

В этом поселке испанцы впервые услышали о женщинах-воительницах, обитающих ниже по течению великой реки. Конкистадоры назвали их амазонками. В деревню приходили и четыре очень высоких индейца, на целый фут выше испанцев, светлокожие, с волосами до пояса, в ярких одеждах, с золотыми украшениями. Они принесли много всякой провизии и держались очень почтительно. Капитан, в свою очередь, преподнес им подарки и пригласил их вождя погостить в испанском лагере. Таких необычного вида индейцев ни Орельяна, ни другие путешественники потом никогда больше не встречали.

Пока строился корабль, отношение индейцев к испанцам сильно изменилось. Индейцы уже не снабжали пришельцев провизией, видимо, потому, что конкистадоры не могли удержаться от грабежа и убийств. Правда, хронист утверждает, что Орельяна велел своим подчиненным воздерживаться от каких-либо насилий, чтобы впоследствии здесь легче можно было установить королевскую власть и распространить христианство, но индейцы уже поняли, что «дети Солнца» не спустились к ним с небес, а являются просто безжалостными грабителями.

24 апреля испанцы — теперь уже на двух кораблях — спешно покинули поселок Апарии. Река здесь была необыкновенно широкой, полноводной, и путешественники считали, что океан уже близко. Но горсточка авантюристов заблуждалась, у них не было ни малейшего представления, как долог еще путь и какие опасности ждут их впереди.

Какое-то время на берегах встречались поселки, где можно было раздобыть скудные припасы, а затем начались непроходимые леса, где не было никаких следов человеческого жилья.

Только 12 мая испанцы достигли владений могущественного вождя Мачапаро, простиравшихся более чем на восемьдесят лиг вдоль берега. Поселки здесь обычно отстояли друг от друга на арбалетный выстрел, во всяком случае, не далее, чем на пол лиги. У Мачапаро было не менее пятидесяти тысяч воинов.

В этой области — недалеко от устья Путумайо (Исы) — туземцы преследовали испанцев и на воде, и на суше. Навстречу бригантинам вышло множество пирог в строгом боевом порядке. Укрываясь за большими щитами из кожи аллигаторов и тапиров, индейцы били в барабаны, собираясь разгромить и съесть чужеземцев. Карвахаль писал: «Индейцы окружили наши корабли и предприняли нападение, и тогда капитан приказал зарядить аркебузы и арбалеты. И тут случилось несчастье и к тому же немалое: наши аркебузеры вдруг обнаружили, что порох отсырел, и они не могут сделать ни одного выстрела, и аркебузы, которые уже ни на что не годились, пришлось заменить арбалетами».

Конкистадоры все же отбили нападение и, захватив довольно большое селение индейцев, разграбили его.

В этом первом большом сражении на великой реке было ранено восемнадцать испанцев, один из которых умер.

Погрузив добычу на бригантины, испанцы спешно поплыли вниз по реке, но индейцы еще преследовали их па пирогах в течение нескольких дней. Конкистадоры нигде не могли ни отдохнуть, ни сварить себе еду.

Но испанцы услышали и хорошие вести — на юге, в глубине страны, расположены владения могущественного правителя Ики, где есть великое множество золота и серебра.

Затем конкистадоры достигли области, которой правил касик Омагуа, но и здесь их встретили враждебно.

Через несколько дней путешественники увидели по правому борту еще одну широкую реку, в устье которой находились три больших острова. Поэтому испанцы назвали ее Тринидад (Троица). Возможно, это была Журуа. Индейцы на пирогах плыли за бригантинами, но объясниться с туземцами испанцы уже не могли — здесь обитали племена, принадлежавшие к другой языковой группе.

Испанцы отваживались высаживаться только в маленьких деревнях, где можно было без особого труда рассеять индейцев и захватить запасы кукурузы и маниоки. Так конкистадоры поступали на всем пути, повсюду встречая яростное сопротивление, и даже Карвахаль вынужден был признать в своей хронике отвагу и мужество туземцев — они защищали свой край, как подобает мужчинам.

В одном из селений страны Омагуа испанцы нашли глиняные сосуды, в том числе несколько огромных кувшинов, покрытых удивительно яркой цветной глазурью и красивым орнаментом. Индейцы пояснили, что неподалеку от них такие же сосуды делают из золота и серебра. В этом селении тоже были эти металлы, но после всего пережитого испанцы отнеслись к ним равнодушно: «Но, так как мы думали лишь о том, чтобы найти провизию, сохранить жизнь и привести столь важные сведения, то нас не волновали никакие сокровища — и мы их нисколько не ценили».

3 июня 1542 года путешественники увидели слева большую реку с черной, как чернила, водой. Это была Рио-Негро (Черная река), один из крупнейших притоков

Посуда индейцев Амазонки

Амазонки. Ее черные бурлящие воды на значительном протяжении не смешивались с водами Амазонки.

Ниже устья Рио-Негро Орельяна разграбил несколько небольших деревень. Однажды, отбив нападение индейцев, конкистадоры повесили пленных и сожгли поселок. Испанцы действовали со своей обычной жестокостью. В одном из селений, не сумев выбить индейцев из большого дома, в котором укрылось несколько семей, испанцы подожгли его, и все туземцы погибли в пламени.

10 июня бригантины миновали устье Мадейры. Орельяна назвал эту реку Рио-Гранде (Большая река), так как этот главный приток Амазонки в то время разлился и казался еще больше той огромной реки, по которой плыли испанцы.

Амазонка становилась все шире, и ветер поднимал уже нешуточные волны, но течение оставалось все таким же стремительным. Казалось, что реке нет конца. Проносились мимо поросшие лесами берега, бесчисленные острова и притоки; проходила неделя за неделей, а картина не менялась. Иногда испанцам чудилось, что где-то здесь и должны находиться райские кущи, о которых говорилось в библии. Но суровое полуголодное существование путешественников, непрестанная борьба с природой, сражения, болезни и раны — все это превращало их жизнь в сплошной ад.

Больших селений Орельяна избегал, опасаясь внезапного нападения, и бригантины, не задерживаясь, плыли вниз по реке.

На одном из островов, где испанцы высадились, чтобы сварить себе обед, им удалось захватить индейскую девушку. Она рассказала Орельяне о христианах, живущих к северу от великой реки у индейского вождя. Есть среди них и несколько белых женщин, но часть пришельцев женилась на индианках и имеет от них детей. Однако Орельяна решил, что сейчас было бы слишком рискованно удаляться от реки и что еще придет время, когда можно будет выручить из беды этих христиан.

Возможно, это были испанцы, которые с Диего Ордасом в 1531 году приплыли в «Пресноводное море» (устье Амазонки). Их экспедиция окончилась неудачно — несколько кораблей Ордаса погибло во время бури. Некоторым испанцам, видимо, удалось спастись и достичь берега, где их подобрала индейцы Амазонки. Сам же Диего Ордас отправился тогда на северо-восток, чтобы искать Эльдorado в бассейне Ориноко.

Спутники Орельяны, погнавшиеся за тем же миражем, теперь уже думали только о своем спасении, тем более, что на них стали нападать индейцы, вооруженные луками и стрелами. До сих пор такого оружия у туземцев Амазонки не встречалось. Конкистадоры очень боялись отравленных стрел и поэтому даже ночь проводили на бригантинах.

24 июня испанцы достигли густонаселенной области, которую они называли провинцией Сан-Хуан. Местные индейцы особенно яростно и отважно напали на пришельцев, осыпая их стрелами. Пять конкистадоров, в том числе хронист Карвахаль, были ранены. Испанцы бросились в воду, добрались до берега и вступили в рукопашную схватку с туземцами. Индейцы, несмотря на огромные потери, сражались в течение целого часа. Описывая эту битву, Карвахаль говорил: «Я хочу, чтобы все знали, по каким причинам индейцы так защищались: тамошние индейцы являются подданными амазонок и платят им дань, и, узнав о нашем приближении, послали к ним за помощью; и десять или двенадцать амазонок прибыли на подмогу. Мы видели своими глазами, как амазонки в бою сражались во главе всех индейцев и распоряжались, как их капитаны. Они дрались так яростно, что индейцы не осмеливались пуститься в бегство, а если кто-то пытался бежать, то те убивали его на месте на наших глазах своими палицами.

Эти женщины высокого роста, белокожие, волосы у них длинные, заплетенные в косы, уложенные вокруг головы. Они очень сильны, ходят почти совсем голыми, в чем мать родила, прикрывая только срам. В руках у них лук и стрелы, и в бою каждая из них стоит десяти индейцев, и они, я видел это своими глазами, пустили в наши бригантины целую охапку стрел, так что бригантины стали похожи на дикобразов... Наши товарищи убили семь или восемь амазонок у нас на глазах. А индейцы, увидев их гибель, пали духом, были разбиты и разбежались... »

Но эта победа испанцев скоро обернулась их поражением. Из соседних деревень к индейцам прибыли подкрепления, и отряд Орельяны был вынужден спешно перебраться на бригантины.

В другой раз индейцы из засады обстреляли испанцев, когда те приблизились к берегу, и стрела попала Карвахало в глаз. Монах выжил, но глаза лишился.

Карвахаль сравнил провинцию Сан-Хуан с Испанией, столь плодородной и обжитой она была. На правом берегу неподалеку друг от друга раскинулись города и селения. Индейцы на пирогах гнались за бригантинами, били в барабаны, играли на дудках и подбадривали себя воинственными криками, а на берегу

толпы туземцев с пальмовыми ветвями в руках исполнили военный танец. Но индейцы уже знали, каким оружием обладают белые люди, и держались на почтительном расстоянии.

Конкистадорам удалось захватить здесь одного индейца, язык которого Орельяна немного понимал. Пленный сообщил испанцам дополнительные сведения об амазонках, столь мужественно сражавшихся в последней стычке.

Эти воинственные женщины, рассказывал индеец, живут в четырех или пяти днях пути от реки в больших, иногда даже каменных, домах. От поселка к поселку проложены хорошие дороги, и сторожевые посты взимают пошлину с прохожих. Эти женщины не выходят замуж, мужчины — безбородые белые люди — приходят к ним только на короткое время. Если у амазонки рождается мальчик, она убивает его или отправляет к отцу, девочек же нянчат, холят и бесконечно радуются им.

Правит этим женским государством главная сеньора, именуемая Короной. В стране амазонок огромное количество золота, знатные люди едят и пьют только из золотой посуды. Простонародье пользуется глиняной и деревянной посудой.

В городе, где живет правительница амазонок, есть пять «домов Солнца», где стоят их идолы — золотые и серебряные статуи женщин — и множество драгоценных сосудов. Стены этих домов облицованы серебряными плитами, столы и кресла сделаны из чистого серебра, а потолки — из ярких перьев попугаев. Амазонки носят золотые украшения и одеваются в шерстяные ткани, потому что в их стране много таких же овец, как в Перу. Есть там верблюды и какие-то большие животные с хоботом.

Все это индеец якобы видел своими глазами, а конкистадоры приняли эти рассказы за чистую монету. Они видели и слышали только то, что им хотелось услышать и увидеть, то, к чему они были психологически подготовлены. Сокровища Эльдорадо, легендарные амазонки, о которых писали историки античного мира, — все это воспринималось как подтверждение тому, ради чего они сюда прибыли. Но ничего подобного не было в джунглях и саваннах Амазонки. Там обитали тотто

*Колчан и отравленные
стрелы индейцев Ама-
зонки*

воинственные племена, защищавшиеся от бессовестных грабителей.

Во время нападения испанцев на небольшую деревню индейцы ранили отравленной стрелой одного из конкистадоров. На следующий день он умер, хотя стрела вонзилась всего на полпальца. Чтобы обезопасить своих людей, Орельяна велел сделать вдоль бортов щиты. До сих пор индейцы не пользовались отравленными стрелами. Орельяна установил это, проверяя подозрительные стрелы на пленной индейской девушке: в одном селеении испанцы нашли множество стрел и дротиков, смазанных какой-то смолой. Индианку кололи этими стрелами в руку, но она осталась жива, и испанцы успокоились.

Под влиянием морского прилива уровень воды в реке стал повышаться, и испанцы решили, что до устья недалеко. Индейцы строили здесь свои поселки на возвышенных местах вдали от реки, чтобы уберечься от прилива и наводнений. Но путешественники радовались слишком рано — приливная волна дает себя знать в Амазонке почти за тысячу километров от океана.

В середине июля неподалеку от притока Амазонки — реки Шингу — обе бригантины во время отлива сели на мель, к тому же меньшая из них получила пробоину, наскочив на плавающий ствол дерева. В этот критический момент на конкистадоров напали туземцы. Пришлось отбиваться от индейцев и одновременно чинить повреждение.

Устья великой реки Орельяна достиг 2 августа 1542 года. Испанцы начали готовиться к морскому путешествию. Ремонт кораблей занял около трех недель. Конкистадоры ковали гвозди, просматривали корпуса бригантин, устанавливали мачты, плели канаты из расти-

тельных волокон, шили паруса из старых перуанских плащей. Все это время они вели полуголодное существование, питаясь моллюсками и раками, выловленными в реке. В одной деревне им удалось раздобыть продовольствие и большие глиняные кувшины для пресной воды.

26 августа корабли вышли в океан и взяли курс на северо-запад. Конкистадоры надеялись добраться до какой-нибудь испанской колонии на островах или на побережье Карибского моря. Они не были профессиональными моряками, у них не было ни карт, ни компаса, но счастье сопутствовало им — море было удивительно спокойным, и дожди, которые почти не переставая лили во время их путешествия по великой реке, наконец, прекратились. Конкистадорам, измученным ливнями Амазонки, это казалось божественной милостью.

Днем бригантины держались вблизи берегов, а ночью удалялись в открытое море, чтобы не наскочить на рифы или не сесть на мель.

В ночь с 29 на 30 августа бригантины потеряли друг друга из виду. Мощное течение увлекло «Викторию», на которой плыл Орельяна, в пролив Пасти Дракона, а затем в залив Пария. Семь дней умиравшие от голода мореплаватели не выпускали весел из рук, пока, наконец, не выбрались из этого бурлящего котла. Затем они поплыли на запад вдоль северного побережья материка и 1 сентября 1542 года добрались до острова Кубагуа (к юго-западу от острова Маргариты), где находилась испанская колония Новый Кадис. Двумя днями раньше сюда прибыла и меньшая бригантина «Сан-Педро».

Одно из замечательных путешествий эпохи великих географических открытий было завершено. Впервые испанцы пересекли неисследованный Южноамериканский континент — от Тихого до Атлантического океана. Орельяна доказал, что открытое Висенте Пинсоном «Пресноводное море» является устьем огромной реки, которую позже назвали Амазонкой, что эта река берет свое начало неподалеку от Тихого океана и что она судоходна, так как не имеет непреодолимых порогов и водопадов. Это были чрезвычайно важные сведения.

С Кубагуа Орельяна отправился на Эспаньолу, а оттуда — в Испанию. Там он стал деятельно готовиться к новой экспедиции, выпросив у короля право завоевывать

и колонизовать земли вдоль великой реки. Ряд богаче» финансировали это заманчивое предприятие — подействовали фантастические рассказы о чудесах Амазонки, о несметных сокровищах, об огромных богатых городах. И все-таки приготовления затянулись — не хватало людей, оружия, продовольствия.

Орельяна пошел на риск — И мая 1545 года он на четырех каравеллах отплыл из Испании, вопреки запрету королевских чиновников. Те видели, что экспедиция совершенно не подготовлена: корабли выглядели так, словно их ограбили турки или французы.

Орельяна надеялся запастись всем необходимым на Канарских островах, где ему обещали оказать финансовую помощь. Однако три месяца спустя он вынужден был с пустыми руками отправиться оттуда на острова Зеленого Мыса, где в трудах и заботах прошло два месяца. На кораблях начался голод, более половины из четырехсот участников экспедиции заболело, около ста к тому времени умерло, а пятьдесят человек (в том числе три капитана) отказались плыть дальше и сошли на берег.

В середине ноября три корабля отправились за океан. Во время плавания несколько раз налетали бури, люди голодали и страдали от жажды. Один корабль во время шторма пропал без вести, два других 20 декабря 1545 года достигли устья Амазонки и бросили якорь среди островов.

Орельяна уговаривал измученных, больных людей скорее отправиться в путь по реке, чтобы добраться до Эльдорадо. Однако корабли находились в таком состоянии, что о плавании нечего было и думать. Тогда испанцы разобрали на части один из кораблей и из полученных материалов за три месяца — январь, февраль и март 1546 года — построили бригантину. От голода и болезни умерло еще около шестидесяти человек, многие были убиты во время стычек с индейцами. Но Орельяна продолжал искать главное русло реки. Он умер, сломленный неудачами (а по другой версии — пропал без вести) в начале ноября 1546 года.

Миф о сказочном Эльдорадо снова лопнул как мыльный пузырь. Все рассказы о богатых народах, каменных городах, амазонках, храмах Солнца и золотых сосудах

оказались вымыслом. Орельяна, несомненно, расцветил заманчивыми деталями свои поистине удивительные приключения, чтобы выпросить у короля разрешение и средства на большую экспедицию.

СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО МАРКИЗА

Сторонники Альмагро жаждут мести. — Заговор. — «Смерть тиранам!» — Бой во дворце наместника. — Старый тигр дерется до последнего. — Диего Альмагро-младший становится наместником Перу

Пока Гонсало Писарро пробивался сквозь джунгли в «Страну корицы», а бригаантины Орельяны плыли по Амазонке, в Перу происходили важные события. «Чилийцы» — сторонники казненного Альмагро, руководимые его сыном Диего, решили убрать с дороги великого маркиза Франсиско Писарро. Они ничего не забыли: ни поражения, ни унижений, ни отобранной у них добычи.

Эррера рассказывает, что сторонники Альмагро жили в страшной нищете. В одном доме проживали двенадцать «чилийцев», и у них был один камзол на всех. Гордые, как все идальго, они скрывали свою бедность и носили его по очереди: когда один выходил на улицу, остальные сидели дома. Невзгоды и нищета, в которой они прозябали по милости наместника, были главной причиной недовольства заговорщиков. Когда из Испании до них дошли вести, что Карл V недоволен действиями братьев Писарро, что Эрнандо заключен в тюрьму и в Перу едет королевский ревизор Вака де Кастро, «чилийцы» решили, что час возмездия пробил.

Друзья наместника узнали о заговоре, но напрасно они предупреждали Писарро: опьяненный неограниченной властью, тот чувствовал себя в полной безопасности и не слушал никаких советов. «Пока меч правосудия в моих руках, никто не осмелится посягнуть на мою жизнь», — любил повторять маркиз и, будучи действительно отважным воином, не придавал значения действиям альмагристов. «Чилийцы» уже Получили по заслугам, и он, наместник, не желает больше слышать о них. Пусть учатся смирению.

Но алмагристы решили добиться своего любой ценой, и прежде всего попытаться убрать Писарро с помощью королевского уполномоченного Вака де Кастро. «Чилийцы» готовились встретить его, обрядившись в глубокий траур — в черных плащах и в шляпах с черными перьями. Уже были заготовлены жалобы с серьезными обвинениями в адрес наместника.

Но вскоре распространились слухи, что по пути в Новый Свет флотилия Кастро погибла во время урагана. Автором этих лживых сведений был, видимо, сам Писарро, но они только ускорили развязку, вынудив заговорщиков взяться за оружие.

Однажды секретарь наместника донес, что «чилийцы» решили убить Писарро, когда он в воскресенье после богослужения будет выходить из собора. Секретарю рассказал об этом священник, исповедовавший одного из участников заговора. Писарро только посмеялся над этим сообщением. Однако он все же дал уговорить себя и решил не ходить в собор, сославшись на болезнь.

Наступило 26 июня 1541 года — воскресенье, назначенное заговорщиками для решительных действий. Собравшись в доме Диего Альмагро, они ждали условленного часа. И тут им сообщили, что наместник не явился в собор, — следовательно, заговор раскрыт и все погибло. Некоторые предлагали немедленно бежать и скрыться, но большинство решило, не теряя времени, ворваться во дворец наместника и убить его. Это, по их мнению, был единственный путь к спасению.

С криками «Да здравствует король! Смерть тиранам!» они, обнажив мечи, бросились на площадь. Из домов выбегали люди, не понимая, что происходит. Некоторые спокойно поясняли: «Они идут убивать маркиза». Никто, казалось, не собирался защищать наместника.

Монтесинос упоминает об одном интересном эпизоде. Когда заговорщики бежали через площадь, один из них обогнул лужу, попавшуюся ему на пути. Руководитель мятежников воскликнул: «Что это значит? Ты боишься замочить ноги, хотя сейчас они у тебя будут по колено в крови!» И он приказал этому малодушному немедленно отправиться домой.

Ворота дворца были настолько прочными, что их можно было защищать против большого числа нападающих, но они оказались распахнутыми настежь, и заго-

ворщики ворвались во внутренний двор. Там оказалось двое слуг. Один был заколот на месте, другой с криками: «На помощь, на помощь! Чилийцы идут убивать маркиза!» — бросился во дворец.

Франсиско Писарро со своим сводным братом доном Мартинесом де Алькантарой, судьей Веласкесом и другими знатными дворянами только что кончили обедать. Услышав крики, гости поспешили узнать, что происходит. Увидев ворвавшихся во дворец заговорщиков, большинство гостей через окна выпрыгнуло в сад, ища спасения в бегстве.

Писарро велел офицеру запереть дверь и вместе со своим сводным братом бросился за оружием, пытаясь натянуть доспехи. Заговорщики закололи офицера и ворвались в зал с криками: «Где маркиз? Смерть тиранам!»

Путь им преградили Алькантара с двумя пажамы наместника и несколькими дворянами. Началась яростная схватка. Двое заговорщиков было убито, но Алькантара и его помощники тоже были изранены.

Наместник в спешке и возбуждении, не сумев пристегнуть доспехи, отбросил их и, обмотав плащом левую руку, с обнаженной шпагой бросился на помощь сводному брату. «Предатели, вы пришли убить меня в моем собственном доме!» — воскликнул он и бесстрашно напал на заговорщиков. Никто бы не сказал, что старому воину перевалило за шестьдесят. Он изрубил четырех нападавших, а нескольких ранил. Но силы были слишком неравны. Хронист Наарро так описывал этот последний бой великого полководца:

«Старый аделантадо не потерял мужества... и показал такую силу духа и сердца, что не сдался бы своим врагам и одолел бы их всех, если б столкновение происходило на открытом месте. Когда «чилильцы» убедились, что не могут приблизиться к нему вплотную, они стали наносить ему удары пиками... Они убили обоих пажей, своей грудью защищавших Писарро, убили Мартинеса, сводного брата маркиза, а затем в дикой ярости, отталкивая друг друга, набросились на свою главную жертву. Писарро отбивался с отвагой тигра — один против двух десятков убийц. Смертельно раненный, он продолжал сражаться до последнего вдоха».

Наконец Франсиско Писарро упал. Испанский историк Сарате писал: «Так они добились своей цели, завершив

Смерть Франсиско Писарро (из хроники Помы де Айялы)

свое дело ударом шпаги в горло. Уже не в силах вымолвить ни единого слова, маркиз начертал на полу крест, поцеловал его и испустил дух».

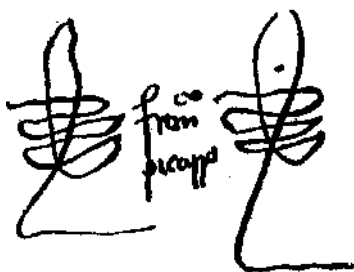
Заговорщики выбежали на улицу и, размахивая окровавленным оружием, стали кричать: «Тиран умер! Долгие лета нашему господину и королю и его наместнику

Альмагро!» Со всех сторон к ним сбегались «чилийцы». Скоро под знаменами заговорщиков собралось около трехсот вооруженных людей. Они так разграбили дом Писарро, что не на что было купить гроб и свечи для похорон убитого наместника.

Горсточка друзей похоронила его тайно, в тихой окраинной церкви. Лишь много позже — в 1607 году — его прах был перенесен в Лимский собор и предан торжественному погребению. Тем самым были признаны заслуги Писарро в завоевании Перу, а его ошибки и преступления преданы забвению. Гробницу украсили символической цветной мозаикой, где был изображен тот исторический момент, когда на Петушином острове Писарро обратился к конкистадорам: «Вот путь в Панаму, к нищете, а вот путь в Перу, к богатству!» Так безо всякого притворства, без лицемерных фраз о распространении христианства, цивилизации и культуры на гробнице великого конкистадора была отражена истинная цель колонизаторов.

История и время вынесли суровый приговор этому человеку, многие современники осуждали и проклинали его, но есть и такие историки, которые всячески превозносили его заслуги в завоевании Перу и его благородный характер. Он ко всем относился очень любезно и дружелюбно, часто посещал преданных ему людей и разделял с ними их трапезу. Однако в еде и питье был очень умерен. Слугам своим наместник якобы очень доверял и, не умея писать, на всех документах ставил только два знака, а секретарь вписывал между ними его имя. Для своих людей Писарро делал много добра, одарял их, возвышал и спасал в минуту опасности. Однажды, когда наместник переправлялся через реку, течение сбило с ног и понесло его слугу-индейца; маркиз вплавь бросился за ним, схватил за волосы и, рискуя собственной жизнью, вытащил на берег.

Писарро чрезвычайно уважал короля и говорил о нем

Автограф Франсиско Писарро (знаки слева и справа начертил сам Писарро, подпись сделана рукой секретаря)

с великой почтительностью. Он тщательно следил за тем, как плавят золото и серебро, чтобы король полностью получил причитающуюся ему пятую часть. Он подбирал мельчайшую крупницу золота, когда литейщики перед переплавкой разбивали драгоценные украшения. Наместник любил говорить, что он губами бы подбирал с земли королевское добро, если бы не мог сделать это иначе.

В мирное время он большую часть времени проводил за игрой в кегли, и трудно было оторвать его от этого занятия. Но как только приходило сообщение о восстании индейцев, Писарро немедленно облачался в доспехи, хватал свой меч и так торопился к месту сражения, что люди еле успевали за ним. Маркиз был столь храбр, что один выступал против ста индейцев.

Этот отважный воин завоевал огромную и богатую страну, но оставил ее разграбленной, опустошенной, залитой потоками крови. Из-за него слово «испанец» стало навсегда ненавистным для коренного населения Южной Америки.

Франсиско Писарро часто сравнивают с Эрнандо Кортесом, завоевателем Мексики. Действительно, Писарро был столь же честолюбив, настойчив и отважен. Он тоже показал себя умелым полководцем. Но он превзошел Кортеса в жадности, беспощадности, коварстве и двурушничестве. Оба они были типичными представителями своей эпохи, подлинными конкистадорами.

Переворот 26 июня 1541 года не решил вопроса о власти в Перу. Слишком много было претендентов на нее. Сторонники Альмагро провозгласили Диего Альмагромладшего наместником Перу и верховным главнокомандующим. Они разослали по стране гонцов с требованием признать нового наместника. Все, кто не принадлежал к числу его сторонников, трепетали перед новой властью. Там, где появлялись отряды альмагристов, это требование принимали без возражений, так было в Трухильо и Арекипе. В других местах сообщение о перевороте было встречено без особого восторга. В Куско приверженцам Альмагро вначале тоже удалось захватить власть, но вскоре туда прибыла воинская часть, сохранившая верность Писарро, и разогнала ставленников нового режима.

РАЗГРОМ АЛЬМАГРИСТОВ

Прибытие де Кастро в Перу. — Новый аделантадо берется за оружие. — Неудачные попытки договориться. — Решающее сражение на Чупаской равнине. — Брат против брата! — Разгром и казнь Альмагро

Королевский уполномоченный лицензиат Вака де Кастро не погиб, вопреки распространившимся в Лиме слухам. После долгого и бурного плавания, весной 1541 года он добрался до побережья Южной Америки и высадился в порту Буэнавентура неподалеку от устья реки Сан-Хуан. Опасное морское путешествие так опротивело высокопоставленному чиновнику, что дальнейший путь он предпочел совершить по суше. Прошло целых три месяца, прежде чем Кастро достиг Попяаны. Скоро весть о его прибытии распространилась по всей стране.

В северных районах Перу располагалась воинская часть, преданная бывшему наместнику. Ее командир немедленно отправил Кастро письмо, в котором сообщил о смерти Писарро и просил королевского уполномоченного как можно скорее приехать в Новую Кастилию.

Получив это сообщение, де Кастро поспешил в Кито и объявил, что в соответствии с королевской волей и данными ему секретными полномочиями он берет на себя управление страной. Де Кастро повсюду собирал сторонников Писарро и постепенно продвигался на юг. Гонсало Писарро все еще блуждал в джунглях, разыскивая «Страну корицы», но зато свои услуги королевскому уполномоченному предложил Беналькасар, завоеватель Кито, и многие другие соратники убитого наместника.

Тем временем Диего Альмагро старался укрепиться в Лиме. Он конфисковывал деньги, оружие, лошадей и вооружал единомышленников. Но больше всего его волновали неисчислимые сокровища Франсиско Писарро. Заговорщики подвергли пытке секретаря бывшего наместника, но тот либо не знал, либо не хотел указать тайник. Так ничего и не добившись, альмагристы отрубили ему голову. Некоторым сторонникам Писарро, таким, как епископ Куско Вальверде и судья Веласкес, разрешили уехать из Лимы на корабле. В ноябре 1541 года Вальверде возле Тумбеса попал в руки перуанцев, и они,

наконец, расправились с этим лживым ревнителем христианской веры.

Вооружив своих приверженцев, новый аделантадо, а по сути дела, самозванец и узурпатор, решил действовать энергично и прежде всего овладеть Куско, который считался столицей принадлежавшего ему округа — Нового Толедо, чтобы не дать объединиться своим врагам. Куско альмагристы захватили без особого труда, но скоро в их собственном лагере начались разногласия. Ветераны не хотели считаться с молодым наместником, расправлялись с соперниками и угрожали самому аделантадо.

Наконец Альмагро почувствовал, что против него зреет заговор. Двадцатидвухлетний юноша, прошедший хорошую школу, собрал преданных ему людей и велел истребить всех, кого он подозревал в измене.

Затем он энергично стал готовиться к военным действиям: собрал большое количество серебра, добываемого на рудниках, запаса селитрой для изготовления пороха, приказал отлить пушки, заказал ружья, латы и шлемы. Один из хронистов утверждает, что молодого Альмагро поддерживал инка Манко, друживший с его отцом и симпатизировавший сыну, в жилах которого текла индейская кровь. От инки Альмагро будто бы получил большое количество копий, мечей, щитов и другого оружия. Тот обещал также, что перуанские войска будут сражаться на стороне Альмагро.

Готовясь к вооруженной борьбе, молодой Альмагро одновременно пытался начать переговоры с королевским уполномоченным. В своем послании к нему юноша утверждал, что он не хотел бы поднимать оружия против королевского чиновника, его единственное желание — защитить свои права на дарованную его отцу область Новое Толедо (Южное Перу), которую незаконно пытался отнять Франсиско Писарро. Он не оспаривает права де Кастро управлять Новой Кастилией и предлагает обеим сторонам оставаться в пределах своих областей до нового королевского решения.

Кастро не ответил на это послание. Для Альмагро оставался только один путь — вооруженная борьба. Но он подчеркивал, что это не мятеж, что он сам и его сторонники остаются верными подданными короля. Убив Писарро, говорил он, мы только восстановили справедливость, в которой нам было отказано. Теперь королевский

чиновник, превышая свои полномочия, хочет силой отнять у него, Альмагро, по праву принадлежащие ему земли. Справедливость восторжествует, а кровь, если она прольется, падет на голову де Кастро.

Сторонники Альмагро на распятии поклялись держаться сообща, презирать опасности и смерть, бесстрашно биться за своего вождя. Летом 1542 года около пятисот человек, в том числе двести всадников, хорошо вооруженные, закованные в латы, имея при себе шестнадцать орудий, выступили из Куско и двинулись навстречу войскам де Кастро.

К этому времени Кастро уже распространил свою власть на обширные территории и многие города — Сан-Мигель, Трухильо, Арекипу, Лиму, повсюду собирая средства и вербуя солдат. Когда же не хватало денег, он привлекал на свою сторону людей льстивыми речами и обещаниями. В результате Вака де Кастро набрал около семисот человек, выступил из Лимы и остановился лагерем под Хаухой. Никогда еще в Новом Свете не видели столь большой армии.

Альмагро отправил в Хауху еще одно послание с предложением о мире и на этот раз получил ответ. Королевский уполномоченный писал, что он сочувствует неопытному юноше, вовлеченному в заговор против короля. Пусть тот выдаст всех главных заговорщиков и распустил свои войска. Это вернет ему королевское благорасположение.

Альмагро с возмущением отверг это предложение и немедленно двинулся навстречу врагу, хотя в горах бушевали бури и его до костей промокшие люди мерзли на ледяном ветру.

16 сентября 1542 года войска противников встретились на Чупасской равнине неподалеку от Хаухи. Прекрасный солнечный день уже клонился к закату, и Кастро колебался, начинать сражение сейчас же или дожидаться утра. Но его офицеры утверждали, что люди рвутся в бой и не следует охлаждать их пыл.

Тогда, по свидетельству Сарате, Кастро воскликнул: «Ах, если бы я обладал могуществом пророка, сумевшего остановить солнце в небе!» — и приказал своим войскам напасть на мятежников. Бунтовщики будут уничтожены, объявил он, а тот, кто будет отважно сражаться с ними и поможет одержать победу, получит все имущество и

землю своих врагов. Это щедрое и дальновидное обещание вдохновило солдат де Кастро, и те, по словам очевидца, бросились в бой, словно на пир.

Альмагро установил свои орудия в центре, прикрыв их арбалетчиками и копейщиками, а на флангах расположил кавалерию. Войска де Кастро под прикрытием пригорков приблизились к противнику и метким мушкетным огнем отогнали индейцев, пришедших на помощь Альмагро. Поднявшись на холм, солдаты Кастро увидели белые боевые знамена альмагристов и позиции врага. Артиллерия Альмагро немедленно открыла огонь, но вскоре ядра стали перелетать через головы нападающих. Неизвестно, было это результатом неумения или предательством. Командовал артиллерией Педро де Кандиа. В свое время он был одним, из тех тринадцати человек, которые последовали за Писарро на Петушиный остров, а затем верно сражался под его знаменами. К альмагристам он примкнул совсем недавно и, возможно, хотел теперь искупить свою вину. Альмагро не сомневался в предательстве Кандиа и, бросившись к орудиям, проткнул его шпагой. Потом он сам нацелил одну из пушек и так удачно, что одним выстрелом убил несколько всадников.

Артиллерийский огонь пробил бреши в рядах наступавших, но офицеры с обнаженными шпагами гнали солдат вперед и громкими криками призывали на помощь свою кавалерию. Всадники медлили, выжидая, когда откроют огонь пушки де Кастро, но, наконец, не выдержав, бросились на противника.

Альмагро поступил бы самым разумным образом, если бы, оставаясь на своей выгодной позиции, попытался решить исход боя с помощью артиллерии, но пылкий юноша считал такую выжидательную тактику недостойной истинного рыцаря и бросил в атаку свою конницу. Кавалерия противников встретилась в центре равнины. Столкновение было ужасным. Кони и всадники смешались, выбитые из седла продолжали сражаться секирами и индейскими палицами. Здесь дрались не просто воин против воина, а брат против брата, друг против своего друга. У альмагристов латы оказались прочнее, и солдаты Кастро, не в силах рассечь их, стали убивать лошадей противника.

Пехота перестреливалась из мушкетов и арбалетов, но артиллерия Альмагро вела такой огонь, что ряды против-

ника дрогнули. Еще немного, и началось бы отступление. Тогда один из офицеров Кастро — старый седой капитан Франсиско Карвахаль, решив показать солдатам пример бесстрашия и презрения к смерти, сбросил латы и шлем и сквозь клубы порохового дыма повел своих воинов на штурм неприятельской батареи. После яростной схватки орудия были захвачены.

На землю опустился вечер, но сражение продолжалось с тем же ожесточением. В сумерках еще можно было различить цвета враждебных сторон — белый и красный; противники узнавали друг друга и по боевому кличу — «Вака де Кастро и король!» или «Альмагро и король!»

Долгое время нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа. Войска Альмагро, вдохновляемые своим командиром, сражались с удивительным мужеством и захватили два вражеских знамени. Сам Альмагро был уверен в победе и приказал не убивать врагов, а брать их в плен.

Но как раз в эту минуту Вака де Кастро, решив, что пришло время для решающего перелома в ходе сражения, бросил в бой резервы. Рукопашная схватка продолжалась, но силы альмагристов иссякли. А затем они бросились в бегство, стараясь ускользнуть от противника под покровом ночи. Напрасно Альмагро пытался остановить бегущих, они и его увлекли за собой.

Некоторые смельчаки еще продолжали сражаться. С криком: «Мы разделились с Писарро, мы перебили тиранов!» — они бросались на вражеские копья, предпочитая смерть в честном бою позорной казни на виселице.

К девяти вечера битва закончилась полной победой Кастро. Но многим альмагристам удалось бежать. Некоторые для этого прибегали к хитрости — снимали с убитых врагов их отличительные знаки и, смешавшись с солдатами Кастро, скрывались под покровом ночи.

В наступившей темноте преследовать беглецов было невозможно. Победители всю ночь оставались на поле боя, опасаясь нового нападения. Утром убитых похоронили в четырех больших братских могилах — победителей вместе с побежденными — и подобрали раненых.

В этом сражении, по данным разных источников, погибло от трехсот до пятисот человек. Победители понесли большой урон — главным образом от артиллерийского огня. Много альмагристов было взято в плен, многие

пытались найти убежище в церквах и монастырях близлежащего города Гуаманга. Но они были выданы победителям и заключены в тюрьму. Альмагро с несколькими спутниками бежал в Куско, но был немедленно арестован магистратом, состоявшим из его же сторонников.

По приказу Вака де Кастро в Гуаманге начался допрос и суд над пленными. Сорок мятежников были приговорены к смертной казни, тридцати другим отрубили руки, остальных выслали из Перу.

Новый наместник во главе войска торжественно вступил в Куско. Там он созвал военный совет, чтобы решить участь Альмагро. У него нашлись заступники, но большинство потребовало казни — в Перу, наконец, должны воцариться мир и спокойствие.

Диего Альмагро привели на главную площадь Куско. Юноша держался очень мужественно, не просил о помиловании и не позволил завязать себе глаза. Протест у него вызвал лишь приговор, в котором он был назван изменником.

После поражения и казни Диего Альмагро союз его приверженцев распался, и «чилийцы» уже не угрожали безопасности Перу.

БОРЬБА МЕЖДУ КОРОЛЕМ И КОНКИСТАДОРАМИ

Гонсало Писарро претендует на власть в Новой Кастилии. — Столкновение двух грабителей. — Дикий произвол и жажда наживы. — Индейцы — люди или слуги дьявола? — Новые законы. — «Мы сумеем инагой защитить свои права!» — Новый вице-король де Вела

Пока происходили эти драматические события, из «Страны корицы» вернулся Гонсало Писарро, один из самых серьезных претендентов на власть в Новой Кастилии. Этого стройного, красивого человека, закаленного воина и отчаянного авантюриста некоторые хронисты называли подлинным странствующим рыцарем, больше всего жаждавшим романтических приключений. Гарцуя на своем горячем коне, он не обращал внимания на целые

толпы индейцев, словно это были просто назойливые мухи. Он обладал и отличными организаторскими способностями, что доказал недавний поход на Амазонку.

Гонсало Писарро только теперь узнал об убийстве своего брата и последовавших за этим событиях. Он был раздосадован, что власть ускользнула из его рук. Ведь эту страну завоевала, как-никак, их семья. Заслуги Писарро признал сам король. Но борьба сейчас была невозможной. Гонсало уступил, и его сторонники скрепя сердце признали полномочия королевского комиссара де Кастро. Гонсало занялся своими огромными поместьями и стал разрабатывать серебряные рудники на Ла-Плате, где на него работали тысячи индейцев. Рудники эти оказались столь богатыми, что впоследствии Писарро сумел нанять крупные отряды наемников и начать вооруженную борьбу за власть в Новой Кастилии.

А тем временем Вака де Кастро железной рукой управлял завоеванными территориями, безжалостно подавля мятежников, пытаясь навести порядок среди колониальной администрации и ограничить самоуправство конкистадоров.

Последние, находясь на краю света, не очень-то считались с королевскими законами и декретами и заботились прежде всего о собственных интересах. Между королем, его чиновниками и конкистадорами шла непрерывная борьба за раздел добычи, захваченной на заморских территориях; особенно ожесточенный характер она приняла в сороковых годах XVI века.

В это время испанская колониальная политика переживала глубокий кризис. Завоеватели опустошили захваченные страны, превратили индейцев в рабов, прикрепили их к земле и заставили работать на плантациях и рудниках. Склады инки были разграблены, стада уничтожены. Оборванные, голодные перуанцы владели жалкое существование и массами умирали от эпидемий и непосильного труда.

Опьяненные сознанием неограниченной власти, завоеватели нередко устраивали охоту с собаками на индейцев или использовали их в качестве живых мишеней. Они врывались в обители дев Солнца, уводили девушек и устраивали в своих поместьях настоящие гаремы. По замечанию одного современника, герб многих знатных дворян следовало бы украсить полумесяцем мусульман,

узаконивших многоженство, а не крестом — этим символом нравственной чистоты.

Даже священников, которые должны были распространять христианство среди язычников и утешать страждущих, охватил дух своеволия и гордыни, и к индейцам они относились ничуть не лучше грубых и невежественных наемников. Члены монашеских орденов не стеснялись использовать рабский труд, нисколько не заботясь о спасении душ своей паствы. Монастыри получили богатейшие репартимьенто, но, по утверждению хронистов, не обратили в христианство ни одного туземца — обряд крещения был чистой формальностью.

Вначале конкистадоры, встретив в Новом Свете индейцев, вообще не признавали их за людей, а считали «слугами дьявола», которых можно убивать, как диких зверей. И лишь много позже католическая церковь и испанский король официально признали индейцев людьми. Этот внешне гуманный акт сулил огромные доходы государству и церкви — туземцы", будучи обращены в христианство, должны были, как и все подданные, платить церковную десятину и государственные налоги.

Доходившие до Испании вести о безжалостном разорении страны инков заставляли задумываться о какой-то реорганизации управления колониями. Король, лицемерно прикрываясь словами о служении всевышнему и заботой о своих подданных — индейцах, решил покончить с необузданным своевластием конкистадоров, чувствовавших себя настоящими царьками в своих владениях.

20 ноября 1542 года король подписал так называемые «новые законы». Они должны были освободить индейцев из-под власти конкистадоров и предотвратить вымирание туземного населения, иначе и плантации, и рудники лишились бы рабочей силы и не стоили бы ломаного гроша. В соответствии с «новыми законами», индейцы были объявлены вольными людьми, верноподданными вассалами короля, за убийство которых грозило суровое наказание. Испанцы, получившие земельные владения вместе с рабами — индейцами, сохраняли права на них. Но после смерти владельца туземцы подлежали освобождению, то есть переходили в подчинение государственной власти.

Право на своих рабов теряли те, кто плохо относился к ним, кто участвовал в междоусобных столкновениях

Альмагро и Писарро, а также руководители местной администрации, чиновники, лица духовного звания и монашеские ордена. Туземцы облагались весьма умеренным налогом, их нельзя было заставлять работать насильно, а за работу по соглашению они должны были получать небольшое вознаграждение. «Новые законы» ограничивали и размер земельных владений на заморских территориях.

Законы эти, конечно, были продиктованы не заботой короля об индейцах, а желанием ограничить произвол конкистадоров, лишить их чрезмерной власти и непомерных богатств. «Новые законы» не угрожали и системе рабовладения, которая еще долго процветала в колониях. А провозглашение индейцев вольными вассалами короля должно было принести казне тот доход, которым не хотели делиться с королем конкистадоры.

Кроме того, Карл V решил направить в Перу нового наместника — настоящего вице-короля с широчайшими полномочиями и вместе с ним — четырех королевских судей, составлявших так называемую аудиенсию — верховный суд. Эти люди должны были также стать ближайшими помощниками и советниками вице-короля.

О «новых законах» скоро стало известно во всех испанских колониях. Они вызвали настоящую бурю негодования среди конкистадоров — каждый чувствовал себя ущемленным. Колонисты собирались на улицах и площадях и с возмущением выкрикивали:

«Стало быть, такими окажутся плоды всех наших усилий? Ради этого проливали мы свою кровь? Теперь, когда нас согнули и пришибли страдания и невзгоды, мы брошены на произвол судьбы такими же нищими, как и в начале нашего похода! Значит, таким путем хочет вознаградить нас правительство за нашу службу, за завоевание целой страны? Правительство в этих походах оказывало нам ничтожную помощь, и всему, чем владеем, мы обязаны только нашей верной шпаге, и этими же самыми шпагами мы сумеем отстаивать свои права!»

Ветераны закатывали рукава и сбрасывали камзолы, чтобы показать свои старые раны — лучшее доказательство их прав на законную долю добычи. Стало быть, им теперь придется трудиться в поте лица своего, а индейцы будут бездельничать!

Вака де Кастро пытался успокоить разбушевавшиеся страсти, угрожая суровым наказанием за мятежные речи и действия. Все ждали прибытия нового вице-короля Перу Бласко Нуньеса де Вела, знатного дворянина, по отзывам современников, человека отважного и богобоязненного, который с блестящей свитой отплыл из Испании в ноябре 1543 года. В январе следующего года Вела прибыл в порт Номбре-де-Диос. Там готовился к отплытию корабль, нагруженный перуанским серебром. Новый вице-король приказал конфисковать его в пользу короля, так как серебро это было добыто незаконно, руками рабов. Прибыв в Панаму, он освободил триста индейских рабов, привезенных из Перу, и велел отправить их обратно на родину.

Столь радикальные меры вызвали резкий протест колонистов, но новый вице-король заявил, что он явился сюда не затем, чтобы исправлять или толковать законы, а чтобы действовать в соответствии с ними, невзирая на последствия.

Затем вице-король морем отправился в Тумбес, а оттуда сухопутным путем — на юг, освобождая по дороге рабов и хорошо вознаграждая своих носильщиков. Такого еще не видели в Новом Свете ни от одного испанца.

Весть о прибытии нового вице-короля и его первых распоряжениях вызвала взрыв негодования во всем Перу. Города готовились запереть ворота перед новым наместником. Испанцы надеялись, что аделантадо Вака де Кастро встанет на защиту их интересов, но он не оправдал их надежд. Тогда они обратились за помощью к Гонсало Писарро, который считался одной из главных жертв «новых законов». К тому же новый вице-король как-то высказался, что он позаботится о том, чтобы ни один член семьи Писарро не имел никакого влияния на положение дел в Новой Кастилии. Нельзя допустить, чтобы и впредь эта страна оставалась в руках погонщиков мулов и свинопасов, она должна быть возвращена своему настоящему хозяину — королю.

Гонсало Писарро собрал преданных дворян и, захватив с собой много серебра, направился в Куско, где и был провозглашен генеральным регентом Перу и командующим войсками. Писарро поклялся, что будет поступать во славу божию, защищать интересы короля и народа.

Тем временем вице-король Бласко Нуньес де Вела продолжал свое путешествие в Лиму. Повсюду ему оказывали весьма прохладную встречу, а в одном городе над дверью дома, где он остановился, была сделана надпись: «Кто посягнет на мою собственность, пусть готовится заплатить за это своей жизнью!»

Несмотря на столь недвусмысленные угрозы, Бласко Нуньес торжественно вступил в Лиму, принял присягу на верность и провозгласил себя вице-королем Перу.

Гонсало Писарро спешно вооружал своих людей. Шесть тысяч индейцев тащили через горы шестнадцать пушек и другое вооружение. Скоро под его знаменами собралось четыреста человек, и можно было надеяться, что по пути к побережью их число увеличится. И действительно, скоро к Писарро примкнул восьмидесятилетний капитан Франсиско Карвахаль, герой Чупаской битвы; на сторону Писарро перешли также кавалерийский отряд нового вице-короля и ряд других воинских частей.

Де Вела, видя вокруг измену, стал подозревать всех и каждого и прежде всего велел арестовать своего предшественника Ваку де Кастро, а с ним еще нескольких дворян и держать их в заключении на корабле, стоящем в Лимском порту. Потом он начал деятельно готовиться к военным действиям: превратил Лиму в крепость, вооружил горожан и вызвал войска из других мест. Вооружено было и около десяти судов, которые своим огнем должны были поддерживать сухопутные войска. Даже церковные колокола по приказу де Велы были переплавлены на пушки.

Пока противники готовились к решающей битве, в Лиму прибыл назначенный королем верховный суд в составе четырех человек. Судьи сочли незаконными все распоряжения вице-короля и самолично освободили арестованных.

Это серьезно подорвало престиж де Велы. Да и сам он действовал весьма неосмотрительно. Пригласив во дворец одного влиятельного чиновника, вице-король обвинил его в предательстве и после яростной перепалки всадил кинжал в грудь этого человека, а свита де Велы прикончила раненого шпагами. Убитого завернули в его окровавленный плащ и тайно похоронили в церкви. Но слухи об этом чудовищном преступлении распространились по

городу, и популярность вице-короля, и так не очень высокая, стала быстро падать.

Гонсало Писарро уже приближался к Лиме, а Бласко Нуньес де Вела все еще не решил — обороняться ему в столице или выступить навстречу врагу. В конце концов он принял и вовсе необычное решение: покинуть Лиму и вместе со всеми ее жителями отправиться в Трухильо, а все окрестности разорить, чтобы Писарро не мог пополнить свои припасы и продолжать преследование.

Но приказ вице-короля встретил яростное сопротивление аудиенсии. Судьи заявили, что они не имеют права покинуть город, и немедленно издали постановление об аресте вице-короля. Тот собрался было напасть на аудиенсию, но в результате его колебаний выгодный момент был упущен.

Напротив, судьи, узнав о грозящей опасности, вывели на улицу своих сторонников и под крики: «Свободу! Свободу! Да здравствует король и аудиенсия!» — ворвались во дворец вице-короля.

Стража хоть и дала залп, но пули просвистели над головами нападающих, а затем войска вице-короля без боя перешли на сторону судей. Переворот обошелся без человеческих жертв. Бласко Нуньеса де Велу арестовали, а его дворец разграбили. Потом вице-короля отрешили от должности, отменили все его распоряжения и отправили в Испанию в сопровождении людей, которые должны были доложить двору о причинах беспорядков.

ГОНСАЛО ПИСАРРО ЗАХВАТЫВАЕТ ВЛАСТЬ

Свою правоту лучше всего доказывать пиками и мушкетами! — Свергнутый вице-король решает еще раз попытать счастье — Не поднимай руку на сильного! — Сражение под Кито и смерть де Вели — Серебряные реки Потоси — Блестящая победа — пролог поражения

После того, как де Вела был выслан в Испанию, судьи отправили Писарро послание, сообщая, что вице-король отрешен от должности, и требуя от Гонсало, чтобы тот распустил войска и вернулся в свои поместья.

На это Писарро ответил, что сам народ провозгласил его вице-королем Перу и, если аудиенсия не признает его прав, он отдаст Лиму на разграбление своим войскам. Ночью в город с небольшим отрядом прибыл старый капитан Карвахаль, чтобы ускорить переговоры. Его солдаты стали арестовывать противников Писарро, вытаскивая их прямо из постелей. Трех арестованных Карвахаль велел вывезти из города и повесить всех на одном дереве. Лично присутствуя при казни, он с жестокой любовью предложил одной из жертв выбрать сук, на котором тот будет повешен.

Аудиенсия, увидев, как энергично действуют люди Писарро, попросила его самого прибыть в город и принять титул вице-короля во имя безопасности государства и благоденствия Новой Кастилии.

28 октября 1544 года войска Писарро — около тысячи двухсот испанцев и несколько тысяч индейцев, приветствуемые артиллерийским салютом, колокольным звоном и ликованием толпы — вступили в Лиму.

Гонсало Писарро был торжественно провозглашен вице-королем Перу и главнокомандующим. Он поселился во дворце своего убитого брата Франсиско и велел устроить блестящее празднество, турниры и бои быков. Одновременно он стал арестовывать своих противников. Некоторых из них новый аделантадо приказал казнить, других отправил в ссылку в Чили, конфисковал их имущество. Правда, он собирался послать в Испанию специального гонца, чтобы хоть как-то оправдать свои действия, но старый Карвахаль убедил его, что он, Писарро, зашел слишком далеко и теперь уже не приходится надеяться на милость и снисхождение короля. Свою правоту лучше всего доказывать пиками и мушкетами.

Тем временем из гавани исчез корабль, на котором сохранился под стражей бывший наместник Вака де Кастро. Он уговорил капитана корабля отправиться в Панаму. Оттуда Кастро уехал в Испанию, но как только он ступил на берег, его арестовали и заключили в крепость, обвинив в самоуправстве и растрате общественных средств. И лишь после двенадцати лет заключения Кастро был признан невиновным и освобожден из-под стражи.

Итак, один из претендентов на власть в Перу добро-

вольно покинул страну, зато другой — Бласко Нуньес де Вела — неожиданно вернулся.

Как только корабль со свергнутым вице-королем отплыл от берегов Перу, сопровождавшая де Велу охрана заявила, что не считает его своим пленником. Вела решил еще раз попытать счастья и направился в Кито, чтобы набрать там войско. Он высадился в Тумбесе и стал вербовать добровольцев из Сан-Мигеля, Пуэрто-Вьехо и других прибрежных городов, но когда ему стали угрожать войска Писарро, де Вела поспешно перебрался в Кито. Здесь, на окраине Перу, трудно было на вербовать наемников, поэтому, заручившись обещанием помощи со стороны Беналькасара, де Вела вернулся в Сан-Мигель. Скоро под его знаменами собралось около пятисот человек, которые, даже будучи недостаточно вооруженными, стали нападать на отряды Писарро, причем не всегда безуспешно.

Гонсало Писарро, с тревогой наблюдавший за действиями своего противника, решил принять энергичные меры и в марте 1545 года с шестьюстами человек прибыл в Трухильо, а оттуда двинулся на Сан-Мигель.

Солдаты де Велы, узнав о приближении могущественного противника, покинули город и ушли в горы. Писарро шел буквально по пятам врагов, захватывая мулов, оружие и не давая возможности отряду де Велы запастись продовольствием. Дорога проходила через обширное бесплодное нагорье и отступавшим приходилось довольствоваться сушеными кукурузными зернами — обычной пищей путешествующих индейцев. Солдаты варили зерно вместе с травой, собранной на обочинах, в собственных шлемах, так как не хватало котлов. Спали они не разбивая палаток, под открытым небом, с оружием в руках и не расседывая лошадей.

Особенно тяжело приходилось беглецам, когда дорогу пересекали обширные болота. Обессиленные люди часто падали и многие больше не поднимались. Пленникам, принадлежавшим раньше к лагерю Писарро, не приходилось рассчитывать на снисхождение. Капитан Карвахаль беспощадно расправлялся с перебежчиками.

Нелегко приходилось и преследователям, хотя несли поклажу и доставляли им продовольствие туземцы.

Наконец Бласко Нуньес де Вела достиг столицы северной провинции — города Кито. Жители встретили бег-

леца, преследуемого сильным противником, холодно, и вице-королю пришлось искать убежища в Попаяне у Беналькасара.

Скоро в Кито вступил Писарро, собиравшийся вначале преследовать де Велу до самого северного моря. Однако Беналькасар располагал хорошо вооруженным войском, и Писарро не решился вторгнуться в его владения.

В Попаяне де Вела дал отдых своему измученному отряду, от которого осталось только пятая часть, пополнил его за счет людей Беналькасара, хорошо вооружил, а затем снова двинулся на юг, горя желанием сразиться с врагом.

Армии противников встретились неподалеку от Кито 18 января 1546 года. У де Белы было около четырехсот солдат, в том числе сто сорок всадников, у Писарро — семьсот отлично вооруженных воинов, которыми командовали опытные офицеры. И все-таки де Вела отклонил предложение Беналькасара о переговорах с противником. На предателей, сказал он, нельзя полагаться и заключать с ними соглашение. Мы пришли сражаться и выполним свой долг, как истинные рыцари. Это будет битва за Испанию, бога и короля. Он, де Вела, первый скрестит свой меч с мечом изменника; в борьбе за правое дело, кастильцы никогда не боялись численно превосходящего врага.

Сражение началось под вечер с сильной перестрелки. Спустя несколько минут поле боя было окутано клубами порохового дыма. Под его прикрытием пехота де Белы с пиками наперевес бросилась вперед и вступила в рукопашную схватку с противником. Одна за другой следовали кавалерийские атаки. Но битва продолжалась недолго. Большинство офицеров де Велы было убито. Покрытый ранами, Беналькасар был придавлен павшим конем. Но сам де Вела, несмотря на раны, продолжал сражаться, пока один из солдат противника не свалил его с лошади ударом боевой секиры. Вице-короля опознали, и один из офицеров Писарро велел своему чернокожему рабу отрубить голову поверженному врагу. Минуту спустя она уже была насажена на пику. Некоторые наемники, обуреваемые жаждой мести, вырвали по клочку волос из седой бороды убитого вице-короля и украсили этим трофеем свои шлемы.

Пехота де Велы еще пыталась отражать пиками кавалерийские атаки, но мушкетеры Писарро нанесли ей такие потери, что в конце концов она обратилась в бегства.

Почти треть солдат де Велы осталась на поле боя, потери же Писарро были ничтожны — по его данным, семь человек.

Многие беглецы пытались укрыться в церквах Кито, надеясь на традиционное право убежища, но их силой вытащили оттуда. Некоторых повесили, других сослали в Чили, однако большинство все-таки было помиловано. Раненому Беналькасару разрешили вернуться в свои владения, а его солдатам предложили перейти на службу к Писсаро. Тело бывшего вице-короля похоронили в одной из церквей Кито, и сам Гонсало Писарро, одетый в траур, присутствовал на этой церемонии. Историк Гомара говорит, что у всех Писарро было такое обыкновение — с почетом хоронить свои жертвы.

Весть о победе Гонсало Писарро была с радостью встречена во всех городах Перу — ведь это был удар по королевским «новым законам». По пути из Кито на юг победителю везде оказывали торжественную встречу и священники возносили молитвы всевышнему, чтобы тот даровал долгую жизнь новому наместнику.

Лимский магистрат собирался даже снести несколько зданий, чтобы проложить новую улицу, по которой Писарро мог бы вступить в город, и назвать ее его именем. Однако победитель отклонил это лестное предложение.

Но когда торжественная процессия проходила под триумфальными арками, коня Писарро вели под уздцы два высших офицера, а рядом с Гонсало ехали архиепископ Лимы и епископы Куско, Кито и Боготы. Солдаты и горожане замыкали шествие. Улицы были украшены цветочными гирляндами и зелеными ветвями, из окон свешивались богатые ковры, звонили колокола. Повсюду толпы горожан громким ликованием приветствовали Писарро, «защитника и освободителя народа».

Итак, один из братьев Писарро еще раз захватил власть во всем Перу — от Кито до северных границ Чили. Его флот контролировал воды тихоокеанского побережья и даже подчинил Писарро Панаму и порт Номбрете-Диос по другую сторону перешейка, на Карибском море.

Великий маркиз Франсиско Писарро (со старинной гравюры)

Развалины стен Саксауаманской крепости (на переднем плане караван лам)

И все-таки кое-где вспыхивали беспорядки. Мятежники под руководством офицера Кентено захватили Ла-Плату с ее богатыми серебряными рудниками и обширную Чаркасскую область. Против бунтовщиков выступил седовласый капитан Карвахаль. Те отступили в горы, не решаясь вступить в открытый бой. Несмотря на свои восемьдесят лет, Карвахаль преследовал их через горы и болота, леса и ущелья, не слезая с седла и не зная усталости.

Путь Кентено пролегал в совершенно диком краю, и сторонники постепенно покинули его. Многие попали в руки Карвахалья и были повешены, другие добрались до побережья и разбежались. Главарь повстанцев укрылся в пещере, ожидая подходящего момента, чтобы снова взяться за оружие.

Карвахаль вернулся в Ла-Плату и приступил к разработке сказочно богатых серебряных месторождений Потоси.

Эти колоссальные залежи были открыты индейским пастухом, который случайно вырвав из земли куст, увидел на его корнях куски серебряной руды. Согласно другой легенде, об этих месторождениях знал уже инка Уайна Канак. Но когда он послал туда рудокопов, из глубины горы раздался голос: «Боги хранят сокровища для тех, кто явится позже!» Перуанцы назвали гору «Потоси» («Голос») и уже не пытались приблизиться к ней.

Теперь Потоси захватили испанцы. В некоторых слоях содержание серебра в руде доходило до семидесяти пяти процентов. Вскоре в Лиму потекла настоящая серебряная река, несмотря на то, что старый капитан был столь же жаден, как и жесток.

Рудники Потоси давали столько серебра, что испанцы забросили другие месторождения, так как разработка их просто не оплачивалась. Через десять лет железная подкова стоила здесь столько же, сколько серебряная.

Потоси стало символом всего, о чем мечтает бедняк, чего жаждет скупец. О богатом поместье говорили, что это настоящее Потоси. Увидев на улице веселого гуляку, смеялись: «Наверное, он получил в наследство Потоси».

Новый наместник, которому фактически принадлежало Потоси, показал, что умеет действовать с соответствующим размахом. Он держал восемьдесят телохранителей. Каждый день за его столом обедало не менее ста чело-

век; ему целовали руку, как королю, и никто не имел права садиться в его присутствии.

Многие соратники Гонсало Писарро, в том числе Карвахаль, открыто уговаривали его объявить о полной независимости Перу и отказаться от всех обязательств по отношению к испанскому королю. Писсаро уже зашел так далеко, что должен сделать и этот последний шаг — рассчитывать на снисхождение короля не приходится. Народ и войско провозгласят его истинным повелителем Новой Кастилии.

Но в этой стране опустошения и смерти победителя ожидала гибель — блестящие победы Писарро стали началом его падения. Он осмелился поднять меч против вице-короля, бросил вызов могущественному властелину Испании и Священной Римской империи. Ненасытность и кровожадность сторонников Писарро не знали границ. Они хотели захватить все богатства Перу и не собирались делиться ими с королем, а это считалось тяжелейшим преступлением. Карл V применял в таких случаях самые беспощадные средства.

СЛУГА БОЖИЙ ПРИБЫВАЕТ В ПЕРУ С «МИССИЕЙ МИРА»

Мятеж должен быть подавлен во что бы то ни стало! — Кроткий умиротворитель. — Изменения в «новых законах». — Коварные послания. — Шея словно создана для виселицы. — Лагерь мятежников распадается

Летом 1545 года после продолжительного обсуждения испанский двор признал положение в Перу угрожающим, а действия Гонсало Писарро — злостным бунтом, цель которого оторвать от Испании драгоценнейшую жемчужину ее короны. Совет решил беспощадно подавить мятеж и расправиться с его участниками.

В Новую Кастилию был направлен специальный комиссар — член совета святейшей инквизиции Педро де ла Гаска, доверенное лицо короля, наделенный широчайшими полномочиями.

Официально Гаске был присвоен только титул председателя суда — аудиенсии, но в действительности он был уполномочен именем короля взять всю власть в Перу в свои руки, распоряжаться денежными средствами, объявлять войну, командовать войсками, назначать и увольнять чиновников и священников, наказывать и ссылать мятежников.

Ему поручили именем короля внести изменения в «новые законы», вызвавшие такое недовольство и беспорядки, а в случае необходимости амнистировать мятежников. Два последних обстоятельства и сыграли главную роль в усмирении мятежа. Этот Кортес в сутане, как называли его некоторые историки, доказал, что может прекрасно справиться с самыми необузданными конкистадорами. Была у него и кличка «железный воин», потому что еще в Испании он участвовал во многих сражениях, показав себя неустрашимым солдатом. Некоторые хронисты писали о нем, как о человеке медлительном и мягкосердечном, считая, что в Перу был послан кроткий агнец, так как для этой миссии не подходил лев рыкающий.

Этот «кроткий агнец» даже отказался от предложенного ему епископского сана и в мае 1546 года с маленькой эскадрой отплыл в Новый Свет. Сопровождала его лишь небольшая свита.

В середине июля королевский уполномоченный высадился в порту Санта-Марта на берегу Дарьенского залива. Здесь он узнал о сражении, происшедшем под Кито, о разгроме и гибели вице-короля Бласко Нуньеса де Белы, о том, что Гонсало Писарро захватил неограниченную власть во всем Перу. Случилось это за несколько месяцев до отплытия Гаски из Испании, но средства сообщения были тогда столь несовершенными, что весть об этом не успела дойти до метрополии.

Из Санта-Марты Гаска прибыл в порт Номбре-де-Диос и объявил офицерам Писарро, что явился сюда с миссией мира. Он обещал прощение всем участникам мятежа, если они подчинятся королевским указам, и выразил намерение отменить «новые законы». А это значило, что мятежники вернут себе прежние права, и бунт потеряет всякий смысл. И действительно — «кроткий Кортес в сутане» привез с собой соглашение между королем и конкистадорами, касающееся положения индейцев.

Поправки, внесенные в «новые законы», фактически отменяли главную их задачу — защитить индейцев, превратить их в таких же вассалов короля, как и белые колонисты.

Компромисс между королем и конкистадорами предусматривал, что репартименты будут заменены энкомьендой — опекой. Теперь закон гласил, что губернатор завоеванных земель выделяет индейцев колонистам, а те, в свою очередь, берут их под свою защиту, заботятся о них и приглашают священника, чтобы тот обучал индейцев закону божьему и христианской морали.

Энкомьендеро является отнюдь не владельцем рабов или крепостных, а опекуном политически незрелых детей природы. Индейцы обязаны доставлять своему опекуну средства к существованию, но их эксплуатации положен известный предел — нельзя заставлять индейцев работать до изнеможения, отдавать их в заклад или внаем другим лицам.

Индейцев приписывали к энкомьендеро на два поколения, после этого предполагалось объявить их вассалами короля и приравнять в правах к испанцам, Энкомьендеро давал клятву воспитывать индейцев в правилах христианской веры, защищать их жизнь и имущество.

На деле же ни о какой защите индейцев не могло быть и речи. Предполагалось безжалостно эксплуатировать их и впредь, предоставлять им свободу через два поколения никто не собирался. Туземцы лишались права на свободное передвижение, их можно было насильно отправить в рудники, заковать в цепи. Энкомьендеро мог прибрать к рукам землю своих подопечных.

Конкистадоры поняли, что король уступил и больше не посягает на их коренные интересы; постепенно и они стали склоняться к компромиссу.

Переманив гарнизон Номбре-де-Диоса, Гаска отправился в Панаму, где находился флот Писарро — двадцать два корабля. Отсюда королевский уполномоченный с помощью доминиканского монаха разослал по городам Перу письма, в которых разъяснял цель своей миссии, объявлял об изменении «новых законов» и об амнистии всем, кто поддержит королевского эмиссара. В Лиму было отправлено послание короля к Гонсало Писарро с сопроводительным письмом Гаски. Король не обвинял Гонсало в мятеже, он в примирительном тоне

писал, что считает его действия ответом на упрямство вице-короля Бласко Нуньеса де Велы. Его величество не собирается ни отстранять Писарро с поста наместника, ни утверждать его в этой должности. Королевскую волю объявит ему Гаска и вместе с Писарро восстановит в Новой Кастилии мир и порядок.

Столь же дипломатично было составлено и сопроводительное письмо Гаски. Причины, приведшие к мятежу, писал он, более не существуют. Отныне ссоры и разногласия потеряли всякий смысл. Писарро и его сторонники должны доказать верность своему повелителю и подчиниться всем его распоряжениям. Если Гонсало будет продолжать борьбу, то его противником окажется сам король, и народ покинет бунтовщика.

Проходили недели и месяцы, а Гаска все еще оставался в Панаме, ожидая, когда взойдут посеянные им семена. И действительно — многие колонисты стали сомневаться, стоит ли им поддерживать Писарро, и начали подумывать о том, как бы снискать прощение и милость короля.

И все же власть Гонсало Писарро казалась прочной и неизблемой. Он завоевал сердца многих колонистов, наделив их заново обширными землями со всеми живущими там индейцами. Писарро не скупился на богатые подарки, устраивал роскошные пиры, на которых его воспевали в романсах и балладах, сравнивая с рыцарями прошлых времен.

Узнав о прибытии Гаски, Гонсало снова вернулся к своей прежней идее — отправить в Испанию посланцев и просить короля утвердить за ним титул наместника Новой Кастилии. Посольство возглавляли один из преданнейших сторонников Гонсало высокородный дворянин Лоренцо де Альдана и епископ Лимы.

Послы везли письмо и для Гаски с приличествующими случаю пожеланиями счастья. Писарро выражал сожаление, что прибытие Гаски запоздало — волнения в Перу уже прекратились и власть находится в верных руках. Посольство не собирается выпрашивать в Испании прощения для Писарро, который ни в чем не провинился и является самым подходящим человеком для того, чтобы управлять Новой Кастилией, оно будет просить короля утвердить Гонсало Писарро наместником Перу.

Ходили слухи, что посольство собирается подкупить Гаску огромной суммой денег, а если это не удастся —

пустить в ход еще более действенное средство — кинжал или яд и убрать с дороги этого хитрого, настойчивого человека, одетого в бедную сутану священника.

В Панаме Альдана встретился с Гаской и узнал, насколько широки полномочия последнего и сколь твердо решил тот выполнить свою миссию. Надменный идальго, в преданности которого Писарро не сомневался, тут же отказался от поездки в Испанию и поклялся в верности королю. Вскоре так же поступил и командующий флотом, передав свои корабли в распоряжение Гаски. Все мятежники, явившиеся с повинной, получили прощение и были назначены на новые должности.

Теперь Гаска стал набирать войско, обещая солдатам хорошее жалованье. Он запасался продовольствием, слал письма в Никарагуа и Мексику, прося оказать ему поддержку, а также обратился к Беналькасару, призывая того прийти к нему на помощь. Обещания и письма хитрого прелата делали свое дело. Многие колонисты собирались тайно перейти в лагерь сторонников короля, пока можно было рассчитывать на прощение.

Не зря капитан Карвахаль предупреждал Писарро, что этих писем следует опасаться больше, чем кастильских клинков. Старый воин уговаривал наместника не отвергать королевскую милость, а для посланца короля «устлать дорогу к столице золотыми и серебряными плитами». Что же касается его, Карвахалья, то он прожил достаточно долгую жизнь и не беспокоится за свою судьбу. Его шея такой же длины и так же подходит для виселицы, как у всех прочих.

Но Гонсало Писарро не слушал добрых советов и предупреждений, и скоро лагерь его сторонников начал разваливаться. Флот, на который Писарро возлагал столько надежд и в строительство которого вложил огромные средства, уже оказался в руках Гаски. Многие северные города, в том числе Кито, перешли на сторону короля.

Кентено, которого так настойчиво преследовал Карвахаль, покинул прибежище под Арекипой и начал собирать своих разбежавшихся сторонников. Спустя некоторое время он овладел Куско и изгнал из городского управления сторонников Писарро. Затем Кентено направился в Чаркасский округ, объединился с одним из офицеров Писарро и, имея в своем распоряжении около ты-

сячи человек, разбил лагерь возле озера Титикака, ожидая подходящего момента, чтобы напасть на своего бывшего главнокомандующего.

Гонсало Писарро стал немедленно собирать войска. Вскоре под его знаменами было уже около тысячи хорошо вооруженных, обеспеченных всем необходимым и роскошно одетых воинов. На собственные средства, истратив около полумиллиона песо де оро, он снабдил конем каждого мушкетера и щедро платил любому солдату.

Когда его личная казна опустела, Писарро наложил руку на королевские доходы, взял под контроль монетные дворы и велел чеканить монеты с меньшим содержанием драгоценного металла. Богатые горожане Лимы были обложены большим налогом, а с теми, кто протестовал, безжалостно расправлялись.

Неуверенность и смятение царили в Лиме. Люди не доверяли и друг другу, многие прятали имущество, а некоторые пытались бежать в горы, обманув бдительность стражи, получившей приказ никого не выпускать из города.

Вскоре под Лиму с несколькими кораблями прибыл Альдана. В феврале 1547 года он отплыл из Панамы, посетил Трухильо, жители которого отреклись от Писарро, и установил связь со многими офицерами Писарро внутри страны, решившими перейти на сторону короля. Альдана приказал им направиться со своими войсками к Кахамарке и дожидаться Гаски, а сам поплыл к Лиме.

Узнав о приближении неприятельских кораблей, Писарро выступил из Лимы и расположился лагерем неподалеку от города. Сторожевые посты бдительно следили за тем, чтобы корабли не поддерживали связь с берегом, и все-таки Альдана сумел переслать письма, в которых сообщалось о полномочиях Гаски и великодушных условиях капитуляции. Число перебежчиков стало расти. Они искали убежища на кораблях, в окрестных лесах и горах. Писарро велел безжалостно расправляться с беглецами, но это не помогало. Из лагеря наместника бежал даже офицер, приказавший отрубить голову раненому вице-королю Бласко Нуньесу де Веле. Если уж такой преступник надеялся на помилование, то остальным нечего было и сомневаться, и число беглецов множилось.

Писарро, видя, что его войско тает, повел его к Арекипе.

Из тысячи человек осталась половина. Однако Гонсало не терял присутствия духа: «Только в беде мы познаем истинных друзей. Если бы у меня осталось их всего десять, то и тогда бояться было бы нечего, я бы вновь стал правителем Перу!»

Как только войска Писарро ушли, жители Лимы немедленно открыли Альдане городские ворота,

В апреле 1547 года Гаска отплыл из Панамы в Новую Кастилию. Борясь с неистовыми бурями и грозами, корабли медленно продвигались вперед. В июне королевский уполномоченный добрался до Тумбеса. Отсюда, зайдя по пути в Трухильо, он отправился в Хауху, где было приказано собраться всем сторонникам короля из северных и прибрежных районов. Кентено прислал Гаске донесение, что его войска перерезали все дороги и Гонсало Писарро не сможет выбраться из Перу. Мятежник попал в западню.

ПОСЛЕДНИЙ ПИСАРРО НА ЭШАФОТЕ...

Пути к бегству отрезаны. — Сражение у озера Титикака. — «Иисусе! Какая победа!» — Предательство предрешает поражение Писарро. — «Лучше умереть, как подобает христианам!» — Жестокая расправа. — Триумф «мирной миссии»

Гонсало Писарро действительно собирался покинуть Перу, отправиться в Чили и дожидаться там подходящего случая, чтобы снова захватить власть. Но Кентено бдительно охранял все дороги и тропы, ведущие на юг.

Писарро со своим войском расположился в окрестностях озера Титикака и отправил к своему бывшему офицеру гонцов, чтобы выторговать разрешение на переход через горы. Но Кентено был непреклонен и заявил, что состоит теперь на королевской службе и не может нарушить свой долг. Если Писарро хочет сдаться, то он, Кентено, постарается добиться, чтобы с пленником обошлись милостиво.

Писарро оставалось только силой проложить себе дорогу, 26 октября 1547 года войска противников встретили-

лись на открытой равнине под Вариной, неподалеку от озера Титикака. Под командованием Кентено находилось около тысячи человек, из них двести пятьдесят всадников и сто пятьдесят мушкетеров. У Писарро было не более четырехсот восьмидесяти человек, но зато триста пятьдесят из них — стрелки. Это был цвет перуанского воинства, закаленные в боях, великолепно владеющие оружием конкистадоры, имевшие каждый по два-три мушкета, оставленных дезертирами.

Старый капитан Карвахаль расположил мушкетеров на весьма выгодной позиции и ждал, когда пехота противника, беспорядочно стреляя, бросится на его сомкнутый строй. Копейщики Кентено на бегу так неумело действовали своими длинными пиками, что поранили даже своих товарищей.

Карвахаль с удовлетворением наблюдал, как противник без толку расходует боеприпасы, и отдал приказ стрелять залпом и только тогда, когда враг будет совсем близко.

Старые опытные воины поджидали нападающих в строго сомкнутом строю и открыли огонь, когда противник был в ста шагах от них. Нападавших встретил такой град пуль, что не менее ста человек было убито и еще большее число ранено. Прежде чем враг успел опомниться, мушкетеры Карвахалья дали второй залп из запасных мушкетов. Пехотинцы Кентено не выдержали и в панике бежали.

Совсем иначе кончилась кавалерийская схватка. Всадники Кентено налетели на небольшой отряд писарристской конницы и рассеяли его словно стадо овец. Поле было усеяно трупами людей и коней. Сам Гонсало чуть было не попал в плен — с трудом ему удалось отбиться.

После этой победы всадники Кентено несколько раз бросались в атаку на пехоту противника — копейщиков и мушкетеров, но не могли прорвать их железного строя. Напрасно конница пыталась обойти с тыла этот лес копий — прекрасно обученные воины, не ломая строя, поворачивались, и всадники снова натыкались на ряды длинных пик. А мушкетеры тем временем вели прицельный огонь, и кавалерийские эскадроны противника настолько поредели, что им пришлось покинуть поле боя.

Писарро одержал полную победу. Его солдаты захватили вражеский лагерь, где в шатрах стояли уже

накрытые для пира столы. Но, главное, — там оказалось огромное количество серебра (по некоторым данным, стоимостью в 1, 4 миллиона песо).

Гонсало Писарро объезжал на коне усеянное трупами поле боя, содрогаясь от ужаса, осеняя себя крестным знаменем и шептал: «Иисусе! Какая победа!» В сражении погибло около трехсот пятидесяти солдат Кентено, раненых было значительно больше. Человек сто из них, не получив никакой помощи, умерли ночью от холода и ран. Победители потеряли не более ста человек, несмотря на численное превосходство противника.

Старый Карвахаль, казавшийся совершенно неутомимым, преследовал со своими воинами бегущего врага и безжалостно расправлялся с каждым пленным, пока остатки войск противника не рассеялись в труднодоступных горах либо с великими трудностями не добрались до Лимы.

После этой победы Писарро собрал вспомогательные силы в Арекипе, Ла-Плате и других городах и двинулся на Куско, отбросив свой первоначальный план — отступить в Чили. Честолюбивый конкистадор вновь загорелся надеждой склонить на свою сторону колеблющихся, а затем еще раз сразиться с противником.

Гаска тем временем, находясь в Хаухе, ждал от Кентено победных реляций. Вместо этого пришло сообщение о жестоком разгроме. Слухи о нем распространились в войсках, и первоначальная уверенность в легкой победе сменилась беспокойством и колебаниями — а можно ли одолеть этого бесстрашного полководца, который не только осмелился сразиться с вдвое сильнеешим противником, но и разгромил его?

Но Гаска казался совершенно невозмутимым. Он послал своих офицеров в Лиму, чтобы собрать беглецов из отрядов Кентено и, кроме того, доставить в лагерь тяжелые корабельные пушки. Вскоре к Гаске прибыл и сам Кентено с остатками своих сторонников. Сюда же явились с севера Перу Беналькасар, а с юга прославленный завоеватель Чили Вальдивия, которого Гонсало Писарро считал своим лучшим другом. Гаска устроил Вальдивии самую сердечную встречу, так как, по словам хрониста, это был лучший воин Новой Кастилии, а Гаска заметил, что такой человек стоит восьмисот солдат.

Собрав около двух тысяч воинов и имея при себе одиннадцать орудий, Гаска в марте 1548 года выступил в поход на Куско. Путь был тяжелым — противник разрушил все мосты, и приходилось либо восстанавливать их, либо переправляться через бурлящие реки на плотах. Немало солдат погибло во время этих переправ. А однажды течение подхватило шестьдесят лошадей, которых заставили вплавь пересекать реку, и разбило их о подводные камни. И все-таки армия Гаски продвигалась вперед, преодолевая непроходимые леса и горные хребты, глубокие ущелья и болота.

А Гонсало Писарро словно и не думал о будущем. Казалось, корона правителя Перу уже украшает его голову. И лишь капитан Карвахаль без устали обучал солдат, закупал оружие и все время твердил своему командующему, что пора уйти в горы, не вступая в бой с превосходящими силами противника. Но Писарро отверг этот мудрый совет и решил еще раз попытать счастья в сражении. Он расположил свои войска, численностью около девятисот человек, на хорошо укрепленных позициях в долине, лигах в пяти от Куско.

8 апреля 1548 года армия сторонников короля после долгого и тяжелого перехода преодолела, наконец, горный хребет, опоясывавший долину, где должно было произойти решающее сражение. Еще с гребня гор можно было различить сверкающие доспехи писарристов, их белые, похожие на птиц, шатры и яркие одежды индейских воинов, на вербованных Писарро в качестве вспомогательных войск.

Солдаты Гаски спускались с гор настолько беспорядочно, что напади на них в это время Писарро, они понесли бы тяжелые потери, но последний предпочитал не покидать своих выгодных позиций.

Какой-то дезертир донес Гаске, что мятежники собираются напасть на него ночью, и королевские войска простояли под оружием почти до самого утра, хотя с гор дул такой резкий и холодный ветер, что трудно было удержать меч в руках.

Наступило утро 9 апреля. Оба лагеря начали готовиться к битве. Когда Карвахаль увидел, как продуманно выстроились войска Гаски, он удивленно воскликнул: «Им помогает либо сам дьявол, либо Вальдивия!» Это

была очень высокая похвала Вальдивии, тем более, что Карвахаль не знал о его прибытии из Чили.

Гонсало Писарро, закованный в великолепные, сверкающие золотом доспехи, скакал на горячем боевом коне вдоль строя и подбадривал солдат. Командование пехотой он поручил лиценциату Кепеде, члену верховного суда, перешедшему на сторону Гонсало. Писарро всегда следовал советам Кепеды и не сомневался в его верности. Но ему пришлось горько разочароваться в этом человеке. Еще до начала сражения Кепеда, выждав подходящий момент, во весь опор поскакал через равнину в сторону королевских войск. Всадник преодолел уже значительное расстояние, когда его солдаты, почуяв предательство, бросились в погоню за дезертиром. Один дворянин почти догнал беглеца, застрявшего в топком месте, и бросил в него копье. Оно пробило Кепеде бедро и вонзилось в бок коню. И лошадь и всадник упали. Изменник был бы убит, если бы на помощь ему не пришел патруль королевских войск, отогнавший преследователей. Примеру перебежчика тут же последовали один из высших офицеров и около двенадцати мушкетеров.

При столь откровенном предательстве Писарро словно лишился дара речи. Ему казалось, что земля колеблется у него под ногами, и он решил без промедления напасть на Гаску.

Но не сделав ни единого выстрела, часть мушкетеров Писарро перешла на сторону противника. Кавалерийский эскадрон, посланный в погоню за дезертирами, последовал их примеру. Гаска велел своим войскам остановиться, чтобы предупредить ненужное кровопролитие.

Сторонников Писарро охватило отчаяние. Одни, бросив оружие, пытались найти убежище в Куско, другие бежали в горы, третьи сдавались в плен, надеясь на обещанную пощаду.

Индейцы разбежались, и лишь Гонсало Писарро с несколькими дворянами еще оставался на поле боя. Но роковой час пробил. Потрясенный происходящим, вождь мятежников спросил у одного из сохранивших ему верность офицеров: «Что же нам делать?» Отважный воин ответил: «Остался один выход — броситься на врага и умереть, как умирали древние римляне!» — «Лучше умрем, как христиане», — сказал Писарро (по свиде-

тельству Гарсиласо и Сарате) и поскакал в сторону королевских войск, чтобы сдать в плен.

Гаска, сидя на коне, встретил пленника жестокими упреками — почему тот поднял в стране знамя мятежа, убил вице-короля, захватил власть и отверг многократно предлагавшееся ему королевское прощение?

Писарро оправдывался тем, что вице-король поступал несправедливо, и он встал у власти по воле народа и по решению королевской аудиенсии: «Моя семья завоевала эту страну, и я, как ее представитель, имел право стать наместником».

На это Гаска сурово возразил, что страну захватил брат Гонсало, за что король милостиво соизволил высоко вознести их семью. Франсиско Писарро умер как верный подданный своего повелителя, что еще более усугубляет вину Гонсало.

Резко оборвав разговор, Гаска приказал взять пленника под стражу. В плен попал и отважный капитан Карвахаль. Увидев, как разбегаются войска Писарро, он решил подумать о собственном спасении, попытался переплыть на коне реку и скрыться. Но на противоположном берегу его лошадь оступилась, и в ту же минуту на Карвахалья набросились его же солдаты и отвели командира в лагерь Гаски, надеясь таким образом искупить свою вину.

Гаска захватил оружие, походные шатры и продовольственные запасы писарристов, а также немало золота и серебра, так как солдаты обычно брали в поход все свои богатства.

Так закончилось сражение, которое, по сути дела, так и не началось — среди мятежников было пятнадцать убитых, а королевские войска потеряли одного единственного солдата и то из-за неосторожности его собственного товарища. Как пишет хронист, еще никогда столь блестящая победа не была одержана столь дешевой ценой.

На следующий же день начался суд, приговоривший Гонсало Писарро, Карвахалья и еще нескольких дворян, захваченных с оружием в руках, к смертной казни, приведенной в исполнение там же, на поле боя.

Писарро отправился к месту казни в роскошных, расшитых золотом одеждах, верхом на муле. Руки у него не были связаными. Твердым шагом взшел он на эшафот и попросил разрешения обратиться к солдатам.

Многие из них, сказал он, разбогатели во время правления братьев Писарро, у него же не осталось ничего, кроме одежды, которая сейчас на нем, да и та принадлежит палачу. У него нет денег, чтобы заказать мессу за упокой собственной души, и он просит об этой милости у своих бывших соратников.

Прочитав молитву, Гонсало Писарро велел палачу выполнить свой долг не дрогнув, и тот отрубил осужденному голову одним ударом меча. Отрубленную голову положили в клетку, которую прикрепили рядом с повешенным Карвахалем. Там же была сделана надпись: «Это голова изменника Гонсало Писарро, поднявшего в Перу бунт против своего повелителя и во имя тирании и предательства сражавшегося против королевских стягов в Хакуихагуанской долине».

Огромные поместья и богатейшие серебряные рудники Потоси, принадлежавшие Писарро, были конфискованы, его дом в Лиме разрушен до основания, место это посыпано солью, и там был поставлен каменный столб с надписью, что никто не смеет возводить здание на земле, оскверненной предателем.

Труп Карвахала разрубили на четыре части и повесили на железных цепях у четырех главных дорог, ведущих в Куско.

Десять или двенадцать именитых дворян, бежавших в Куско, были приговорены к смертной казни, многих отправили в ссылку или сослали на галеры. У беглецов были конфискованы поместья и все остальное имущество.

Так железной рукой наводил порядок кроткий слуга божий Гаска.

Бранные останки Гонсало Писарро были похоронены в одной из церквей Куско рядом с отцом и сыном Альмагро, также погибших от руки палача, «словно бы в Перу не хватало места для могил его завоевателей», как с горечью сказал хронист Гарсиласо де Вега.

Так в возрасте сорока двух лет погиб последний из братьев Писарро (если не считать старшего брата — Эрнандо, находившегося в заключении и до конца своих дней уже не участвовавшего в политической борьбе). Все они умерли насильственной смертью.

Подобная судьба ждала и тех, кто предал своего главнокомандующего.

Кепада был прожженный предатель. Сначала он изменил вице-королю Бласко Нуньесу де Веле и аудиенсии, членом которой сам состоял, а потом предал на поле боя своего главнокомандующего Гонсало Писарро. Гаска отправил пленника в Испанию, где того обвинили в государственной измене. Не исключено, что Кепеду оправдали бы, так как он ловко защищался и мог рассчитывать на влиятельных друзей при дворе. Но он умер в тюрьме еще до конца следствия.

Многие офицеры, изменившие Писарро, гибли один за другим, словно их преследовал злой рок. В их числе был и Вальдивия, убитый арауканцами.

После жестокой расправы с мятежниками, которые своевременно не воспользовались милостью короля, Гаска приступил к награждению своих сторонников. Но это, пишут хронисты, было столь же трудной задачей, как и подавление мятежа. Все, кто хоть пальцем пошевелил в пользу короля, бессовестно бросились делить добычу, не давая покоя вице-королю своими необоснованными претензиями.

И не случайно Гаска в своем письме к королю иронически заметил: «Как бы то ни было, но портных здесь хватает, беда только в том, что нечего больше кроить, слишком мало осталось сукна».

Гаска трудился несколько месяцев, прежде чем проверил все претензии и заслуги, и, наконец, убедился, что удовлетворить всех жаждущих награды невозможно. Это вызвало такое разочарование, что в Куско вспыхнуло восстание. Но вице-король беспощадно подавил его.

Затем Гаска направился в Лиму, где ему была устроена торжественная встреча. Вице-король ехал на муле, в одежде простого священника, а королевскую печать везли в ларце на ярко украшенной лошади. Тем самым он еще раз подчеркивал, что действует именем короля. Жители Лимы приветствовали его песнями и громким ликованием, как «своего отца и освободителя, как спасителя Перу». Недавнее чествование Гонсало Писарро, казалось, давно забыто.

Гаска пробыл в Лиме около пятнадцати месяцев, а затем в январе 1550 года, завершив свою миссию, продолжавшуюся четыре года, покинул Перу, уступив место новому вице-королю. Хитрый, настойчивый священник успешно справился со своей задачей, подавил мятеж, вос-

становил мир и порядок в огромной заморской колонии, покарал виновных и наградил верных слуг короля.

Кое-кто из хронистов прославлял его мудрость, простоту и великодушие. Он будто бы заботился о том, чтобы завоеватели не слишком угнетали индейцев, радел о процветании Перу. Он был столь бескорыстен, что отказался принять дорогие серебряные сосуды, подаренные ему индейскими касиками, а также большие суммы денег, преподнесенные благодарными колонистами. Он говорил, что пришел сюда, дабы служить королю и принести жителям Перу благословенный мир. Всевышний помог ему выполнить эту миссию, и он не хочет принимать подарки, которые могут бросить на него тень и дать повод сомневаться в его бескорыстных намерениях,

Гаска вез королю не только пространное донесение об одержанных им успехах, но и много золота и серебра. Он и сам не остался с пустыми руками — король назначил его на высокую и весьма прибыльную должность.

ГИБЕЛЬ СТРАНЫ ДЕТЕЙ СОЛНЦА

Орлиное гнездо Вилькапампа. — Убийцы находят прибежище у инки. — Смерть Манко. — Меч и золото против государства Солнца. — Инка Титу Куси — жертва заговора. — Тупак Амару — последний защитник Вилькапампы. — Казнь в Куско. — Опустошенная страна. — Героическая борьба арауканцев. — Инка Тупак Амару Второй

После отъезда Гаски снова начались волнения среди конкистадоров, но они охватили только некоторые районы и сравнительно легко были подавлены. А затем испанцам удалось сломить и сопротивление перуанцев.

В горах Вилькапампы, на высокогорном плато между реками Урубамба и Апуримака, в 1538 году образовалось новое государство инков. Перуанский повелитель Манко ушел в горы и защищал Вилькапампу от посягательств со стороны испанцев.

В горной области, пересеченной огромными ущельями и бурными реками, враг не мог застать перуанцев врас-

плох. Сторожевые посты на узких горных тропах, где один мужественный человек мог задержать сотни нападающих, следили за приближением бледнолицых дьяволов. Достаточно было разрушить единственный мост через Урубамбу, ведущий в Вилькапампу, чтобы преградить дорогу захватчикам. К тому же Манко собрал мощную армию, и защитники Вилькапампы были готовы сражаться не на жизнь, а на смерть.

Непредвиденный случай помог конкистадорам избавиться от этого отважного и опасного врага, который до сих пор счастливо избегал всех ловушек белых людей, не пускаясь с ними ни в какие переговоры.

После Чупасского сражения 16 сентября 1542 года некоторые альмагристы, убийцы Франсиско Писарро, подкупив стражу, бежали из плена и нашли прибежище в горах у Манко, выдав себя за послов молодого Альмагро.

Манко был дружески расположен к Альмагро, в жилах которого текла индейская кровь; возможно, инка надеялся найти с ним общий язык и поэтому без обычной подозрительности принял у себя беглецов. Он не догадывался, какие чудовищные замыслы вынашивают эти предатели и самозванцы.

Когда в Перу прибыл Бласко Нуньес де Вела и провозгласил «новые законы», а недовольные колонисты под руководством Гонсало Писарро подняли восстание, слух об этом дошел до испанцев, скрывавшихся у Манко. Они поняли, что писарристы отныне стали врагами короля, а им, убийцам Франсиско Писарро, нечего опасаться гнева нового наместника. Чтобы окончательно обелить себя перед королем, эти люди решили убить Манко. Затеяв с ним игру в кегли, они закололи инку кинжалами, заранее спрятанными под одеждой. Но бежать убийцам не удалось — перуанцы настигли их и приговорили к жестокой, но справедливой казни.

Гибель Манко вызвала в Вилькапампе неурядицы и смятение. И перуанцы упустили возможность воспользоваться междоусобной войной в лагере завоевателей.

После победы Гаски над мятежными колонистами волнения в Перу постепенно улеглись. «Новые законы» были отменены, колонисты сохранили права на захваченные земли и индейцев.

Но Вилькапампа так и осталась непокоренной, и перуанцы продолжали надеяться, что им когда-нибудь

удастся сбросить иго завоевателей. Маленькое государство детей Солнца продолжало сохранять свою независимость, и вице-короли Перу были вынуждены смириться с этим — взять Вилькапампу штурмом они не могли. Но в горы постоянно засылались лазутчики и шпионы с тайным заданием — убивать либо переманивать на сторону испанцев некоторых индейских вождей.

В 1558 году, поддавшись уговорам завоевателей, из Вилькапампы в Лиму прибыл старший сын Манко Саири Тупак, признавший дальнейшее сопротивление бесполезным.

После этого оборону Вилькапампы взял на себя самый способный из сыновей Манко — инка Титу Куси. Молодой правитель решил поднять на борьбу с завоевателями всех перуанцев Новой Кастилии. Прошли годы, и испанцы почувствовали, что назревает всеобщее восстание. В 1565 году был открыт широко разветвленный заговор в округе Лимы. Орлиное гнездо — Вилькапампу — следовало уничтожить любой ценой.

Один за другим туда отправлялись посланцы вице-короля, пытавшиеся выманить инку из неприступной крепости или подкупить его подарками и щедрыми посулами. Инка отверг все их предложения, но разрешил нескольким монахам-миссионерам проживать в Вилькапампе, считая их людьми безобидными. Это была роковая ошибка. Правда, распространители новой веры не добились никаких успехов и никого не обратили в христианство, но один из них — Ортис — оказался лекарем и, врачуя индейцев, сумел вкрасться в доверие инки.

В 1569 году в Лиму прибыл новый вице-король Перу дон Франсиско де Толедо, знатный кастильский гранд, близкий родственник палача Нидерландов — герцога Альбы, верный слуга нового испанского короля Филиппа II.

Толедо стал править железной рукой, и колонисты трепетали перед ним. Новый вице-король решил превратить Перу в образцовую колонию, навсегда обуздать своевольных конкистадоров, сделать индейцев смиренными рабами и уничтожить саму память о некогда независимом государстве.

Оказалось, что никто не знает, как велика территория завоеванной страны, где проходят ее границы, какова численность населяющих ее индейцев. Выяснилось также,

что высоко в горах есть селения, где еще не побывал ни один испанец, где не собираются королевские налоги и церковная десятина, где индейцы не закрепощены. Нужно было покончить с этой неупорядоченностью.

Кроме того, новый вице-король с помощью покорных ему слуг закона стал доказывать, что инки никогда не имели прав на эту страну, что они хитростью захватили власть в Перу. До такого еще не додумался ни один из его предшественников. Можно было подумать, что отнюдь не конкистадоры нагло вторглись в государство детей Солнца, убив его правителя, разграбив богатства и преподнеся огромную страну в подарок королю Карлу V.

Теперь согласно документам, составленным де Толедо, получалось, что Писарро и его сподвижники спасли Перу, освободили туземцев от узурпаторов и тиранов — инков. Испанский король мог, наконец, доказать всему миру, что является благодетелем перуанского народа и управляет страной на правах ее освободителя.

И тут дон Франсиско де Толедо узнал, что неподалеку от Куско уже около тридцати лет существует мятежное государство, не признающее власти испанцев. Вилькапампу следует захватить любой ценой — таков был строжайший приказ вице-короля. Снова начались попытки заманить инку Титу Куси в западню или подкупить его, но они не дали никаких результатов.

Тогда в Вилькапампу Ортису было отправлено секретное письмо с приказом убить инку. За это монаху уже заранее давалось отпущение грехов. В июле или в августе 1571 года Титу Куси заболел. Ортис взялся за лечение больного, приготовил какое-то снадобье и дал инке выпить его. Ночью больному стало совсем плохо, а через несколько дней он умер в страшных мучениях. Так погиб этот мудрый и опытный властитель.

Но и монах-отравитель не ушел от возмездия. Перуанцы схватили его и сбросили в пропасть вместе с другими испанцами, жившими в Вилькапампе.

Совет старейшин объявил новым инкой двадцатисемилетнего Тупака Амару, младшего брата Титу Куси. Молодой инка прекрасно понимал, что война неизбежна — новый вице-король не отступится от своего плана покорить мятежную область. Но Тупак Амару был еще молод, неопытен в военном искусстве и в дипломатии; войско

почти распалось, закаленные в боях ветераны состарились или умерли. А из Куско все время засылали людей, сеявших смуту и убеждавших народ в бесполезности сопротивления.

31 марта 1572 года началась война. Крупные силы испанцев со всех сторон начали наступление на Вилькапампу. Им помогли и подкупленные индейские племена, жившие по соседству с мятежной областью. Испанский авангард так стремительно захватил единственный мост через реку Урубамбу, что индейцы не успели разрушить его. Путь в Вилькапампу был открыт. Тупак Амару отступил в глубь страны, а затем через горы направился на север, рассчитывая на помощь соседних племен. Месяц спустя испанцы захватили главную крепость Вилькапампы, разрушили ее и сожгли дворец инки. Они рыскали в поисках сокровищ, но так и не нашли ничего.

Началось преследование инки. В июле и августе в горах бушевали метели, и беглецам пришлось очень тяжело, они не могли даже разжечь костер и согреться. И все-таки прошло почти три месяца, прежде чем Тупак Амару был схвачен испанцами.

Закованного в цепи пленника привезли в Куско и бросили в темницу. Начался судебный процесс. Так же, как при суде над Атауальпой, переводчик задавал самые невинные вопросы, а в протокол записывались ответы, в которых подсудимый признавал себя виновным в тягчайших преступлениях. Тупак Амару обвинялся в незаконном захвате власти, убийствах, осквернении христианских храмов, в клятвопреступничестве, воровстве и сокрытии сокровищ инков. Пленник и двадцать его сподвижников были приговорены к смертной казни — инке должны были отрубить голову, остальных — повесть.

4 октября 1572 года осужденных через весь город повели к главной площади Куско. На улицах собрались огромные толпы народа. Магистрат опасался восстания, поэтому пленников охраняли множество вооруженных до зубов испанцев и четыреста воинов из союзных испанцам индейских племен, на площади была размещена крупная воинская часть, располагавшая пушками.

Сначала предали смерти ближайших соратников инки. Перед казнью их подвергли таким пыткам, что трое

умерли по дороге на эшафот, а еще двое — на площади. Первыми повесили умерших, потом тех, в ком еще теплились признаки жизни. Последним взошел на эшафот инка. Палач взялся за топор. И тут, по свидетельству очевидцев, перуанцы, в огромном количестве собравшиеся на площади, издали такой страшный и мучительный вопль, словно наступил день страшного суда. А инка, оттолкнув палача, поднял руки и обратился с прощальной речью к своему народу и только потом положил голову на плаху.

Отрубленная голова Тупака Амару была насажена на высокий кол и выставлена на площади, а тело похоронено в католическом соборе — перед смертью над инкой совершили обряд крещения. Сам вице-король и епископ Куско участвовали в похоронах, дабы показать перуанцам, что их повелитель отрекся от бота Солнца и принял христианскую веру. Но монахи трудились напрасно — перуанцы приходили в Куско из самых отдаленных мест, чтобы как величайшей святыне поклониться отрубленной голове своего властелина.

Скоро по всей стране распространились слухи, что инка вовсе не убит, что ему удалось бежать и скрыться в горах, он вернется и освободит свой народ. Эта надежда не угасала в течение долгих столетий рабства.

Несмотря на все свое мужество и презрение к смерти, перуанцы потерпели поражение в борьбе с завоевателями. Феодализм оказался сильнее первобытной общины и рабовладельческого строя, бронзовое и каменное оружие не могло соперничать с мушкетами и стальной броней. Не последнюю роль сыграла и католическая церковь, вероломно подрывавшая боевой дух индейцев своим учением о покорности и смирении и одновременно благословлявшая все преступления завоевателей, эксплуатацию и угнетение поработенных народов.

Вслед за завоеванием страны инков последовало безжалостное уничтожение индейской культуры и общественного строя, разграбление материальных ценностей, убийство миллионов людей. Ни в одной из стран Нового Света конкистадоры не зверствовали так, как в Перу. В горах и долинах еще долго белели кости перуанцев — немые и жуткие свидетели разыгравшихся здесь кровавых оргий.

Полуголодное существование и непосильный труд на плантациях и особенно на рудниках все больше сокращали численность туземного населения.

По свидетельству многих историков, к началу испанского вторжения в Перу жило двенадцать миллионов индейцев, через сорок лет (около 1580 г.), согласно более или менее достоверным данным, их осталось около 8 миллионов, то есть две трети. А если согласиться с утверждением некоторых специалистов, что до завоевания численность индейцев достигала тридцати двух миллионов человек?

Некоторые буржуазные историки пытались оправдать завоевателей Америки. Кровопролитие, эксплуатация, порабощение — все это, утверждали и утверждают они, присуще человеческой природе и, следовательно, было неизбежным злом. Но таким дешевым приемом нельзя оправдать ни феодальных, ни капиталистических хищников.

До испанского вторжения государство инков не знало нищеты; разруху и голод принесли сюда завоеватели. Раньше в стране не было ни одного нищего, никто не просил подаяния: общество обеспечивало своих членов средствами существования. Первая нищенка, по свидетельству одного из хронистов, появилась в Куско в 1560 году. Эта старая индианка бродила от дома к дому, выпрашивая милостыню. Перуанцы испытывали к ней такое отвращение, что проклинали несчастную женщину и плевали ей вслед, хотя стучалась она только в дома испанцев.

Оросительные системы, в создание которых был вложен громадный труд, пришли в негодность. Возделанные террасы превратились в пустыни. Для обработки земли стали применять более примитивные орудия, чем во времена инков. Продукция земледелия резко сократилась, несмотря на то, что испанцы ввезли сюда ряд новых сельскохозяйственных культур и занялись выгонным скотоводством. От заботливо охранявшихся перуанцами огромных стад лам и альпака сохранились жалкие остатки — и то лишь благодаря тому, что индейцы угнали часть этих животных высоко в горы. По свидетельству хрониста Ондегардо, за четыре года испанцы забили больше лам, чем их было забито за четыре столетия гос-

подства инков. Нередко испанцы убивали ламу только для того, чтобы полакомиться ее мозгами.

Страна инков была окончательно разорена. Кровожадные завоеватели, которых великий сын Испании, автор бессмертного «Дон-Кихота» Мигель Сервантес называл «толпой негодяев», сделали свое черное дело — разрушили прекрасные перуанские города и храмы, разграбили гробницы и усыпальницы в поисках золота и серебра. Эти металлы стали буквально проклятием перуанской земли, причиной ее несчастий и разорения. От них веяло дыханием смерти.

Завоеватели надеялись, что наконец-то в Перу воцарится мир и покой — кладбищенский покой. Но полной покорности в Новом Свете им добиться не удалось. То там, то тут вспыхивали индейские восстания. Особенно ожесточенная борьба развернулась на юге Чили, где обитали воинственные племена арауканцев. После казни Гонсало Писарро туда вернулся Педро де Вальдивия. Он понемногу продвигался все дальше на юг и в 1550 году основал в устье реки Био-Био новый опорный пункт — Консепсьон, а в 1552 году — город, названный в его честь Вальдивией.

Колонизация этих областей происходила в условиях непрекращающихся стычек и боев. Здесь испанцы впервые столкнулись с народом, отважно и без колебаний поднявшимся на борьбу за свою свободу. И лишь после продолжительных и кровопролитных войн белые захватчики сумели обосноваться в Чили. Но не серебро и золото ждали их здесь. Ничего, кроме смерти, не сулила им арауканская земля. Повсюду приходилось возводить крепости, чтобы прятаться за их стенами от непрерывных нападений индейцев.

Арауканцы отступали на юг, не прекращая борьбы. Колонистам приходилось самим обрабатывать свои плантации, при этом не расставаясь с мечом. Вальдивия жестоко расправлялся с пленными, отрубая им руки и вырывая ноздри, но никакие зверства завоевателей не могли сломить сопротивления индейцев.

Со временем туземцы переняли от испанцев их военное искусство, и довольно успешно. По некоторым сведениям, один из них — Лаутаро — выдал себя за перебежчика и целый год прожил среди испанских солдат, а затем

вернулся к своим соотечественникам и водил их в бой по всем правилам европейского военного искусства. В 1554 году арауканцам удалось захватить в плен и казнить самого Педро де Вальдивию вместе с его ближайшими припешниками.

Завоевание Араукании длилось два с половиной столетия (с 1535 по 1773 год). По словам одного губернатора, оно обошлось Испании дороже, чем захват всех остальных колоний в Новом Свете.

В 1600—1602 годах арауканцы подняли всеобщее восстание, в результате которого испанцы были почти полностью изгнаны из этого края. В руках завоевателей осталось лишь несколько опорных пунктов, все остальные поселения были уничтожены, однако испанцы без особого сожаления расстались с этим краем. В 1773 году Испания оказалась вынужденной временно признать независимость Араукании. Даже в девятнадцатом веке после провозглашения независимости Чили на юге еще продолжались столкновения с белыми колонистами. Только в 1883 году чилийскому правительству удалось окончательно подчинить арауканцев и присоединить их земли к Чилийской республике.

В Перу два столетия прошли в сравнительно мирной обстановке. Но под пеплом тлели угли народного недовольства, и в 1780 году в стране вспыхнуло восстание, охватившее многие области. Им руководил индеец Хосе Габриель Кондорканки, прямой наследник правителей — инков. 4 ноября он собрал индейских старейшин и призвал народ к оружию:

«Пока мы не сбросим чужеземное иго, голод, страдания и рабское ярмо будут нашим уделом. Нас много, а угнетателей — горсточка.

Поднимайтесь, братья! Государство детей Солнца не погибло, оно возрождается, оно живет, оно борется. Долой испанского короля, долой испанских наместников и корехидоров! Земля Перу должна принадлежать перуанцам!»

Неделю спустя шестьдесят тысяч воинов двинулись на Куско, древнюю столицу инков. Хосе Габриель, зная, насколько священна для перуанцев память о Тупаке Амару, принял имя: Тупак Амару Второй.

Все области к северу от Куско присоединились к мя-

тежникам, и в первом же бою с испанцами восставшие одержали блестящую победу. В верхнем течении Апури-маки и Урубамбы образовалось индейское государство, где от испанского ига были освобождены индейцы, креолы, метисы, негры, мулаты.

В начале декабря войско нового инки насчитывало восемьдесят тысяч человек, но оно не располагало ни орудиями, ни ружьями, ни порохом. Восставшие были вооружены только копьями и пращами. Это плохо вооруженная армия хотя и осадила Куско, но не могла овладеть отлично укрепленным городом. Испанцам удалось подтянуть вспомогательные силы из Лимы и поссорить креолов и метисов с индейцами. Постепенно восстание было подавлено. Крупные силы испанцев окружили временную резиденцию Тупака Амару, и ему пришлось тайно бежать в горы.

Вождя мятежников следовало захватить любой ценой. За голову инки была обещана огромная награда — двадцать тысяч песо, и предатель нашелся. Тупак Амару, его семья и другие руководители попали в руки к испанцам. На допросах их безжалостно пытали, но никто не сказал ни слова.

13 мая 1781 года суд объявил свой приговор: привести Хосе Тупака Амару на главную площадь Куско, туда же, где был когда-то казнен Тупак Амару I, и в присутствии осужденного вырвать язык его жене, детям и захваченным в плен руководителям восстания, а затем повесить их. Когда эти преступники умрут, палач вырвет язык у самого Тупака Амару, а затем крепкими веревками привяжет его за руки и за ноги к четырем лошадям, которых пустят вскачь, чтобы они разорвали тело осужденного. Его голова будет насажена на кол.

Ужасный приговор был приведен в исполнение, и перуанцы снова лишились своего вождя. Зверская расправа вызвала новое массовое восстание индейцев. Они окружили Ла-Пас и несколько месяцев держали его в осаде. С большим трудом испанцам удалось одержать победу в этой войне, длившейся более двух лет и унесшей восемьдесят тысяч жизней.

БЛЕСК И НИЩЕТА ИСПАНИИ

Империя, в которой никогда не заходит солнце. — Сверкающий поток серебра и золота. — Короткий период расцвета. — Закат Испании. — Ограбление колоний. — Столкновение испанских и английских интересов. — Золото сокрушает феодализм. — Колонии освобождаются от испанского ига

Захват страны детей Солнца превратил Испанию в мировую империю. В ее состав входили бесчисленные заморские территории — от цветущей Флориды и знойной Калифорнии в Северной Америке до прохладных чилийских лесов на юге Южной Америки. Она включила в себя Вест-Индию — все Антильские острова, а также Мексику, Центральную Америку, золотую страну инков Перу. Испанские колонии в Новой Гранаде (Венесуэла) и в Ла-Плате (Аргентина) глубоко вдавались в новооткрытый континент, чьи контуры все яснее обозначались на карте мира.

В Европе под властью Испании находились: на севере богатые Нидерланды и Германия, на юге — африканское побережье, на востоке — Италия. В испанских владениях никогда не заходило солнце. Испания угрожала даже Англии и Франции, наиболее развитым государствам Западной Европы, пытаясь либо разгромить их, либо подчинить себе, заключая браки между представителями царствующих фамилий.

К колоссальной испанской империи в 1581 году была насильственно присоединена Португалия с ее богатейшими колониями в Ост-Индии — то есть в собственно Индии и в Индонезии (правда, через шестьдесят лет Португалия вновь отделилась от Испании).

Эта огромная монархия почти до конца XVI века удерживала руководящую роль в мире, главенствуя на море и на суше, став крупнейшим центром торговли между Европой и Америкой, Африкой и Азией. Мир еще не знал столь блестящей империи. Никто не мог одолеть ее закаленных воинов на поле боя, ее изворотливых дипломатов — за столом переговоров, никто не мог сравниться с искусством испанских капитанов, водивших корабли по всем морям земного шара.

Сверкающий поток серебра и золота тек в Испанию

как из заморских владений, так и из богатейших Нидерландских провинций. По некоторым данным, с 1535 по 1660 год испанцы вывезли из Америки драгоценных металлов на три миллиарда золотых рублей, в то время как все рудники Старого Света с начала их эксплуатации и до середины XVII века не дали и половины этой огромной суммы. Особенно богатыми были серебряные месторождения Потоси (на территории нынешней Боливии). Об этой горе были сказаны знаменательные слова: «Из недр Потоси вырывался серебряный поток и тек через океан в Испанию, наводняя ее богатством и могуществом. Началась счастливая эпоха в испанской экономике, искусстве и науке». Во второй половине XVI века только из Потоси в Испанию было доставлено свыше семп миллионов килограммов серебра. Возле сказочно богатых рудников вырос огромный город с населением в 120 000 человек. Во всем Западном полушарии не было более крупного города. По числу жителей Потоси превосходил такие города, как Лондон, Париж и Рим. И в то же время здесь гибло на рудниках бесчисленное количество рабов.

Правители Испании надеялись, что благодаря награбленным богатствам им удастся завоевать весь мир, и казалось, что осуществление этой мечты не за горами.

Золото инков вызвало стремительный расцвет Испании. Но продолжался он недолго. Вскоре начался упадок экономики. Несмотря на все больший приток заморских сокровищ, во второй половине XVI века промышленное и ремесленное производство стало сокращаться, уменьшился торговый оборот, приходило в упадок сельское хозяйство. Сократилось даже количество населения, потому что тысячи людей переселялись в Новый Свет. Целые области страны опустели и текущие со всех сторон богатства нельзя было использовать для развития экономики. Золото не обогатило родину конкистадоров, оно разорило Испанию, принесло нищету ее народу.

За экономическим упадком последовал и упадок политического могущества. В 1572 году началось восстание в Нидерландах, и эта богатейшая страна, уже вступившая на путь капиталистического развития, отделилась от Испании. Обогнали последнюю и другие высокоразвитые государства Западной Европы. Растущая буржуазия этих стран вступила в борьбу с Испанией за господство на море и за американские колонии.

Колониальная политика Испании носила примитивный, хищнический характер. Несмотря на поток переселенцев, за океаном не был создан новый общественный строй. Туда оказались перенесенными старые феодальные порядки. Метрополия навязывала колониям мелочную бюрократическую опеку, посылала туда чиновников, не знакомых и не желавших знакомиться с местными условиями и нуждами, и озабоченных только личным обогащением.

Испанское правительство прилагало немало усилий, чтобы задержать промышленное развитие Перу и других колоний и тем самым обеспечить рынок сбыта для товаров и сельскохозяйственных продуктов, производимых в метрополии, даже для таких, как оливковое масло и пшеница. Виноградники и оливковые сады Перу, согласно приказу короля, подлежали уничтожению. Так задерживалось экономическое развитие страны, но Испании это принесло мало пользы — в Новый Свет устремился поток контрабандных товаров.

В торговле с американскими колониями была установлена строгая государственная монополия. С начала XVI века право на торговые связи со всеми заморскими территориями имел лишь один испанский порт — Севилья. Иностранным кораблям запрещалось заходить в прибрежные воды испанских владений.

Но вскоре европейские государства стали оспаривать господство Испании во всех морях мира. С ведома короля Франции французские пираты начали охоту за испанскими кораблями на главных морских путях. В 1522 году им даже удалось захватить сокровища Монтезумы, которые завоеватель Мексики Кортес отправил из порта Веракрус в Испанию.

Французские морские разбойники — корсары нападали на города, расположенные вдоль побережья Карибского моря, грабя их либо облагая высокой контрибуцией. Французы даже попытались основать свои колонии в Центральной и Южной Америке. Но из Бразилии их вскоре изгнали португальцы, а форт во Флориде, откуда совершались нападения на испанские корабли в Карибском море, был захвачен испанцами.

Примеру французов последовали голландцы, также направившие своих корсаров во все моря мира.

Но особенно ожесточенную борьбу вызвало столкно-

вение испанских интересов с английскими. Англия превратилась в великую морскую державу и все чаще стала посылать свои корабли за океан. В течение жизни одного поколения выросли отважные английские мореплаватели, полуторговцы, полупираты, путешественники и открыватели новых земель.

Эти «морские псы», как их называли испанцы, занимаясь разбоем, контрабандой и работорговлей, в то же время закладывали основы Британской империи. На своих быстроходных кораблях они отправлялись в далекие плавания через океан, высаживались на побережье Мексики и Перу, грабили города Карибского моря или брали с них большой выкуп, топили испанские суда.

Патриотизм, религиозная нетерпимость (Англия уже в 30-х годах XVI века из католической страны превратилась в протестантскую) и жажда наживы — вот что, главным образом, стимулировало деятельность английских пиратов. Самыми знаменитыми среди них были Мартин Фробишер, Уолтер Рэли, мореплаватель, пират и писатель, работорговцы Хоукинсы и прославленный Фрэнсис Дрейк. В 1572 году Дрейк высадился на Панамском перешейке и захватил караван мулов с перуанским серебром. В 1577—1580 годах Дрейк (вторым после Магеллана) совершил кругосветное путешествие, попутно разграбив портовые города Чили, Перу и Центральной Америки. Дрейк за время этого плавания получил четыре тысячи семьсот процентов чистой прибыли, львиную долю которой он отдал королеве Елизавете — покровительнице корсаров.

Но самый страшный удар был нанесен Испании в 1588 году, когда английский флот разгромил состоявшую из ста тридцати кораблей «Непобедимую армаду» испанского короля Филиппа II.

К 1660 году, после неудачных войн с Англией, Францией и Голландией, Испания потеряла почти все острова в Карибском море. В ее руках остались только Куба и Пуэрто-Рико. На Эспаньоле еще кое-где держались испанские гарнизоны, но большая часть острова была захвачена пиратами.

Золото, которое текло в Европу из-за океана, нанесло сильный удар феодализму. Приток драгоценных металлов дал толчок развитию торговли и промышленности, преобразовал сельское хозяйство. Колонии обеспечивали

широкий рынок сбыта для продукции мануфактур. В Европе шло накопление капитала.

Конкистадоры — представители феодального строя проложили дорогу капитализму и колониальной системе. Образовалась система мировой торговли, развивалась крупная промышленность, образовались новые классы — буржуазия и пролетариат. Прежний социально-экономический строй был подорван во всех странах Европы.

Неудачные войны, нападения пиратов па караваны судов, восстания туземцев и рабов в заморских владениях окончательно подорвали былое могущество Испании. Страна все больше клонилась к упадку и со временем превратилась в державу второго сорта. Некогда великая мировая империя закончила свое существование.

В 1810 году в Перу и во многих других американских колониях Испании началась национально-освободительная война индейцев, метисов и креолов (испанцев, родившихся в Америке) против своих угнетателей.

В 1825 году Испания была вынуждена отказаться почти от всех своих американских владений. Перу и другие страны, входившие некогда в состав государства инков, также обрели независимость. Но трехсотлетнее господство колонизаторов оставило неизгладимые следы — отсталость, голод, нищету, от которых больше всего страдало коренное население — индейцы. В наши дни все это еще больше усугубляется в результате хозяйничанья американских монополий, безжалостно эксплуатирующих древнюю страну инков.

Но перуанский народ не теряет надежды, что когда-нибудь будет создано подлинно свободное государство Солнца, где власть и все блага жизни уже не будут принадлежать богачам, где люди труда не будут влачить нищенское существование и умирать от голода. Новый общественный строй, основанный на свободе, труде, равноправии — вот великая мечта древней страны инков.

СОДЕРЖАНИЕ

На пороге Эльдорадо

Зов золотого миража	9
Триумвират начинает действовать	15
Первая экспедиция — первая неудача	20
Союз меча, золота и креста	26
И снова каравеллы выходят в океан	29
На Петушином острове	35
На подступах к Перу	39
В Испанию за королевской милостью	44

Страна детей Солнца

У истоков перуанской истории	55
Государственный строй инков	63
Земледелие и ремесла	75
Религия и наука	93

С мечом и крестом в Андах

Хищник подкрадывается к добыче	113
Завоеватели используют междоусобную войну в Перу	120
Через горы в Кахамарку	127
Дерзкий план	134
Трагедия Кахамарки	141
Инка в плену	147
Новые грабительские походы	155
Дележ добычи	161
Подлое убийство	166
Конкистадоры в сердце Перу	171
Притязания соперников	178
Поход Альмагро в Чили	190
Восстание перуацев	195

Междоусобная война конкистадоров

Ссоры и столкновения претендентов на власть	207
Конец Альмагро	212
Всю власть в одни руки	218

В «Страну корицы»	223
Вниз по великой реке	230
Смерть великого маркиза	243
Разгром альмагристов	249
Борьба между королем и конкистадорами	254
Гонсало Писарро захватывает власть	260
Слуга божий прибывает в Перу с «миссией мира»	266
Последний Писарро на эшафоте	272
Гибель страны детей Солнца	280
Блеск и нищета Испании	290

Артур Карлович Лиелайс

ЗОЛОТО ИНКОВ

Редактор Ж. Эит. Худ. редактор А. Липин. Техн. редактор Л. Сленкова.
Корректор Л. Усачева.

Сдано в набор 28 февраля 1974 г. Подписано к печати 31 июля 1974 г.
Типографская бумага № 2, Формат 84X108/32. 9, 3 физ. печ. л.; 16, 38 усл.
печ. л.; 15, 77 уч. -изд. л. Тираж 45 000 экз. Цена 64 коп. Издательство
«Лисма», г. Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. зак. № 496/26679/Л-2496. От-
печатано в типографии «Циня» Государственного комитета Совета Минист-
ров Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли, г. Рига, ул. Блаумана, 38/40, Заказ № 828-Л.